

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. О. Егоров канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНИЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Москва, Россия)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Сендай, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)
И. В. Силантьев чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «История»

Ответственный редактор

А. В. Дмитриев д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

С. О. Егоров канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

А. Н. Алексеенко д-р ист. наук, профессор (Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)

В. П. Булдаков д-р ист. наук (Институт российской истории РАН, Москва, Россия)
В. Фудзимото д-р истории, профессор (Осакский университет экономики и права, Япония)

Д. Вулф д-р истории, профессор (Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония)
В. Дённингхаус д-р истории, профессор (Нордост-институт при Гамбургском университете, Люнебург, Германия)

Л. В. Дериглазова д-р ист. наук, профессор (Томский государственный университет, Россия)

С. В. Кондратьев д-р ист. наук, профессор (Тюменский государственный университет, Россия)

А. С. Лавров д-р ист. наук, профессор (Университет Париж – Сорbonна, Париж, Франция)

Ш. Б. Мухамедов д-р ист. наук (филиал Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина в г. Ташкенте, Республика Узбекистан)

Г. Г. Пиков д-р ист. наук, д-р культурологии, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

С. Ю. Сапрыкин д-р ист. наук, профессор (Московский государственный университет, Институт всеобщей истории РАН, Россия)

Д. Смил д-р истории, профессор (Школа истории колледжа королевы Марии Лондонского университета, Великобритания)

И. Халфин д-р истории, профессор (Тель-Авивский университет, Израиль)

П. Холквист д-р истории, профессор (Пенсильванский университет, США)

В. И. Шишкин д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Advisory Board of Academic Journal

“Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Stanislav O. Egorov Candidate of Sciences (History) (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amirkhanov	Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
Bence Viola	Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)
Elena E. Voytishek	Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
Tomasz Glantz	Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)
Andrey V. Golovnev	Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), St. Petersburg, Russian Federation)
Arkadiy E. Demidchik	Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)
Anatoliy P. Derevianko	Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
Jacques Joubert	Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)
Olga D. Zhuravel	Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
Gabriella E. Imposti	Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)
Stephen M. Kotkin	Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)
Vladimir A. Lamin	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
Oka Hiroki	Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)
Hermann Parzinger	Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
Hugues Plisson	Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)
Bae Kidong	Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)
Peter Rutland	Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)
Igor V. Silantev	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
Tang Chung	Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)
Tomas Higham	Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)
Yuriy V. Shatin	Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “History”

Executive Editor

Andrey V. Dmitriev Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

Stanislav O. Egorov Candidate of Sciences (History) (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

Alexandr N. Alekseenko Doctor of Sciences (History), Professor (S. Amanzholov East-Kazakhstan State University, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan)

Vladimir P. Buldakov Doctor of Sciences (History) (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Wakio Fujimoto Doctor of Sciences (History), Professor (Osaka University of Economics and Law, Japan)

David Wolff Doctor of Sciences (History), Professor (Hokkaido University, Sapporo, Japan)

Viktor Dönnighaus Doctor of Sciences (History), Professor (North-East Institute of University of Hamburg, Lüneburg, Germany)

Larisa V. Deriglazova Doctor of Sciences (History), Professor (Tomsk State University, Russian Federation)

Sergey V. Kondratiev Doctor of Sciences (History), Professor (Tyumen State University, Russian Federation)

Alexander S. Lavrov Doctor of Sciences (History), Professor (Paris-Sorbonne University, Paris, France)

Shukhrat B. Mukhamedov Doctor of Sciences (History) (Tashkent Branch of the National University of Oil and Gas “Gubkin University”, Uzbekistan)

Gennadiy G. Pikov Doctor of Sciences (History), Doctor of Culture Science, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Serguey Yu. Saprykin Doctor of Sciences (History), Professor (Moscow State University, Institute for World History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

Jonathan Smele Doctor of Sciences (History), Professor (Queen Mary’s college of London University, United Kingdom)

Igal Halfin Doctor of Sciences (History), Professor (Tel Aviv University, Israel)

Peter Holquist Doctor of Sciences (History), Professor (University of Pennsylvania, Philadelphia, United States)

Vladimir I. Shishkin Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

ВЕСТНИК НГУ

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2025. Том 24, № 8: История

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

Фофанова А. Р. Опыт публичной дипломатии: миссии Бенджамина Франклина и Томаса Джейферсона во Франции (1776–1789 годы)	9
Палищева Н. В. Вопрос о роли традиционной символики в построении индийской нации колониального периода (1880-е – 1917 годы)	22

Буранок С. О. Арабское восстание в Палестине в оценках периодической печати США 1936–1937 годов	34
---	----

Российская история

Зуев А. С. Властный статус Гантимура в середине XVII века: историографические интерпретации и исторические реалии	46
---	----

Гурьянова Н. С. «Книга о правой вере» в рукописи из собрания М. Н. Тихомирова	65
---	----

Мацумура Т. Служебная карьера офицеров во 2-й армии Российской империи в 1820–1825 годах	76
--	----

Ильин П. В. Влияние родственных связей декабристов на следственный процесс 1825–1826 годов: члены семей государственных и военных деятелей, избежавшие суда	88
---	----

Чуркин М. К. Диалог Русской православной церкви и социума Западной Сибири в дискурсе служащих духовных миссий конца XIX – начала XX века	101
--	-----

<i>Ходяков М. В. Модернизация Уссурийской линии Китайско-Восточной железной дороги: Никольская ветвь в 1906–1919 годах</i>	111
<i>Булдаков В. П. От войны к революции: векторы социального предчувствия и пути раз渲ла Российской империи</i>	123
Историография. Источниковедение	
<i>Матханова Н. П. Предисловия к томам документальной серии «Полярная звезда» как историографический источник</i>	139
Научная информация	
<i>Красильников С. А., Игнатьева Е. А., Кожаева А. А., Мамонтова Д. А. Научные чтения «Мирры отечественной интеллигенции в XX веке: профессия, общество, власть» (Новосибирск, 26 февраля 2025 г.)</i>	151
Список сокращений	157
Информация для авторов	158

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2025, vol. 24, no. 8: History

CONTENTS

World History

<i>Fofanova A. R.</i> The Practice of Public Diplomacy: The Missions of Benjamin Franklin and Thomas Jefferson in France (1776–1789)	9
<i>Palisheva N. V.</i> The Question of the Role of Traditional Symbols in the Construction of the Indian Nation during the Colonial Period (1880s – 1917)	22
<i>Buranok S. O.</i> The Arab Revolt in Palestine in the Assessments of US Press 1936–1937	34

Russian History

<i>Zuev A. S.</i> The Power Status of Gantimir in the mid-17 th Century: Historiographic Interpretations and Historical Realities	46
<i>Gurianova N. S.</i> “The Book of the Right Faith” in the Manuscript from the Collection of M. N. Tikhomirov	65
<i>Matsumura T.</i> Career Paths of the Officers in the 2 nd Army of the Russian Empire in 1820–1825	76
<i>Ilyin P. V.</i> The Influence of the Family Ties of the Decembrists on the Investigative Process of 1825–1826: Relatives of the Government and Military Leaders who Escaped Judicial Punishment	88
<i>Churkin M. K.</i> Dialogue of the Russian Orthodox Church and the Society of Western Siberia in the Discourse of the Employees of Ecclesiastical Missions of the Late 19 th – Early 20 th Century	101

<i>Khodyakov M. V. Modernization of the Ussuri Line of the Chinese Eastern Railway: Nikolskaya Branch in 1906–1919</i>	111
<i>Buldakov V. P. From War to Revolution: Vectors of Social Premonition and the Paths of Collapse of the Russian Empire</i>	123
Historiography. Source Studies	
<i>Matkhanova N. P. Introductory Articles to the Volumes of the Documentary Series “Polar Star” as a Historiographic Source</i>	139
Scientific Information	
<i>Krasilnikov S. A., Ignatieva E. A., Kozhaeva A. A., Mamontova D. A. Scientific Readings “Worlds of National Intelligentsia in the 20th Century: Profession, Society, Authority” (Novosibirsk, February 26, 2025)</i>	151
List of Abbreviations	157
Instructions to Contributors	158

Научная статья

УДК 94(73)«1775/1789»
DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-9-21

Опыт публичной дипломатии: миссии Бенджамина Франклина и Томаса Джефферсона во Франции (1776–1789 годы)

Анна Романовна Фофанова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

fofanovaar@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2451-6154>

Аннотация

Статья посвящена изучению опыта публичной дипломатии первых представителей США в Европе в эпоху Войны за независимость и послевоенные годы. В центре внимания исследования – деятельность Б. Франклина и Т. Джефферсона по формированию положительного образа молодой американской республики в Старом Свете, средства и приемы, которые они использовали для информирования европейского общества о событиях в Северной Америке, борьбы с английской пропагандой и дезинформацией, развенчания мифов и негативных представлений о Соединенных Штатах. В исследовании предпринята попытка дифференциации понятий «публичная дипломатия» и «пропаганда» применительно к ранней истории США.

Ключевые слова

США, Война за независимость США, публичная дипломатия, пропаганда, Бенджамин Франклин, Томас Джефферсон

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00108 «Метаморфозы политической пропаганды в Западной Европе и Северной Америке (XVII – начало XIX в.)», <https://rscf.ru/project/25-18-00108/>

Для цитирования

Фофанова А. Р. Опыт публичной дипломатии: миссии Бенджамина Франклина и Томаса Джефферсона во Франции (1776–1789 годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 9–21.
DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-9-21

The Practice of Public Diplomacy: The Missions of Benjamin Franklin and Thomas Jefferson in France (1776–1789)

Anna R. Fofanova

M. V. Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
fofanovaar@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2451-6154>

Abstract

This article examines practice of public diplomacy by the first US representatives in Europe during the American War for Independence and post-war years. The research focuses on Benjamin Franklin and Thomas Jefferson's efforts to inform European society about developments in the New World, counteract English propaganda and disinformation, and debunk myths and negative perception regarding the United States. The study aims to differentiate the concepts of "public diplomacy" and "propaganda" in the context of early history of the USA. The author concludes that Benjamin

Franklin employed a variety of methods to influence European society. He initiated the publication of key official documents of the United States, including the Declaration of Independence, the Articles of Confederation, various state constitutions. Franklin immersed himself in French high society visiting salons, dinners, where he could make important acquaintances and informally advocate for the interests of the young republic. As a member of renowned intellectual community “Republic of Letters”, Franklin leveraged his popularity and reputation in scientific circles to promote interests of the United States. In a series of letters to his colleagues he explained the reasons that compelled Americans to revolt, described the situation on the battlefield. At the same time in his efforts to expose English policy toward the North American colonies, “the founding-father” resorted to propaganda and disinformation. The analysis further reveals the contributions of Thomas Jefferson, who succeeded Franklin as the United States envoy to France following the conclusion of the War of Independence. Deeply concerned about myths and negative perceptions of the USA circulating in Europe due to G. L. Leclerc, Comte de Buffon theory of degeneration, he organized an information campaign, promoted cultural exchange, and fostered cooperation with scientific circles on both sides of the Atlantic. The article is addressed to those interested in early American history, public diplomacy concept, and its application during the formative years of the United States.

Keywords

the USA, American Revolutionary War, Public diplomacy, Propaganda, Benjamin Franklin, Thomas Jefferson

Acknowledgments

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 25-18-00108 “Metamorphoses of political propaganda in Western Europe and North America (17th – early 19th century)”, <https://rsrf.ru/project/25-18-00108/>

For citation

Fofanova A. R. The Practice of Public Diplomacy: The Missions of Benjamin Franklin and Thomas Jefferson in France (1776–1789). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 9–21. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-9-21

Успехи восставших колонистов в Войне за независимость Соединенных Штатов зависели не только от расстановки сил на полях сражений, состояния дел внутри союза, но и от способности молодой американской республики снискать поддержку дела революции в странах Европы, вовлечь ключевые государства в конфликт с Англией, получить от них финансовую помощь. С этой целью были созданы два ведомства: Секретный комитет для обеспечения поставок вооружения и боеприпасов, Комитет секретной корреспонденции. Первому ведомству под руководством Роберта Морриса уже в мае 1776 г. удалось получить заем в размере 1 млн ливров у Франции через подставную фирму «Горталез и Ко». Комитет секретной корреспонденции, который возглавил Бенджамин Франклин, был призван наладить дипломатические связи с европейскими дворами, выяснить степень расположности монархов к делу Американской революции, готовность начать торговое взаимодействие. С этой целью после подписания Декларации независимости США 4 июля 1776 г. американские представители, причем без получения агримана, были направлены к иностранным дворам от Парижа до Санкт-Петербурга: в декабре 1776 г. Б. Франклин отправился во Францию, в 1779 г. Дж. Джей был направлен в Испанию, в 1781 г. Дж. Адамс – в Нидерланды и Ф. Дейна – в Россию.

Перед посланниками в Европе стояла задача не только информировать Конгресс о состоянии дел на международной арене, пытаться заручиться поддержкой европейских монархов, но и работать с общественным мнением стран Старого Света, формируя позитивный облик американской республики и дела революции. В послевоенный период предстояло способствовать утверждению позиций Соединенных Штатов в системе международных отношений. Для достижения поставленных целей они прибегали к инструментам публичной дипломатии. Именно этому аспекту внешнеполитической деятельности Бенджамина Франклина и Томаса Джефферсона будет посвящено данное исследование. Планируется рассмотреть набор приемов и средств, которые «отцы-основатели» использовали для борьбы с английской пропагандой и дезинформацией, развенчания мифов и негативных представлений о Новом Свете, а также какой именно образ молодой американской республики они стремились создать в Европе, преимущественно монархической. Несмотря на то что все американские посланники в той или иной степени взаимодействовали с европейской общественностью, стремились продвигать цели и идеалы революции, деятельность Франклина и Джефферсона представ-

ляет для нас особый интерес, так как именно они делали особый акцент на работе по формированию общественного мнения, взаимодействию с деятелями науки и культуры, смогли выработать нетривиальные подходы к информированию европейцев о Соединенных Штатах. Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении понятий «пропаганда» и «публичная дипломатия» применительно к внешнеполитической деятельности США в эпоху Войны за независимость и первые послевоенные годы.

Термин «публичная дипломатия» был предложен в 1965 г. Э. Гуллионом, дипломатом и деканом Дипломатической школы Флетчера Университета Тафта, для обозначения средств, с помощью которых правительства, частные группы и отдельные лица оказывают влияние на отношение зарубежной целевой аудитории к политике государства: «Она возвращает общественное мнение в других странах... устанавливает коммуникацию между дипломатами и журналистами, создает межкультурную коммуникацию» [Cull, 2008, р. 13]. Большинство американских исследователей современных Соединенных Штатов склонны проводить разграничение между пропагандой и публичной дипломатией. Пропаганда понимается ими как средство введения в заблуждение путем дезинформации и искажения действительности, публичная дипломатия – как распространение сведений о стране, основанных на реальных фактах и достижениях. Согласно Дж. Наю [Nay, 2008, р. 104–105], пропаганда использует манипулятивные стратегии, ориентирована на достижение краткосрочных задач. Н. Калл отмечает, что публичная дипломатия в отличие от пропаганды также предполагает двустороннюю коммуникацию, внимание к объекту воздействия, учет настроений иностранной аудитории, готовность «слушать» мнения, идущие со стороны зарубежного общества [Cull, 2019, р. 13]. На основе полученной о себе информации извне государство должно проводить информационную кампанию с целью коррекции своего имиджа в иностранном обществе, формирования поддержки тех или иных внешнеполитических решений и смягчения их критики [Ibid., р. 24]. Кроме того, Калл заявляет о важности культурных обменов, ознакомления иностранной аудитории с ценностями и принципами, на которых базируется внутренняя и внешняя политика государства, достижениями в области науки и искусства.

Проблема публичной дипломатии США занимает важное место в исследованиях политологов, историков и представителей других гуманитарных областей знания. Большинство работ посвящено современному этапу развития концепта, его инструментария применительно к Соединенным Штатам, в то время как проблеме исторических истоков данного явления уделяется крайне мало внимания. История продвижения идей Американской революции как внутри североамериканских колоний, так и на внешнеполитической арене рассматривается через призму политической пропаганды [Трофименко, 1978; Плешков, 2006]. Подобные работы многочисленны, особенно в американской историографии: начиная от ставших классическими трудов А. М. Шлезингера [Schlesinger, 1958] и Ф. Дэвидсона [Davidson, 1941], в которых авторы делают акцент на предреволюционной памфлетистике, роли прессы в развитии конфликта колоний и метрополии, до современных исследований, посвященных особенностям коммуникации и распространения информации (и дезинформации) по обе стороны Атлантики [Castronovo, 2014]. Это закономерно, ведь, по выражению Б. Бейлина, революционерами «были использованы все средства письменного выражения, чтобы донести до американцев мысль о том, что пришло время отделиться от Великобритании» [Bailyn, 1967, р. 1]. Есть и труды, посвященные внешнеполитической пропаганде – деятельности Б. Франклина, Дж. Адамса по работе с общественным мнением в Европе, поиску поддержки революции среди индейских племен [Butterfield, 1950]. К. Бергер [Berger, 1961] анализирует широкий арсенал средств давления на противника, которые использовали Соединенные Штаты во время Войны за независимость: дезинформация, подкуп, запугивание и др.

Гораздо меньше исследователей склонно рассматривать деятельность первых американских представителей за рубежом через призму публичной дипломатии. Это связано, во-первых, с устоявшейся традицией вести отсчет истории публичной дипломатии США с середины XX в., во-вторых, с сохранением представлений о тождественности понятий «пропаган-

да» и «публичная дипломатия», несмотря на наличие весьма разработанного теоретического аппарата по их разграничению. В этом смысле показательна работа Ф. Грина [Green, 1988], который отметил, что Б. Франклин и Т. Джейферсон изобрели публичную дипломатию США, которая является лишь эвфемизмом для слова «пропаганда»: «Называйте это как хотите, но эти два гения преуспели в пиаре, рекламе, продвижении определенных идей и психологическом манипулировании общественным мнением» [Ibid., p. 3]. Совершенно иной подход к трактовке публичной дипломатии молодой американской республики демонстрирует К. Е. Шиндлер [Schindler, 2018]. Автор проводит четкое разграничение между пропагандой и публичной дипломатией, понимая под последней «любые сознательные усилия правительства США или частных лиц по взаимодействию и общению с иностранной аудиторией, выходящие за рамки официальных правительственные контактов, официальной переписки или торговли, для достижение политических целей» [Ibid., p. 10]. С этой позиции Шиндлер рассматривает деятельность Б. Франклина во Франции, которыйставил своей задачей общение не только с официальными лицами при дворе Людовика XVI, но и с представителями научных кругов Европы, деятелями искусства и культуры, занимался информированием европейцев о состоянии дел в Новом Свете.

Приезд Б. Франклина в Париж в конце 1776 г., где уже неофициально находились американцы Сайлес Дин и Артур Ли, имел своей целью «начать переговоры для заключения договора о дружбе и торговле с французским двором» (The Works of Benjamin Franklin, 1904, vol. 7, p. 149). Однако Франклайн, хорошо известный в Европе по «Альманаху бедного Ричарда» и экспериментам с электричеством, очень быстро стал объектом внимания европейских интеллектуалов и французской общественности: «Его репутация превосходила славу Лейбница или Ньютона, Фредерика или Вольтера... Его имя было знакомо правителям и народу, королям, придворным, представителям знати, духовенству, философам так же, как и племянникам» (Works of John Adams, 1850–1856, vol. 1, p. 660); «Во всей Франции сложно было найти кучера или горничную, не знакомых с образом главного бунтаря» [Schiff, 2005, p. 53]. Высокая сутулая фигура в простом квакерском наряде с бобровой шапкой была повсеместно узнаваема. Очень скоро стало модным украшать интерьеры гостиных портретами и бюстами Франклина, носить медальоны с его изображением [Плешков, 2006, с. 23]. Этому, безусловно, также способствовали ум и находчивость американца, его манера поведения и готовность с головой погрузиться в пучину светской жизни. Дж. Адамс, который присоединился к американской делегации в Париже весной 1778 г., по этому поводу отмечал: «Сразу после завтрака экипажи начинали стекаться к нашей парадной двери, это были люди самого разного сорта... некоторые из них – философы, ученые, экономисты, а также его друзья в литературном плане, которых он привлекал к работе по переводу его произведений. В большинстве же это были женщины и дети, пришедшие увидеть “великого” Франклина. Все эти посетители занимали большую часть его времени до самого вечера... Каждый вечер его кто-то приглашал на ужин, он никогда не отказывал»¹. Адамс писал о распорядке дня Франклина с раздражением, ведь именно ему пришлось взять на себя всю рутинную работу американской миссии, однако столь активная социальная жизнь «отца-основателя» неслучайна – званые обеды и ужины, встречи в салонах и частные визиты он рассматривал как возможность узнать о настроениях французского двора и высшего света, получить последние новости и слухи, расположить более широкую аудиторию к проблемам в Новом Свете и делу Американской революции: «В болтливом и шумном Париже... Франклайн делал что-то совершенно необычное. Он слушал» [Schiff, 2005, p. 53]. В Париже XVIII в. лучшим местом для этого были кафе и салоны. Он посещал известные салоны Марии Луизы Николь де Ларошфуко, герцогини д'Энвиль, Анны Катрины де Ленвиль д'Отрикур [Lopez, 1990] и др. Услышанное в деталях сообщалось в отчетах Континентальному конгрессу.

¹ John Adams Autobiography. Pt. 2: Travels and Negotiations, 1777–1778 // Adams Family Papers: An Electronic Archive. Massachusetts Historical Society. Sheet 26. URL: https://www.masshist.org/digitaladams/archive/doc?id=A2_26&bc=%2Fdigitaladams%2Farchive%2Fbrowse%2Fautobio2.php (дата обращения 05.05.2025).

Кроме того, активная социальная жизнь служила ему прикрытием, чтобы раньше времени не раскрыть для английской стороны истинные цели приезда известного американца – официальное признание Соединенных Штатов Францией и заключение союза: «Я до сих пор не знаю, чего добился доктор Франклайн. Когда он только прибыл, казалось, что у него есть важная миссия, однако внезапно он окружил себя философами. Если он и обсуждает какие-то политические цели, то не с министрами короля, а скорее с теми, кто им противостоит. Очевидно, оппозиция – его естественная стихия» [Lopez, 1990, р. 68], – писал министр иностранных дел Шарль Гравье де Верженн французскому послу в Лондоне.

Пребывая во Франции, Франклайн вел активную переписку с людьми самого разного толка – просветителями, публицистами, естествоиспытателями, общался с Вольтером, Кондорсе. Ярким явлением научной жизни рассматриваемого периода была «Республика писем» – объединение ученых Европы и Нового Света, ведущих друг с другом переписку: «В тысячах и тысячах писем участники обсуждали новые теории, критиковали идеи друг друга, вели хронику текущих политических событий, передавали самые свежие новости»². Членом общества был и Б. Франклайн [Фофанова, 2021, с. 243]. Если до начала своей дипломатической миссии он воспринимал «Республику писем» лишь как возможность обмена научными знаниями, с приездом во Францию она стала для него площадкой для популяризации идей Американской революции, распространения информации о причинах восстания колонистов, ходе военных действий, а также важным ресурсом в налаживании контактов с политиками, придворными и теми, кто был готов помочь делу Войны за независимость. Как отмечает исследовательница С. Шифф, «научная карьера Франклина сыграла огромную роль в его развитии как дипломата» [Schiff, 2005, р. 369]. Примером подобного рода взаимодействия может служить переписка американца с Яном Игенхаузом, голландским и английским физиологом, в которой Франклайн в красках описывал причины восстания колоний против метрополии, цели своего пребывания во Франции, стремился оспорить информацию о ходе военных действий, публикуемую в английских газетах: «Англичане давно хвастались в своих газетах успехами против нас, но наши последние сведения таковы, что их вторжение в Пенсильванию было отражено, они были отброшены через Нью-Джерси в Нью-Йорк со значительными потерями в результате трех сражений, их кампания, скорее всего, закончится на тех же позициях, что и начиналась» (The Papers of Benjamin Franklin, 1983, р. 310–314).

Известность Франклина в научных кругах, его участие в «Республике писем» позволили ему сформировать сеть контактов – кто-то просто выражал сочувствие делу революции, иные рекомендовали тех, кто словом или делом был готов поддержать американцев. Так, во Франции Б. Франклайн общался с французским ученым Антуаном Лораном Лавуазье, чей родственник – Жак Польз – помогал посланнику в налаживании поставок американского табака на французский рынок.

Не менее важным направлением деятельности «отца-основателя» была работа с прессой – снабжение ее корректной информацией о состоянии дел в Новом Свете, публикация важных для молодой американской республики документов, борьба с английской дезинформацией. Англичане использовали европейскую прессу, чтобы преуменьшить масштаб войны с колониями, преувеличить их неизбежное поражение, распространить слухи о примирении [Schindler, 2018, р. 57]. Это было особенно важно ввиду сложности доставки информации из Нового Света – американские представители в письмах Комитету секретной корреспонденции жаловались о том, что «враг распространяет лживые новости по всей Европе, пока они не могут получить ни одного известия от Конгресса» (The Papers of Benjamin Franklin, 1983, р. 285–289) о реальном положении на полях сражений. Чтобы смягчить последствия отсутствия своевременной и правдивой информации из Америки, Б. Франклайн сделал ставку на ознакомление европейского общества с Соединенными Штатами, тем более для этого уже

² Hindley M. Mapping the Republic of Letters. Using Modern Technology to Understand a Network of Eighteenth-century Thinkers // Humanities. 2013. Vol. 34, no. 6. URL: <https://www.neh.gov/humanities/2013/novemberdecember/feature/mapping-the-republic-letters> (дата обращения 05.05.2025).

была подготовлена почва: по инициативе французских властей в журнале «Политика Англии и Америки» еще до прибытия Франклина в Париж были опубликованы Декларация независимости и главный пропагандистский памфлет революции – «Здравый смысл» Т. Пейна. «Отец-основатель» распорядился об издании в том же журнале ранних редакций Статей Конфедерации, а также текстов конституций тринадцати штатов Союза [Berger, 1961, р. 189–190]. Все эти документы должны были служить доказательством того, что восставшим колонистам удалось создать крепкое правительство, систему управления, которая вряд ли станет жертвой анархии.

Опытный публицист, издавший Б. Франклин прекрасно понимал силу прессы: «Древнегреческие и римские ораторы могли обращаться лишь к тем гражданам, которые могли собраться в пределах досягаемости их голосов. Их письменные произведения не имели особого эффекта, потому что большинство людей не умели читать. Сегодня же посредством прессы мы можем говорить с целыми народами, хорошие книги и отлично написанные памфлеты могут иметь огромное влияние... Одни и те же истины могут быть многократно усилены путем их ежедневного повторения в газетах с разных ракурсов... это дает шанс на их утверждение. Теперь мы обнаруживаем, что необходимо не только ковать железо, пока горячо, но и постоянно поддерживать нагрев» (The Works of Benjamin Franklin, 1904, р. 221). Данная выдержка из корреспонденции Франклина любопытна в свете дискуссий о соотношении понятий «публичная дипломатия» и «пропаганда» применительно к внешнеполитической деятельности США в эпоху Войны за независимость. Очевидно, что американский посланник намеревался не только информировать зарубежную аудиторию, давать правдивые сведения о ходе событий, но и «подогревать» общественный интерес, тиражируя новости из Нового Света, по сути манипулировать общественными настроениями. Это лишь подтверждает тезис о порой очень тонкой, почти невидимой грани между публичной дипломатией и пропагандой.

Франклин смог наладить контакты с целым рядом редакторов и издавальств в континентальной Европе. Так, в марте 1777 г. с ним вступил в переписку секретарь Физического научного общества в Роттердаме и издаватель «Rotterdamsche Courant» Райнер Арренберг, который выразил готовность публиковать все присыпаемые Франклином новости (The Papers of Benjamin Franklin, 1983, р. 538–539). В декабре 1777 г. к нему обратился некий К. С. Пейч из Уtrechta также с запросом на получение оперативных и достоверных новостей из Америки для своей газеты. С опорой на Ч. Дюма, неофициального агента Комитета секретной корреспонденции в Гааге, Б. Франклин смог наладить контакты с «La Gazette de Leyde» и «Courier du Bas-Rhin», одними из ведущих европейских изданий XVIII в. на французском языке.

Стоит отметить, что Франклин в своей работе с прессой не ограничивался лишь передачей сухих фактов о событиях в Новом Свете, он публиковал свои заметки, памфлеты. Ярким примером обращения к политической пропаганде, является сатирическое произведение, получившее среди историков условное название «Продажа гессенцев». Оно было написано в форме анонимного письма, но большинство исследователей приписывает его Б. Франклину. От лица некоего графа Шаумбурга в адрес барона де Хохендорфа, якобы командующего немецкими войсками в Америке, автор повествует о практике сдачи в наем армий германских княжеств иностранным державам, в том числе Англии во время Войны за независимость США. Георг III, действительно, привлек к борьбе в Новом Свете около 30 тыс. наемников, преимущественно из немецкого княжества Гессен-Кассель, хотя многие солдаты пришли и из Гессен-Гомбурга, Ганновера, Ангальт-Цербста и др. Они были хорошо экипированы и тренированы, использовались англичанами в ключевых сражениях Войны за независимость – в Лонг-Айлендском сражении, битве при Уайт-Плейнсе, битве за Трентон, сражении при Саратоге. Большинство договоров о найме содержали положение о «кровавых деньгах» – немецкие князья получали денежную компенсацию за каждого убитого наемника в размере около семи фунтов за человека, при этом трое раненых считались за одного убитого. Франклин высмеивал данную практику, демонстрируя алчность европейских правителей,

готовых «торговать кровью своего народа»: в письме отправитель жалуется, что в отчете для Лондона недосчитался убитых солдат. В результате битвы при Трентоне, заявляет автор, погибло 1 605 чел., в то время как в отчетах, направленных в английское министерство значилась цифра меньше – 1 455 солдат. Это грозило значительными убытками: «Я получу всего лишь 483 450 флоринов, вместо 643 500, на которые рассчитывал, согласно нашей договоренности» (The Papers of Benjamin Franklin, 1983, p. 480–484). Далее речь шла о раненых, за которых платили меньше, автор сетовал, что им следовало бы лучше умереть в интересах их хозяина, нежели продолжать жизнь калеками: «Мой дорогой барон, Вы можете со всей справедливостью намекнуть хирургам, что калека – это позор их профессии, и что нет ничего мудрее, чем позволить каждому из них умереть, когда он перестает быть годным к борьбе». Наконец, автор доводил рассуждение о наемничестве до абсурда, сравнивая солдат с товаром: «Правда, что в наших краях становится все меньше и меньше мужчин, но я могу отправить Вам и мальчиков. К тому же чем более редкий товар, тем он дороже» (The Papers of Benjamin Franklin, 1983, p. 480–484).

Это сатирическое произведение впервые было опубликовано во Франции, однако очень быстро распространилось по всей Европе, вызвав широкую критику практики сдачи в наем немецких солдат Англии.

Не меньший интерес представляет и так называемое «Приложение к газете “The Boston Independent Chronicle”», опубликованное Франклином ближе к 1782 г., когда возможность приближения будущих мирных переговоров становилась все более очевидной. Этим сочинением «отец-основатель» стремился подтолкнуть англичан к более решительным шагам на пути заключения мира, настроить общественное мнение Европы против бывшей метрополии, вынудив ее пойти на уступки. Приложение было отпечатано на газетном станке Франклина в Пасси, по виду напоминало типичную газету с несколькими полосами, рекламой. В ней содержалось письмо якобы от некого капитана милиции из Новой Англии, сообщавшего о перехвате восьми больших посылок, в которых обнаружились скальпы американских солдат, женщин и детей. К посылке, по словам автора, была прикреплена записка от вождя племени сенека, адресованная губернатору Квебека Ф. Хэлдименду, с просьбой переправить скальпы королю Георгу III в подтверждение верности и лояльности индейцев монарху. Далее по тексту следовало инвентарное описание содержания каждой посылки: «Содержит 193 скальпа мальчиков разного возраста... на коже следы грязи, красные порезы, следы от пуль, ножа, топора или дубинки» (The Papers of Benjamin Franklin, 2003, p. 184–196). Б. Франклин не стеснялся во всех ужасающих деталях описывать те зверства, которые якобы совершили индейцы от имени англичан.

Как и в случае с «Продажей гессенцев», этот документ получил широкое распространение во Франции и вскоре был перепечатан в Англии. Как отмечает К. Бергер [Berger, 1961, p. 212], это было сделано благодаря верному кругу соратников Франклина, образованному еще в 1774 г., связь с которым ему удавалось поддерживать и в военное время.

Конечно, «Продажа гессенцев» и «Приложение...» – далеко не единственные образцы франклинской пропаганды. В отличие от публичной дипломатии, пропаганда свойственны гиперманипуляция, мифологизация, стереотипизация. Американец в своих работах стремился оказать целенаправленное воздействие на инстинкты и эмоции читателей, вызвать ужас, гнев европейской аудитории от сравнения немецких солдат с товаром или рассказа о зверствах индейцев. Франклин использовал и мифологизацию, создав выдуманного героя – некоего алчного немецкого ландграфа, и ситуацию, в которой представляли и англичан, и германских правителей в самом неприглядном свете. Неслучайно в своем «Приложении...» он обращался и к теме индейских племен, которые в Европе ассоциировались с дикостью, необузданностью, крайней жестокостью, т. е. использовал стереотипизацию.

Таким образом, в своей деятельности на посту представителя США в Париже Б. Франклин прибегал к широкому арсеналу средств влияния на европейскую аудиторию. Его по праву можно считать основателем американской публичной дипломатии, так как по сравнению

с другими посланниками молодой республики он в наибольшей степени был ориентирован на работу с европейским общественным мнением, прессой, стремился не только достигнуть целей, поставленных перед ним Континентальным конгрессом, но и ознакомить более широкую публику с культурой, политическим строем Соединенных Штатов, жизнью в Новом Свете. При этом «отец-основатель» не отказывался и от использования пропаганды, в стремлении изобличить политику Англии в отношении североамериканских колоний сам занимался дезинформацией. Широта средств и методов, которые Франклин использовал во внешне-политической деятельности, объясняется как его личными качествами и популярностью, которой он пользовался в Париже и других европейских столицах, так и крайне нестандартными обстоятельствами – самопровозглашенная республика, находящаяся в войне с метрополией, искала поддержки у одной из самых влиятельных монархий Европы.

Бенджамин Франклин способствовал подписанию с Францией договоров «О дружбе и торговле» и «Об условном и оборонительном союзе», был свидетелем ее вступления в войну, принимал участие в проведении переговоров по итогам Войны за независимость, заключении Версальского мирного договора (1783 г.). Лишь исполнив свой долг перед республикой, в 1785 г. он покинул Париж, на посту посланника США его сменил Томас Джефферсон, автор Декларации независимости, также пользовавшийся широкой известностью в Старом Свете.

Положение Т. Джефферсона в Париже коренным образом отличалось от статуса Б. Франклина – он представлял не мятежные колонии, а государство, чей суверенитет был признан на международной арене. Он в меньшей степени зависел от настроений во французском обществе, расположения к нему придворных элит. Возможно, именно этим обусловлен меньший интерес исследователей к публичной дипломатии и пропаганде Джефферсона, чаще историки уделяют внимание его деятельности по расширению американо-французской торговли. Однако, будучи увлеченным натуралистом, изобретателем, ценителем искусства, американский посланник с готовностью погрузился в культурную и научную жизнь Франции. Он посещал салоны и художественные выставки, старался изучить французское изобразительное искусство, считая, что Соединенные Штаты должны также стремиться к созданию национального искусства. Культура, по мнению американца, могла выступать важным средством формирования внешнеполитического имиджа государства. В письме к Дж. Мэдисону он отмечал: «Я энтузиаст относительно искусства, но я вовсе не стыжусь этого, потому что считаю его средством улучшить вкус наших соотечественников, повысить их репутацию, обеспечить уважение и похвалу мира» (The Papers of James Madison, 1973, vol. 8, p. 366–369).

Как и Франклин, он общался с представителями научных кругов Европы, естествоиспытателями, натуралистами, например с Андре Туэном – известным французским ботаником, Жаном Антуаном маркизом де Кондорсе – секретарем Академии наук Франции, который представил Джефферсона ведущим ученым и исследователям Европы того времени. Однако в рамках данного исследования интерес представляет целенаправленная деятельность Т. Джефферсона по формированию позитивного образа Соединенных Штатов.

К концу XVIII в. «за США закрепилась репутация культурно отсталой страны, в которой проживал грубый и нецивилизованный народ» [Krenn, 2017, p. 9]. Распространению этой точки зрения в научных кругах способствовали работы Жоржа-Луи Леклерка, графа де Бюффона, натуралиста, управляющего Королевским ботаническим садом в Париже. В «Естественной истории» он дал свою интерпретацию происхождения мира, собрал богатые сведения о флоре и фауне разных стран и континентов, а также объяснил причины их разнообразия. Ученый считал, что климат, ландшафт, характер местности оказывают влияние на формирование биологических видов. По мнению Бюффона, одни среды обитания могли способствовать «улучшению», качественному развитию форм жизни, другие, напротив, вызывать их «вырождение» [Фофанова, 2022, с. 658]. Это стало основой дегенеративной теории, которую он использовал применительно к Северной Америке: «Из-за жизни в холодном и влажном

климате все виды, найденные в Америке, были слабыми и немощными», а «коренные американцы, подвергшиеся воздействию сил вырождения и упадка, превратились в глупых и ленивых дикарей» [Dugatkin, 2016, р. 9]. Эти выводы ученый распространял и на европейских переселенцев в Новом Свете.

Схожие идеи высказывал Корнелиус де Пау, прусский ученый, философ, дипломат: «Европейцы, которые попадают в Америку, деградируют, как и животные» [Ibid.]. Это, по его мнению, было связано с плохим качеством воздуха, обилием лесов, болот, ядовитыми парами стоячих вод, возникавшими из-за неразвитого сельского хозяйства, отсутствия возделываемых почв [Фофанова, 2022, с. 658]. Работа ученого после выхода в свет в 1768 г. стала крайне популярной в Европе, «печаталось одно переиздание за другим, она переводилась с французского на английский, голландский, немецкий» [Church, 1936, р. 178].

Наиболее ярким обличителем дегенеративной теории применительно к Новому Свету стал Томас Джефферсон. Деятельность «отца-основателя» в этом направлении можно рассматривать как проявление публичной дипломатии. Американец опасался, что теории Бюффона и Корнелиуса де Пау могли нанести ущерб репутации Соединенных Штатов, сделать их менее привлекательными для иммигрантов, препятствовать развитию коммерческих связей, в которых государство так нуждалось в послевоенный период [Dugatkin, 2009, р. 59].

Еще в 1780 г. он начал работу над «Заметками о штате Виргиния» (Джефферсон, 1990), чтобы на примере своего родного штата дать точную и правдивую информацию о состоянии лесов и почв, водоемов, богатства животного и растительного мира Виргинии. По мере написания он обращался за консультациями к коллегам – натуралистам, агрономам, физикам и химикам (The Papers of Thomas Jefferson, 1952, vol. 6, р. 339–340). Споря с Бюффоном, Джефферсон отметил: «Говорят, что Америка не дала пока миру ни одного способного математика, ни одного гения в каком-либо виде искусства или области наук... Когда мы как народ просуществуем столько же, сколько просуществовали греки, прежде чем они породили Гомера... французы – Расина и Вольтера... нам нужно будет исследовать, какие неблагоприятные причины обусловили такое положение вещей... А пока в военной области мы дали миру Вашингтона... в области физики – Франклина... мы считаем, что м-ра Риттенхауза не превзошел ни один из ныне живущих астрономов» (Джефферсон, 1990, с. 153).

«Заметки о штате Виргиния», впервые опубликованные во Франции в 1785 г., а в Англии в 1787 г., стали воплощением публичной дипломатии, если не сказать «культурной дипломатии», Томаса Джефферсона. Сам он неоднократно встречался с графом де Бюффоном, стремясь доказать ложность его заключений, например, о влиянии влажности на биологическое развитие Северной Америки. В беседе с агрономом, натуралистом Б. Боганом он даже задался вопросом о возможности покупки некого прототипа гидрометра для проведения сравнительных замеров влажности в Европе и Соединенных Штатах.

Американец понимал, что для убеждения научного сообщества и более широкой публики в неверности дегенеративной теории применительно к природе Нового Света и, как следствие, населению необходимо было что-то более существенное. Находясь в Европе, он распорядился об отправке Бюффону шкуры большой американской пантеры, а позже заявил о своем намерении привести в Европу чучело американского лося и других животных в доказательство разнообразия животного мира Северной Америки. Первое чучело было отправлено в Париж в 1787 г. По сообщениям Джефферсона, граф де Бюффон обещал внести изменения в свою «Естественную историю» относительно животного мира США. Однако этого так и не произошло, поскольку Бюффон скончался всего через несколько месяцев после получения груза. На протяжении всего XIX в. американцам еще не раз пришлось столкнуться с негативными представлениями и предвзятостью в отношении Нового Света, однако деятельность Т. Джефферсона ознаменовала начало борьбы США за европейское общественное мнение.

Таким образом, Б. Франклин и Т. Джефферсон сделали первые шаги на пути разработки инструментария и подходов к реализации публичной дипломатии, явления, которое обретет

свое название лишь в XX столетии. Американские представители в Европе осознавали необходимость выстраивания взаимодействия не только с официальными лицами государств, но и с представителями науки, искусства, общественными деятелями – словом, с теми, кто в той или иной степени мог влиять на восприятие Соединенных Штатов в Европе, способствовать, хоть и косвенно, достижению внешнеполитических задач. Использование инструментария публичной дипломатии во внешнеполитической деятельности вовсе не означало отказ от других методов достижения целей, в частности, Франклин активно прибегал к политической пропаганде и практике дезинформации. Это было обусловлено реалиями времени – США находились в состоянии войны с метрополией, нуждались в поддержке государств Европы, когда действовать нужно было ситуативно для решения краткосрочных задач. Деятельность же Т. Джефферсона в послевоенный период была направлена на достижение долгосрочных целей – налаживания надежных коммерческих связей, формирования позитивного облика американской республики в Европе. Борьба «отца-основателя» против теории дегенерации Нового Света и негативных представлений о Соединенных Штатах стала ярким явлением в истории ранней публичной дипломатии США. Организация информационной кампании, культурный обмен, сотрудничество с научными кругами по обе стороны Атлантики – то, что активно использовал Джефферсон в своей внешнеполитической деятельности.

Список литературы

- Плешков В. Н.** Бенджамин Франклин – первый американский дипломат // Философский век. Альманах. СПб., 2006. Вып. 31: Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Ч. 1. С. 15–36.
- Трофименко Г. А.** Американская пропаганда: история и современность. М.: Междунар. отношения, 1978. 304 с.
- Фофанова А. Р.** Бенджамин Франклин – первый публичный дипломат в истории Соединенных Штатов Америки // Молодой ученый. Международный научный журнал. 2021. № 46. С. 242–244.
- Фофанова А. Р.** Томас Джефферсон: опыт публичной дипломатии в первые годы независимости Соединенных Штатов // Молодой ученый. Международный научный журнал. 2022. № 21. С. 657–659.
- Bailyn B.** Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge, London: The Belknap Press of Harvard Uni., 1967. 416 p.
- Berger C.** Broadsides and Bayonets. The Propaganda War of the American Revolution. Philadelphia: Uni. of Pennsylvania Press, 1961. 226 p.
- Butterfield L. H.** Psychological Warfare in 1776: The Jefferson-Franklin Plan to Cause Hessian Deserts // Proceedings of the American Philosophical Society. 1950. Vol. 94, no. 3. P. 233–242.
- Castronovo R.** Propaganda 1776: Secrets, Leaks, and Revolutionary Communications in Early America. Oxford: Oxford Uni. Press, 2014. 247 p.
- Church H. W.** Corneille de Pauw, and the Controversy Over His “Recherches Philosophiques sur les Américains” // Publications of the Modern Language Association of America. 1936. No. 51 (1). P. 178–206.
- Cull N. J.** “Public Diplomacy” Before Gullion: The Evolution of a Phrase // Routledge Handbook of Public Diplomacy. N. Y., 2008. P. 39–43.
- Cull N. J.** Public Diplomacy. Foundations for Global Engagement in the Digital Age. Cambridge: Polity Press, 2019. 272 p.
- Davidson P.** Propaganda and the American Revolution, 1763–1783. Chapel Hill: Uni. of North Carolina Press, 1941. 460 p.
- Dugatkin L. A.** Mr. Jefferson and the Giant Moose: Natural History in Early America. Chicago: Uni. of Chicago Press, 2009. 184 p.

- Dugatkin L. A.** Thomas Jefferson Versus Count Buffon: The Theory of New World Degeneracy // The Chautauqua Journal. 2016. Vol. 1, no. 17. P. 1–14.
- Green F.** American Propaganda Abroad. N. Y.: Hippocrene Books, 1988. 210 p.
- Krenn M. L.** The History of United States Cultural Diplomacy: 1770 to the Present Day. L., N. Y.: Bloomsbury Academic, 2017. 217 p.
- Lopez C. A.** Mon Cher Papa. Franklin and the Ladies of Paris. New Haven: Yale Uni. Press, 1990. 424 p.
- Nay J. S., jr.** Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. No. 616 (94). P. 94–109. DOI 10.1177/0002716207311699
- Schiff S.** A Great Improvisation. Franklin, France, and the Birth of America. N. Y.: Henry Holt and Company, 2005. 512 p.
- Schindler C. E.** The Origins of Public Diplomacy in US Statecraft. Uncovering a Forgotten Tradition. Washington, D. C.: Palgrave Macmillan, 2018. 344 p.
- Schlesinger A. M.** Prelude to Independence: The Newspaper War on Britain, 1764–1776. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1958. 363 p.

Список источников

- Джефферсон Т.** Автобиография. Заметки о штате Виргиния / Отв. ред. А. А. Фурсенко. Л.: Наука, 1990. 315 с.
- The Papers of Benjamin Franklin. March 16 through August 15, 1782 / Ed. by E. R. Cohn. New Haven, London: Yale Uni. Press, 2003. Vol. 37. 882 p.
- The Papers of Benjamin Franklin. October 27, 1776 – April 30, 1777 / Ed. by W. B. Willcox. New Haven, London: Yale Uni. Press, 1983. Vol. 23. 664 p.
- The Papers of James Madison. 10 March 1784 – 28 March 1786 / Eds. R. A. Rutland, W. M. E. Rachal. Chicago: The Uni. of Chicago Press, 1973. Vol. 8. 560 p.
- The Papers of Thomas Jefferson, 21 May 1781 – 1 March 1784 / Ed. by J. P. Boyd. Princeton: Princeton Uni. Press, 1952. Vol. 6. 738 p.
- The Works of Benjamin Franklin. Including the Private as well as the Official and Scientific Correspondence / Ed. by J. Bigelow. N. Y., L.: G. P. Putnam's Sons, 1904. Vol. 7. 499 p.
- Works of John Adams, Second President of the United States: With a Life of the Author, Notes and Illustrations, by his Grandson / Ed. by C. F. Adams. Boston: Little Brown and Company, 1856. Vol. 1. 697 p.

References

- Bailyn B.** Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge, London, The Belknap Press of Harvard Uni. Press, 1967, 416 p.
- Berger C.** Broadsides and Bayonets. The Propaganda War of the American Revolution. Philadelphia, Uni. of Pennsylvania Press, 1961, 226 p.
- Butterfield L. H.** Psychological Warfare in 1776: The Jefferson-Franklin Plan to Cause Hessian Desertions. *Proceedings of the American Philosophical Society*, 1950, vol. 94, no. 3, pp. 233–242.
- Castronovo R.** Propaganda 1776: Secrets, Leaks, and Revolutionary Communications in Early America. Oxford, Oxford Uni. Press, 2014, 247 p.
- Church H. W.** Corneille de Pauw, and the Controversy Over His “Recherches Philosophiques sur les Américains”. *Publications of the Modern Language Association of America*, 1936, no. 51 (1), pp. 178–206.
- Cull N. J.** “Public Diplomacy” Before Gullion: The Evolution of a Phrase. In: Snow N., Taylor P. M. (eds.). Routledge Handbook of Public Diplomacy. New York, Routledge, 2008, pp. 39–43.

- Cull N. J.** Public Diplomacy. Foundations for Global Engagement in the Digital Age. Cambridge, Polity Press, 2019, 272 p.
- Davidson P.** Propaganda and the American Revolution, 1763–1783. Chapel Hill, Uni. of North Carolina Press, 1941, 460 p.
- Dugatkin L. A.** Mr. Jefferson and the Giant Moose: Natural History in Early America. Chicago, Uni. of Chicago Press, 2009, 184 p.
- Dugatkin L. A.** Thomas Jefferson Versus Count Buffon: The Theory of New World Degeneracy. *The Chautauqua Journal*, 2016, vol. 1, no. 17, pp. 1–14.
- Fofanova A. R.** Bendzhamin Franklin – pervyi publichnyi diplomat v istorii Soedinennykh Shtatov Ameriki [Benjamin Franklin – the First Public Diplomat in History of the United States of America]. *Molodoi uchenyi. Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal [Young Scientist. International Scientific Journal]*, 2021, no. 46, pp. 242–244. (in Russ.)
- Fofanova A. R.** Tomas Dzhefferson: opyt publichnoi diplomati v pervye gody nezavisimosti Soedinennykh Shtatov [Thomas Jefferson: the Practice of Public Diplomacy during the First Years of the US Independence]. *Molodoi uchenyi. Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal [Young Scientist. International Scientific Journal]*, 2022, no. 21, pp. 657–659. (in Russ.)
- Green F.** American Propaganda Abroad. New York, Hippocrene Books, 1988, 210 p.
- Krenn M. L.** The History of United States Cultural Diplomacy: 1770 to the Present Day. London, New York, Bloomsbury Academic, 2017, 217 p.
- Lopez C. A.** Mon Cher Papa. Franklin and the Ladies of Paris. New Haven, Yale Uni. Press, 1990, 424 p.
- Nay J. S., jr.** Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, no. 616 (94), pp. 94–109. DOI 10.1177/0002716207311699
- Pleshkov V. N.** Bendzhamin Franklin – pervyi amerikanskii diplomat [Benjamin Franklin – the First American Diplomat]. In: Filosofskii vek. Al'manakh [The Philosophical Century. Almanac]. St. Petersburg, 2006, iss. 31: Bendzhamin Franklin i Rossiya: k 300-letiyu so dnya rozhdeniya [Benjamin Franklin and Russia: to the 300th Anniversary], pt. 1, pp. 15–36. (in Russ.)
- Schiff S.** A Great Improvisation. Franklin, France, and the Birth of America. New York, Henry Holt and Company, 2005, 512 p.
- Schindler C. E.** The Origins of Public Diplomacy in US Statecraft. Uncovering a Forgotten Tradition. Washington, D. C., Palgrave Macmillan, 2018, 344 p.
- Schlesinger A. M.** Prelude to Independence: The Newspaper War on Britain, 1764–1776. New York, Alfred A. Knopf, 1958, 363 p.
- Trofimenko G. A.** Amerikanskaya propaganda: istoriya i sovremennost' [American Propaganda: History and Modern Times]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1978, 304 p. (in Russ.)

List of Sources

- Adams C. F.** (ed.). Works of John Adams, Second President of the United States: With a Life of the Author, Notes and Illustrations, by his Grandson. Boston, Little Brown and Company, 1856, vol. 1, 697 p.
- Bigelow J.** (ed.). The Works of Benjamin Franklin. Including the Private as well as the Official and Scientific Correspondence. New York, London, G. P. Putnam's Sons, 1904, vol. 7, 499 p.
- Boyd J. P.** (ed.). The Papers of Thomas Jefferson, 21 May 1781 – 1 March 1784. Princeton, Princeton Uni. Press, 1952, vol. 6, 738 p.
- Cohn E. R.** (ed.). The Papers of Benjamin Franklin. March 16 through August 15, 1782. New Haven, London, Yale Uni. Press, 2003, vol. 37, 882 p.
- Jefferson T.** Avtobiografiya. Zametky o shtate Virginiiya [Autobiography. Notes on the State of Virginia]. A. A. Furseiko (ed.). Leningrad, Nauka, 1990, 315 p. (in Russ.)

- Rutland R. A., Rachal W. M. E.** (eds.). *The Papers of James Madison*. 10 March 1784 – 28 March 1786. Chicago, The Uni. of Chicago Press, 1973, vol. 8, 560 p.
Willcox W. B. (ed.). *The Papers of Benjamin Franklin*. October 27, 1776 – April 30, 1777. New Haven, London, Yale Uni. Press, 1983, vol. 23, 664 p.

Информация об авторе

Анна Романовна Фофанова, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57969416800
WoS Researcher ID AIB-8749-2022

Information about the Author

Anna R. Fofanova, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57969416800
WoS Researcher ID AIB-8749-2022

*Статья поступила в редакцию 17.06.2025;
одобрена после рецензирования 17.07.2025; принята к публикации 31.07.2025
The article was submitted on 17.06.2025;
approved after reviewing on 17.07.2025; accepted for publication on 31.07.2025*

Научная статья

УДК 94(54).035

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-22-33

Вопрос о роли традиционной символики в построении индийской нации колониального периода (1880-е – 1917 годы)

Наталья Витальевна Палишева

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Новосибирск, Россия

palisheva17@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5759-4562>

Аннотация

Статья посвящена изучению роли традиционной символики в процессе построения индийской нации в колониальный период. В фокусе внимания автора находятся элементы традиционной индийской культуры, которые в процессе развития представлений о собственной нации существенно трансформировались и постепенно приобретали принципиально новые смыслы. Рассмотрение эволюции религиозной символики позволило проследить сложность и противоречивость этого процесса в колониальной Индии. Исследование показало, что трансформированная данная символика и возникающие с ее привлечением концепции могли иметь разнообразные варианты трактовки и восприятия внутри колониального общества.

Ключевые слова

колониальная Индия, колониальная Бенгалия, построение нации, Бонкимчондро Чоттопадхай

Для цитирования

Палишева Н. В. Вопрос о роли традиционной символики в построении индийской нации колониального периода (1880-е – 1917 годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 22–33.
DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-22-33

The Question of the Role of Traditional Symbols in the Construction of the Indian Nation during the Colonial Period (1880s – 1917)

Natalia V. Palisheva

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Siberian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Novosibirsk, Russian Federation

palisheva17@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5759-4562>

Abstract

The article examines the role of traditional symbols in the process of building the Indian nation during the colonial period. The author focuses on a number of elements of traditional Indian culture that were significantly transformed and gradually acquired fundamentally new meanings as national identity concepts emerged. Analyzing the evolution of this symbolism reveals the complexity and contradictions embedded in the nation-building process in colonial India.

© Палишева Н. В., 2025

The study showed that the transformed religious symbolism and the concepts arising with its involvement could have various options for interpretation and perception within the colonial society. Firstly, the poem "Vande Mataram", written by Bankimchandra Chattopadhyay in the second half of the 19th century, emerged as a central symbol in the movement against the partition of Bengal in 1905–1907. Secondly, the transfer of traditional ideas about the varna-caste structure of society to the modern context allowed for the conception of nation as a "horizontal partnership", even in the face of the persistent caste inequality within Indian society. Thirdly, the demand for swaraj, articulated in the early 20th century, in this formulation, enabled some colonial figures to deliberately differentiate it from the Western concept of sovereignty or to significantly broaden its interpretation. Initially framed as a call for dominion status within British India, the concept of swaraj began to evolve for several Indian thinkers, particularly A. Ghose, who came to view it as a quest for liberation from Western influence and a return to the ancient foundations of Indian society.

Keywords

colonial India, colonial Bengal, nation building, Bankimchandra Chattopadhyay

For citation

Palisheva N. V. The Question of the Role of Traditional Symbols in the Construction of the Indian Nation during the Colonial Period (1880s – 1917). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 22–33. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-22-33

Одним из ключевых вопросов общественного развития последних двух столетий является дискуссия о механизмах построения современных наций, а также использования в этих процессах традиционной символики и исторической памяти. Формирование нации как нового типа сообщества предполагает активное использование тех элементов, которые в общественном сознании связываются с историей или природой воображаемой нации и отличают ее от других. При этом сам характер и содержание исторической памяти могут в значительной степени влиять и на специфику происходящих в конкретном обществе процессов, обуславливая их уникальность. Многие классические подходы к процессу построения нации являются в определенной степени европоцентрическими и рассматривают западные процессы как образец. Вместе с тем одним из наиболее острых является вопрос о том, в какой степени процессы построения нации в восточных обществах отличаются от западного пути. Немаловажной представляется и дискуссия о роли колониализма не только применительно к политическим процессам в целом, но и в пробуждении исторической памяти колонизируемых народов. Как показывают исследования, именно эпоха колониализма привела к возвращению у этих народов исторической памяти, причем преимущественно в современных ее формах [Рашковский, 1990, с. 63].

Б. Андерсон отрицал какую-либо специфику процесса зарождения представлений о нации в восточных обществах и считал, что последние полностью перенимали западную модель [Anderson, 2001, p. 32–34]. В своем классическом исследовании он показывал, что формирование нации как «воображаемого сообщества» стало возможным, благодаря трансформации представлений о времени и пространстве, произошедших в технологических, экономических и социальных условиях Нового времени, невозможной в условиях Средневековья [Андерсон, 2001, с. 61–120]. Рассматривая западные общества в качестве непосредственных создателей идеи нации, он относился к процессу «национального воображения» как к экспортному, благодаря чему страны Востока, по его мнению, и восприняли западную модель.

С этих позиций обращение незападными обществами при построении нации к элементам собственной истории, религии или культуры может быть расценено как проявление консерватизма или традиционализма, которые с трудом вмещаются в процессы современности. В данном случае нет необходимости углубляться в теоретические споры относительно специфики восточного национализма. Гораздо более интересной представляется задача рассмотрения роли, которую может сыграть символика, кажущаяся на первый взгляд традиционной, в процессе построения современной нации.

Опыт формирования индийской нации, зародившейся главным образом в колониальный период, способен продемонстрировать всю сложность и неоднозначность проблемы соотно-

шения традиционных и современных элементов. Ряд зарубежных и отечественных исследователей в целом ставили под сомнение адекватность подобных традиционных дихотомий и характеристик для обозначения общественных процессов колониальной Индии.

Как показала в своем исследовании Е. Ю. Ванина, разделение бенгальских просветителей и националистов XIX в. на традиционалистов, модернистов, консерваторов и либералов не всегда адекватно отражает ситуацию, и реальный процесс при более детальном рассмотрении оказывается намного сложнее [Ванина, 2014, с. 113]. На наш взгляд, подобная характеристика может быть отнесена и к тем процессам, которые разворачивались в ходе национально-освободительного движения начала XX столетия.

П. Чаттерджи указывал, что специфической характеристикой колониального социума являлось то, что еще в середине XIX в. представители индийской общественно-политической мысли ментально утвердили свой суверенитет во внутренней сфере, касавшейся духовных и социальных вопросов, признавая за колонизаторами моральное право и полномочия управления исключительно внутренней сферой, включавшей в себя политику [Chatterjee, 1986, р. 65–92].

Подобные утверждения позволяли расширить данное разделение и применить его ко всей сфере формирующегося в колониальном обществе националистического дискурса. В качестве общей тенденции выделялось формирование двух языков индийского национализма. Особенностью внешнего языка индийского национализма стало восприятие основных западных политических теорий и понятий и использование их относительно колониальной ситуации. Формирование внутреннего языка индийского национализма было результатом произведенной современным сознанием трансформации отдельных фрагментарных, зачастую элитарных, элементов традиционной индусской / индийской культуры в эгалитарную символику абстрактно «воображаемой» общности (наци). Специфика внешнего языка индийского национализма заключалась в том, что он был направлен непосредственно на колонизатора и позволял выдвигать понятные ему требования (пусть и по большей части не удовлетворяемые). Внутренний язык индийского национализма позволял формировать образ нации и был направлен исключительно внутрь самого общества [Палишева, 2013, с. 19–22].

На начальных этапах зарождавшаяся националистическая идеология всесильно основывалась на западных политических и правовых теориях. Основатели созданного в 1885 г. Индийского Национального Конгресса ставили перед собой задачу донесения до британских колонизаторов своих нужд и требований. При этом одной из целей ИНК было расширение своего влияния именно в Великобритании [Никитин, 2016, с. 118]. Воспитанные во многом в европейской системе ценностей и получившие образование британского образца, они вполне внятно оперировали и общеиндийскими понятиями. Как показывают исследования, несмотря на наличие индусского большинства, другие религиозные группы также были представлены в Конгрессе, и он все же был организацией общеиндийского масштаба [Никитин, 2018, с. 105]. Подобное положение вещей, безусловно, создавало прочный фундамент для интеграционных процессов и может быть расценено как проявление модернизма. Однако этого явления было недостаточно для развития «воображения» индийской нации в контексте тех массовых трансформаций общественного сознания, о которых писал Б. Андерсон.

Представляется, что непосредственно основа «национального воображения» была заложена в колониальной Бенгалии второй половины XIX в. и нашла отражение в ходе протестных движений в 1905–1917 гг. Нужно отметить, что еще во второй половине XIX в. мыслители колониальной Бенгалии активно рефлексировали над спецификой собственной религии. Т. Г. Скороходова обозначила данный процесс как «открытие индуизма» [2024, с. 137].

Начавшееся в 1905 г. протестное движение было реакцией на административную реформу британской власти, предполагавшую раздел Бенгалии по религиозному принципу. Согласно этой реформе, на месте единой Бенгалии создавалось два региона – один с большинством индусского населения, а второй – мусульманского. Подобное положение вещей не устроило значительную часть населения Бенгалии и привело к столь острой общественной реакции.

Протест против раздела Бенгалии выразился главным образом в форме движения *свадеш-ши*, предполагавшего бойкот английских товаров и отказ от участия в деятельности созданных британцами школ, университетов и судов.

Одним из центральных символических элементов движения против раздела Бенгалии стало известное стихотворение «*Ванде Матарам*» (Приветствуя тебя, Родина-мать!), само название которого превратилось в политический лозунг.

Содержащее в себе значительную долю религиозной индусской символики, оно ни в коей мере не может считаться чисто традиционным, поскольку было созданоベンгальским писателем Бонкимчондро Чоттопадхаем всего несколькими десятилетиями ранее.

В целом можно выделить три этапа существования данного стихотворения. Первоначально Бонкимчондро написал его в первой половине 1870-х гг., и оно оставалось никому не известным вплоть до публикации в романе «Анандаматх» в 1881 г. И с этого момента начинается второй этап его существования – как элемента данного романа. Третий этап наступил уже в 1905 г., когда оно становится одним из центральных элементов протестной символики и обретает глубокий и неоднозначный политический смысл. В качестве политического символа данное стихотворение продолжало жить в поздний колониальный период и уже в независимой Индии. И на этом уровне оно вызывало много споров и разногласий.

Особый интерес представляет политическая жизнь стихотворения, которая начала активно развиваться в ходе раздела Бенгалии. Однако не менее важны и его существование как элемента романа и его восприятие в 80-е гг. XIX в. И в романе, и в стихотворении происходит конструирование автором образа Родины-матери, существенно повлиявшего на всю политическую символику антиколониального движения первой половины XX в.

Как показывают исследования, обозначение страны как Матери не было чем-то необычным в Бенгалии в 1860-е и 1870-е гг. [Bhattacharya, 2003, p. 78]. Подобная конструкция весьма отчетливо встречается и в тексте исторического романа «Анандаматх». Его действие проходило во время Великого голода в Британской Бенгалии 1769–1773 гг. и было посвящено восстанию саньясинов.

В сюжете романа три богини индусского пантеона отождествляли разные исторические состояния Матери. Великое прошлое олицетворяла Джаганнатха, настоящее выражалось в образе Кали, нагота которой являлась символом ограбления страны. Золотой идол богини Дурги олицетворял будущее состояние, в которое должна была превратиться Мать в случае, если ее сыны «признают себя таковыми» (Chatterji, 2005, p. 178).

Вместе с этим образом в романе впервые встречается молитва-стихотворение «*Ванде Матарам*».

Первые две строфы стихотворения содержали в себе восхваление природы Родины, «многоводной, плодородной, освежаемой санталом Матери». В последующих строфах происходила сакрализация Матери, которая сравнивалась с богиней Дургой¹.

Таким образом, смысловая конструкция стихотворения содержала две взаимосвязанные части – в первой части происходило одушевление земли, ее природы и обозначение ее как Матери, а во второй производилась сакрализация ее образа через индуистские религиозные категории.

Применительно к данному тексту исследователи поднимали два существенных вопроса. Первый касался природы лингвистической составляющей стихотворения, подразумевавшей комбинацию санскрита иベンгальского языка². А второй вопрос затрагивал более широкую проблему так называемого «консервативного поворота» в творчестве позднего Бонкимчондро.

¹ Впоследствии уже в независимой Индии эта часть вызывала наибольшие споры, так как казалась неприемлемой для некоторой части мусульманского общества не столько из-за использования индуистских категорий, сколько из-за восприятия текста как «идолопоклоннического».

² Санскритская составляющая преобладала. Сам слоган «*Ванде Матарам*» является санскритским.

Расценивая одновременное использованиеベンガльского языка исанскрита как часть стилистического, а возможно, и политического замысла автора, некоторые ученые выдвигали различные предположения о его мотивах.

С. Баттачарья поставил под сомнение предположение, что это был осознанный выбор Бонкимчондро, рассчитанный на расширение внешней аудитории. Учитывая историю создания стихотворения и тот факт, что оно оставалось долгое время неопубликованным, у Бонкимчондро при его создании едва ли была четкая уверенность, что оно станет доступно широкой публике. Скорее в своей первоначальной версии оно представляло собой монолог автора. Написанное во многом в стиле санскритской традиции *ванданы*, оно содержало родной для писателяベンガльский язык, на котором он давал внутренние интуитивные ответы на вопрос о причинах ослабленного состояния Матери [Bhattacharya, 2003, p. 73–76].

Один из крупнейших исследователей творчества писателя С. Кавирадж рассуждал о том, что при первом знакомстве с «*Ванде Матарам*»,ベンガльская аудитория была несколько сконфужена именно его лингвистической конструкцией. Но на все возражения относительно стилистической недопустимости подобной комбинации Бонкимчондро безапелляционно настаивал на ее правильности [Kaviraj, 1998, p. 134–135].

С. Кавирадж объяснял это пониманием политической правильности стихотворения его автором. И эта политическая правильность заключалась в одновременном воспевании классической культуры через использование санскрита и ее популяризаций посредством вернакулярногоベンガльского [Ibid.].

Опровергая вместе с тем распространенный тезис о «консервативном повороте» в творчестве позднего Бонкимчондро, С. Кавирадж настаивал на его модернистской природе. Он указывал, что созданная символическая комбинация не могла появиться и быть воспринятой традиционным сознанием. В традиционной индийской культуре земля могла считаться святой, но никогда она не наделялась чертами какой-либо богини. Обожествление Родины, сравнение ее с Дургой, как и восхваление природы, могло быть элементом исключительно абстрактного мышления, отсутствовавшего у носителей традиционного сознания [Ibid., p. 145–155].

В целом процесс перевода традиционных индусских элементов в абстрактные национальные категории постепенно происходил в XIX в, в том числе и вベンガльском дискурсе. В частности, писатель Бхудев Мукхопадхай ассоциировал Родину с мифическим числом смерти Сати и 52 местами паломничества [Raychaudhuri, 1988, p. 39].

В ходе движения против раздела Бенгалии эти процессы начинают носить все более яркий и массовый характер. Стихотворение «*Ванде Матарам*» в качестве песни с написанной Рабиндранатом Тагором музыкой, превращается в один из центральных элементов протестного движения.

В ходе движения против раздела Бенгалии сам санскритский слоган «*Ванде Матарам*» стал использоваться повсеместно. Например, он был взят в качестве названия учрежденной в 1906 г. Б. Ч. Палом еженедельной англоязычной газеты. Речь здесь не столько о распространении идейного и литературного наследия Бонкимчондро Чоттопадхая, а прежде всего о сакрализации его личности и творчества и превращение их в один из центральных элементов новой воображаемой нации.

Известный политик периода раздела Бенгалии Ауробиндо Гхош придал Бонкимчондро Чоттопадхая статус *риши*, передавшего индийской нации священную мантру – *Ванде Матарам*. Признавая самого писателя пророком и основателем нации, А. Гхош утверждал, что он осуществил три формы служения нации. Первая заключалась в выражении новой национальной идеи, которую писатель осуществил как раз через комбинацию санскрита иベンガльского, вторая заключалась в том, что он дал нации религию патриотизма, в а третьей форме служения он сформировал видение Матери (Aurobindo, 2002, p. 316–319).

Сам Гхош также развивал концепцию Родины и национализма как религии, используя механизмы трансформации традиционных индусских категорий. Он утверждал, что Родину-

матер следуют воспринимать не просто как часть земли, а в качестве могущественной *шакти*, составленной из *шакти* миллионов, входящих в нацию. Трансформируя под эту идею известный миф о том, как Бхагавани Махиша Мардини³ обрела живую форму из *шакти* миллионов богов, сплоченных в общую массу силы и единства, он воспринимал национализм не как религию, а движение за освобождение как священную *яджну* (Aurobindo, 2002, p. 83–102).

Другой известный общественный деятель данного периода Б. Г. Тилак придерживался несколько менее радикальных взглядов, чем Ауробиндо Гхош. Однако и для него было характерно понимание нации как сакрального союза, а религии – как его основополагающего элемента. Он писал, что, несмотря на все бытовые, лингвистические и иные различия, индийское население объединено общими чувствами и идеями, которые рождает изучение Гиты, Рамаяны и Махабхаратхи (Tilak, 1919, p. 102–115).

Необходимо отметить, что на тот момент представление о нации зачастую находилось на грани регионального и общеиндийского вариантов. Описанная выше концепция «Родины-матери» в различных интерпретациях могла относиться как отдельно к Бенгалии (*Bangla Mata*), так и к Индии в целом (*Bharat Mata*). Подобная естественная неопределенность в содержании «воображаемого» субъекта в данном случае не имеет столь существенного значения по ряду причин.

Во-первых, для данного периода было важно появление самих абстрактных концепций, которые формировали образ какой-либо территории и наделяли ее сакральным и особым значением.

Во-вторых, в движении против раздела Бенгалии начинала использоваться символика, относящаяся к истории и культуре других регионов. В частности, Б. Г. Тилак апеллировал к известной в истории маратхов фигуре Шиваджи, призывая воспринимать его как исторический пример и черпать в нем вдохновение для движения *свадеши* (Tilak, 1919, p. 48).

В-третьих, в этот период начинается распространениеベンгальской символики в других регионах. В частности, происходит перевод текста «*Ванде Матaram*» на другие региональные языки, а сам запечатленный в стихотворении образ Родины-матери начинает изображаться на картинах, приобретая там самым некую универсальность и становясь более глубоким и узнаваемым в качестве символа.

Другим важным элементом, позволявшим осознать собственную специфику, была идея нации как носителя *дхармы*. Это представление начало отчетливо формироваться еще в XIX в. Известный бенгальский мыслитель Свами Вивекананда выдвинул идею о том, что каждая нация обладает своей миссией и предназначением. В случае если нация его выполняет, то она обеспечивает собственное благополучное существование и одновременно с этим поддерживает развитие всего мира. Основой индийского предназначения, предполагавшего распространение в мире духовности, он считал религию. В качестве аналогичной миссии западных стран он признавал политику, искусству которой следовало у них учиться индийской нации (Vivekananda, 1947, p. 418).

В начале XX в. данные идеи были развиты Ауробиндо Гхошем под влиянием его собственных представлений о духовной эволюции человечества. Он считал, что *свадхармой* Индии является лидерство в этом процессе и выведение всего человечества на новый духовный путь. Исполнению этой *дхармы*, по мнению Гхоша, мешала колониальная зависимость, освобождение от которой в данной трактовке становилось потребностью всего мира. Индия, согласно Гхошу, должна послать миру религию будущего, которая приведет в гармонию все вероисповедания, науку и философию и превратит человечество в единую душу (Aurobindo, 2002, p. 222–230). «Индия всегда существовала для человечества, а не для себя, и именно для человечества она должна быть великой» (Aurobindo, 2002, p. 230), – заключал мыслитель.

³ Здесь речь идет об одном из мифов, согласно которому боги сконцентрировали свою энергию, породив мощную струю пламени, откуда вышла богиня Дурга. В облике буйвола Дурга смогла победить Махишу – демона, воцарившегося на небе.

Представления, связанные с уникальностью собственного общества, его миссионерскими задачами, и противопоставление Западу через концепт «духовности» были свойственны многим незападным обществам в момент формирования их национальной идентичности, а в некоторых из них они сохраняются в качестве элемента политической риторики до сих пор. Однако в индийском случае их значимость не следует сводить исключительно к попытке национального самоутверждения через противопоставление Западу.

Согласно сформировавшимся еще в древности традиционным представлениям, носителем *дхармы* могла быть прежде всего *варна* (а позднее *каста* как более мелкая группа) либо индивидуум, т. е. член этой *варны*. Потенциально понятие «нации» достаточно сложно сочеталось с подобными установками. Варно-кастовая система противоречила идеи нации как «горизонтального товарищества» или «сообщества равных», поскольку предусматривала врожденную и казавшуюся естественной систему неравенства. Если в европейских обществах понятие о нации зарождалось параллельно с тотальным уничтожением сословных перегородок, то в Индии ситуация была иной. Несмотря на все социальные трансформации, кастовая система оставалась достаточно прочным явлением индийской общественной жизни. Даже после обретения независимости и юридического запрета кастовой дискриминации на социальном уровне это явление продемонстрировало весьма значительную стойкость.

В этом плане представление о нации как носителе *дхармы* позволило соединить эти две на первый взгляд взаимоисключающие концепции. Сохраняя представление о внутреннем варново-кастовом неравенстве, данная идея в определенном смысле (хотя бы на внешнем уровне) превращала все население Индии (пусть тогда еще не совсем строго идентифицируемое в сознании) в сообщество равных людей, одинаково причастных к исполнению общей национальной *дхармы*. Иными словами, для всего остального мира формирующаяся индийская нация становилась одной большой *варной*, которой было предписано, по сути, выполнять *дхарму* брахманов («обучать религии весь мир», «вывести человечество на новый духовный уровень» и т. д.). При этом западному обществу отводилось выполнение почетной, но все же стоящей на втором месте *дхармы* кшатриев.

Важнейшим элементом процесса «воображения» нации стало возникшее в этот период понятие *свараджса*. Выступая одновременно в качестве лозунга и политического требования, это понятие могло впоследствии иметь различное смысловое наполнение, вкладываемое в него различными людьми и социальными группами.

В прозвучавшем в 1906 г. на калькуттской сессии Индийского Национального Конгресса президентском приветствии Дадабхай Наороджи, зачитанном Г. К. Гокхале, было впервые заявлено требование «самоуправления», или *свараджса*, по образцу Соединенного Королевства и его колоний (Indian National Congress, 1909, p. 863). В подобной формулировке сам термин *сварадж* кажется не типичным для европеизированной политической философии Дадабхай Наороджи и Г. К. Гокхале. По этой же причине он представляется принципиально новым для политической риторики Конгресса, основанной по большей части на западных политических концепциях как на теоретическом, так и на риторическом уровне. По смыслу данного заявления между понятиями *свараджса* и самоуправления ставился знак равенства, и понималось вполне реальное политическое требование. С другой стороны, сам термин *сварадж* впоследствии мог обретать совершенно разные смыслы.

В частности, Ауробиндо Гхош настаивал на том, что *сварадж* имеет ключевое отличие от западной идеи суверенитета. Европейские идеи политической свободы и борьбы за свои права в русле западной традиции были, по его мнению, не вполне адекватны для индийских реалий. Обретение независимости, по мнению Гхоса, было лишь первым этапом на пути реализации *свараджса*. Он признавал, что без политической свободы невозможно полноценное развитие нации. Под конечной целью *свараджса* он понимал полное освобождение от западного материализма и стремление восстановить древние порядки и устои Сатьяюги, воплотить принципы веданты в политической жизни. Поэтому вторым этапом реализации *свараджса* было воплощение своего национального пути развития в политике, экономике,

образовании и других сферах жизни общества. И главным принципом управления должен был служить принцип благополучия всех людей (Aurobindo, 2002, p. 222–230, 833).

Б. Г. Тилак разделял мнение А. Гхоша, что *сварадж* должен предполагать руководство делами страны собственными силами в соответствии с принципами благополучия людей без всяческой номинальной власти сюзерена (Tilak, 1919, p. 560). При этом Тилак тоже надеялся это понятие некоторой сакральностью, утверждая, что борьба за *сварадж* – это предписание Бога, которое необходимо выполнить (Tilak, 1919, p. 562). Но для него было свойственно менее радикальное понимание *свараджса*, во многом близкое к идее, прозвучавшей на калькуттской сессии Индийского Национального Конгресса.

В наибольшей степени собственное понимание данной идеи развивалось в представлениях Б. Г. Тилака в ходе развернутого им совместно с А. Безант в 1917 г. движения за *home rule*⁴. Подобное название было заимствовано из опыта Ирландии и выбрано, поскольку воспринималось колониальными властями менее радикально, нежели лозунг *свараджса* [Юрлов, Юрлова, 2010, с. 67]. Сам Тилак фактически ставил знак равенства между этими двумя понятиями.

Причем Б. Г. Тилак демонстрировал двойное понимание идеи *свараджса / home rule*. С одной стороны, как права, данного по рождению, с другой – как *дхармы*. Первое понимание было близко к западным правовым идеям и основывалось на аналогии с законом, согласно которому достигший двадцати одного года человек, получал все права. Рассматривая данный процесс в рамках популярной западной теории политического и социального эволюционизма, Тилак считал, что ста лет вполне достаточно, чтобы нация получила нужный урок от иностранных правителей и была полностью готова к *свараджсу* (Tilak, 1919, p. 201–206).

Понимание Тилаком *свараджса / home rule* как религиозного долга предполагало два основных уровня. Первый уровень заключался в необходимости проведения деятельности по изгнанию иностранных правителей. И в рамках этого понимания он также использовал ряд индусских религиозных категорий, трансформация которых, позволяла им встроиться в современный политический дискурс. Еще во время пребывания в тюрьме Тилак написал комментарий к священному индусскому тексту Бхагавад-гите – «Шримад Бхагавад Гита Рахасья». Основной фокус внимания Тилака сосредотачивается на понятии *Карма-йоги*, понимаемой как признание необходимости активных действий индивидуума при условии его бескорыстия и отсутствия личной заинтересованности в результатах данной деятельности (Tilak, 1935, p. 47–49).

Новизна понимания Тилаком этого священного текста заключалась в принципиальном отличии от традиционного представления об отречении от материального мира как способе индивидуального спасения. В идеологии Тилака Бхагавад-гита превратилась в элемент националистической идеологии благодаря признанию основанием *Карма-йоги Локасамграхи* – дела ради высшего общего блага (Tilak, 1935, p. 47). Для Тилака вся современная Индия являлась *Дхармашетрой*⁵ для ее населения, и поэтому истинное следование Гите он видел в борьбе каждого человека за свою свободу (Tilak, 1919, p. 245).

Второй уровень понимания Тилаком *свараджса / home rule* как *дхармы* предполагал более широкий смысл – восстановление существовавших в древности и утраченных впоследствии порядков. Но в отличие от А. Гхоша, он не призывал к тотальному возвращению к Сатьяюге, а говорил лишь о правильной реализации *варновой* системы. Под справедливым социальным строем, существовавшим в древности, который Тилак также обозначал как *home rule*, он имел в виду принцип четырех *варн*, в рамках которого обязанностью *кишатриев* была защита людей от иностранных агрессоров и захватов. В современной Индии функции *кишатриев*, как и *вайшиев* (торговцев), по его мнению, были оккупированы британцами. А целью высшей

⁴ Тилак «выпал» на несколько лет из общественно-политической жизни из-за тюремного заключения.

⁵ Здесь Тилак проводит аналогию с «Курукшетрой» – местом, где, по *Бхагавад-гите*, происходила битва между Пандавами и Кауравами.

варны – брахманов стал импорт иностранной философии в ущерб древнему собственному знанию (Tilak, 1919, p. 216–224).

Причем *сварадж* в понимании Тилака четко ограничивался предоставлением Индии статуса доминиона в рамках Британской империи. Разделяя правительство на видимое (*майя*) и невидимое (*браhma*), он призывал избавиться именно от последнего, под которым понимал корпус британских чиновников, непосредственно руководивших колонией. Что касается невидимой власти, под которой он понимал английского короля, то он признавал своей обязанностью выразить ему лояльность. И цель *свараджа* он видел в передаче видимой власти в руки тех, кто осуществлял бы ее с пользой для населения (Tilak, 1919, p. 140).

Необходимость смены «видимого правительства» в данном случае Тилак обосновывал не в рамках религиозных задач и необходимости избавления от западной цивилизации. Определяя правящую власть как чужую, Тилак пояснял, что данная характеристика не зависит от вероисповедания, расы и цвета кожи. Чужим, по его мнению, может признаваться лишь тот правитель, который заботится о своих интересах, а не об интересах Индии (Tilak, 1919, p. 142). Тилак подчеркивал, что в случае *свараджа* Англия по-прежнему будет сохранять в своих руках вопросы войны, мира и внешней политики Индии. «Те, кто хочет *свараджа*, – писал он, – не желает вмешиваться в эти дела» (Tilak, 1919, p. 185).

Таким образом, на возникновение и развитие представления о собственной нации в колониальной Индии оказывали существенное влияние как современные западные теории и образцы общественно-политической мысли, так и «традиционные» представления и символические элементы. Если усвоение и осмысление европейского идейного наследия позволяло сформировать само представление о нации и ее потенциальных правах на самоуправление и независимость, то с переосмысливанием традиционных категорий процесс представляется несколько более сложным. Фактически традиционные символы индийской культуры (по большей части индуистские) подвергались процессу переосмысливания и, трансформируясь в общественном сознании, из чисто религиозных переходили в категорию национальных, фактически обретая новое, абсолютно современное содержание. Однако одной из существенных проблем было то, что возникали они постепенно и в своем развитии могли существенным образом менять значение и, главное, восприятие со стороны разных групп населения. С одной стороны, тот факт, что многие из этих категорий имели религиозную природу, делал их потенциально понятными широким слоям населения (в отличие от западных концепций) и успешно ложился на индийскую почву. С другой стороны, именно эта специфика обуславливала то, что впоследствии они могли становиться и «яблоком раздора» между различными религиозными группами и осознанно использоваться сторонниками индуистского национализма, хотя в изначальном варианте могли и вовсе не предусматривать антимусульманской составляющей.

Как показал в своем исследовании С. Баттачарья на примере стихотворения *«Ванде Маттарам»*, вряд ли Бонкимчондро Чоттопадхай намеренно создавал национальную символику и уж тем более вкладывал в стихотворение какой-либо антимусульманский смысл. Однако в том числе и этот символ в последствии вызвал в общественном сознании тот резонанс, который привел и к процессу «воображения» индийской нации, и к последующим межконфессиональным противоречиям внутри этой нации [Battacharya, 2003, p. 94].

Несмотря на все сложности и противоречия, использование традиционной символики сыграло одну из существенных ролей в процессе создания современной индийской нации и впоследствии государства современного образца. Вступающая на первый взгляд в противоречие с распространенным в колониальной Индии комплексом западных политических учений о нации и государстве трансформация национальной символики позволила в полной мере реализовать эти идеи и теории на сложной индийской почве. Именно благодаря комбинации осмысливания западных идей и привлечения трансформированной религиозной символики в итоге в Индии смогла возникнуть нация современного образца, которая оказалась

способна отстоять свою правосубъектность во внешнем мире и создать собственное национальное государство внутри.

Список литературы

- Андерсон Б.** Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2001. 286 с.
- Ванина Е. Ю.** Индия: история в истории. М.: Наука, 2014. 343 с.
- Никитин Д. С.** Возникновение отделений ИНК в Великобритании в 1885–1889 гг. // Вестник Том. гос. ун-та. 2016. № 404. С. 117–120. DOI 10.17223/15617793/404/18
- Никитин Д. С.** Конфессиональный состав Индийского национального конгресса в конце XIX – начале XX в. // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2018. № 53. С. 104–106. DOI 10.17223/19988613/53/20
- Палишева Н. В.** Становление и развитие индийского национализма: вторая четверть XIX – вторая половина XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 248 с.
- Рашковский Е. Б.** Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока XIX–XX веков. М.: Наука, 1990. 203 с.
- Скороходова Т. Г.** «Открытие индуизма»: феномен общественной мысли Бенгальского Возрождения // Современные востоковедческие исследования. 2024. Т. 6, № 1. С. 136–154. DOI 10.24412/2686-9675-1-2024-136-154
- Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С.** История Индии. XX век. М.: ИВ РАН, 2010. 910 с.
- Anderson B.** Western Nationalism and Eastern Nationalism. Is There a Difference that matters? // New Left Review. 2001. Vol. 9. P. 31–42.
- Bhattacharya S.** Vande Mataram: Biography of a Song. L.: Penguin, 2003. 136 p.
- Chatterjee P.** Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse. Tokyo: Keio Tsushin, 1986. 184 p.
- Kaviraj S.** The Unhappy Consciousness: Bankimchandra Chattopadhyay and the Formation of Nationalist Discourse in India. New Delhi: Oxford Uni. Press, 1998. 194 p.
- Raychaudhuri T.** Europe Reconsidered: Perceptions of the West in Nineteenth Century Bengal. Oxford: Oxford Uni. Press, 1988. 418 p.

Список источников

- Aurobindo Sri.** The Complete Works. Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram, 2002. Vol. 6–7: Bande Mataram. 1182 p.
- Chatterji Bankimchandra.** Anandamath or The Sacred Brotherhood. Oxford: Oxford Uni. Press, 2005. 315 p.
- Indian National Congress. Containing an Account of its Full Texts of all the Presidential Addresses, Reprint of all the Congress Resolutions, Extracts from all the Welcome Addresses, Notable Utterances. Ahmedabad: Custom Book House, 1909. Pt. 1. 863 p.
- Tilak B. G.** His Writings and Speeches. Madras: Ganesh, 1919. 411 p.
- Tilak B. G.** Srimad Bhagavadgita Rahasya or Karma-Yoga-Sastra. Poona: Tilak Bros, 1935. Vol. 1. 618 p.
- Vivekananda Swami.** Complete Works. Mayavati Almora: Advaita Ashrama, 1947. Vol. 4. 534 p.

References

- Anderson B.** Voobrazaemye soobshchestva: Razmysleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow, Kuchkovo pole, 2001, 286 p. (in Russ.)

- Anderson B.** Western Nationalism and Eastern Nationalism. Is There a Difference that Matters? *New Left Review*, 2001, vol. 9, pp. 31–42.
- Bhattacharya S.** *Vande Mataram: Biography of a Song*. London, Penguin, 2003, 136 p.
- Chatterjee P.** Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse. Tokyo, Keio Tsushin, 1986, 184 p.
- Kaviraj S.** The Unhappy Consciousness: Bankimchandra Chattopadhyay and the Formation of Nationalist Discourse in India. New Delhi, Oxford Uni. Press, 1998, 194 p.
- Nikitin D. S.** Vozniknovenie otdelenii INK v Velikobritanii v 1885–1889 gg. [Emergence of the Branches of the Indian National Congress in Great Britain (1885–1889)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2016, no. 404, pp. 117–120. (in Russ.) DOI 10.17223/15617793/404/18
- Nikitin D. S.** Konfessional'nyi sostav Indiiskogo natsional'nogo kongressa v kontse XIX – nachale XX v. [Confessional Composition of The Indian National Congress in the Late 19th – Early 20th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Iстория [Tomsk State University Journal of History]*, 2018, no. 53, pp. 104–106. (in Russ.) DOI 10.17223/19988613/53/20
- Palisheva N. V.** Stanovlenie i razvitiye indiiskogo natsionalizma: vtoraya chetvert' XIX – vtoraya polovina XX veka [Formation and Development of Indian Nationalism: The 2nd Quarter of the 19th – the 2nd Half of the 20th Century]. Diss. ... Cand. Hist. Sci. Tomsk, 2013, 248 p. (in Russ.)
- Rashkovsky E. B.** Nauchnoe znanie, instituty nauki i intelligentsiya v stranakh Vostoka XIX–XX vekov [Scientific Knowledge, Scientific Institutions, and the Intelligentsia in the Eastern Countries of the 19th and 20th Centuries]. Moscow, Nauka, 1990, 203 p. (in Russ.)
- Skorokhodova T. G.** “Otkrytie induizma”: fenomen obshchestvennoi mysli Bengal'skogo Vozrozhdeniya [The Discovery of Hinduism: A Phenomenon of Social Thought of the Bengali Renaissance]. *Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya [Modern Oriental Studies]*, 2024, vol. 6, no. 1, pp. 136–154. (in Russ.) DOI 10.24412/2686-9675-1-2024-136-154
- Raychaudhuri T.** Europe Reconsidered: Perceptions of the West in Nineteenth Century Bengal. Oxford, Oxford Uni. Press, 1988, 418 p.
- Vanina E. Yu.** Indiya: istoriya v istorii [India: History in History]. Moscow, Nauka, 2014, 343 p. (in Russ.)
- Yurlov F. N., Yurlova E. S.** Iстория Indii. XX vek [History of India. 20th Century]. Moscow, IV RAN, 2010, 910 p. (in Russ.)

List of Sources

- Aurobindo Sri.** The Complete Works. Pondicherry, Sri Aurobindo Ashram, 2002, vols. 6–7. Bande Mataram, 1182 p.
- Chatterji Bankimchandra.** Anandamath or The Sacred Brotherhood. Oxford, Oxford Uni. Press, 2005, 315 p.
- Indian National Congress. Containing an Account of its Full Texts of all the Presidential Addresses, Reprint of all the Congress Resolutions, Extracts from all the Welcome Addresses, Notable Utterances. Ahmedabad, Custom Book House, 1909, pt. 1, 863 p.
- Tilak B. G.** His Writings and Speeches. Madras, Ganesh, 1919, 411 p.
- Tilak B. G.** Srimad Bhagavadgita Rahasya or Karma-Yoga-Sastra. Poona, Tilak Bros, 1935, vol. 1, 618 p.
- Vivekananda Swami.** Complete Works. Mayavati Almora, Advaita Ashrama, 1947, vol. 4, 534 p.

Информация об авторе

Наталья Витальевна Палишева, кандидат исторических наук
WoS Researcher ID NWH-1214-2025

Information about the Author

Natalia V. Palisheva, Candidate of Sciences (History)
WoS Researcher ID NWH-1214-2025

*Статья поступила в редакцию 02.06.2025;
одобрена после рецензирования 05.07.2025; принята к публикации 21.07.2025
The article was submitted on 02.06.2025;
approved after reviewing on 05.07.2025; accepted for publication on 21.07.2025*

Научная статья

УДК 94(569.4).04

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-34-45

Арабское восстание в Палестине в оценках периодической печати США 1936–1937 годов

Сергей Олегович Буранок

Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

s.buranok@pgsga.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8307-9428>

Аннотация

Рассматривается процесс формирования оценок арабского восстания в периодической печати США. Материалы периодической печати позволяют установить, как в информационном дискурсе США менялись представления о причинах восстания; как шел процесс эволюции образа Великобритании как союзника и Великобритании как конкурента. Публикации американских газет позволяют определить оценки британских мер по урегулированию кризиса 1936 г. Анализ газет США демонстрирует особенности формирования образа еврейского и арабского населения Палестины и категории «Свой». Период 1936–1937 гг. стал определяющим для общественного мнения США в выборе приоритетов в ближневосточном конфликте. Материал статьи наглядно иллюстрирует этапы эволюции оценок арабского восстания 1936 г.

Ключевые слова

Великобритания, Палестина, ближневосточный конфликт, мандатная система, арабское восстание, периодическая печать США

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00071, <https://rscf.ru/project/24-28-00071/>

Для цитирования

Буранок С. О. Арабское восстание в Палестине в оценках периодической печати США 1936–1937 годов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 34–45. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-34-45

The Arab Revolt in Palestine in the Assessments of the US Press 1936–1937

Sergey O. Buranok

Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russian Federation

s.buranok@pgsga.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8307-9428>

Abstract

The article examines the process of forming assessments of the Arab revolt in US periodicals. Materials from these publications make it possible to establish how ideas about the causes of the uprising changed in the US information discourse; how the process of evolution of the image of Great Britain as an ally and Great Britain as a competitor proceeded. American newspapers provide critical insights into the evaluations of actions taken to address the crisis in 1936. An analysis of US newspapers highlights the construction of images surrounding the Jewish and Arab popula-

© Буранок С. О., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 34–45
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 34–45

tions of Palestine, as well as the determination of which groups were categorized as “Us”. The years 1936–1937 emerged as pivotal for US public opinion in shaping priorities concerning the Middle East conflict. During this period, a noteworthy feature of Palestine’s portrayal involved the demonization of both the rebellious Arabs and the British authorities. Reports in US newspapers and magazines frequently attributed the uprising to the religious fanaticism of the Arabs, framing the conflict between Arabs and Jews primarily in terms of religious differences. This narrative conforms to a classic Orientalist framework, emphasizing a dichotomy between “civilization” and “barbarism,” with the United States adopting the role of an observing society. The article effectively illustrates the stages of evolving assessments of the Arab revolt of 1936.

Keywords

Great Britain, Palestine, Middle East conflict, mandate system, Arab revolt, US press

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 24-28-00071, <https://rscf.ru/project/24-28-00071/>

For citation

Buranok S. O. The Arab Revolt in Palestine in the Assessments of US Press 1936–1937. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 34–45. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-34-45

Завершение Первой мировой войны и формирование Версальско-Вашингтонской системы активизирует на Ближнем Востоке целый комплекс проблем, который великие державы пытались решить с помощью мандатной системы. Великобритания получила мандат на территорию Палестины, что вызвало критику как со стороны части арабского населения, так и со стороны сионистских организаций. В период 1921–1935 гг. лидер арабского протеста против переселения евреев и политики Лондона Амин аль-Хусейни (верховный муфтий Иерусалима) выступал за предоставление Палестине независимости и все более радикальные методы борьбы. Первая попытка арабского восстания произошла в 1929 г. и привела к созданию британской комиссии судьи Уолтера Шоу. Комиссия постановила, что в основе арабского протеста лежат экономические и религиозные причины. Для их нивелирования предполагались ограничение европейской иммиграции и помочь в создании арабских органов власти. В первой половине 1930-х гг. происходили стихийные столкновения арабов и евреев, а организованные демонстрации арабов подавлялись британскими силами. На рубеже 1935–1936 гг. арабские лидеры призывали к всеобщей стачке и восстанию, направленному против евреев и британских властей.

Арабское восстание 1936–1939 гг. стало важным рубежом в формировании в США как образа Палестины, так и целого ряда смежных образов: Британской империи, арабов, евреев. В процессе выработки отношения к восстанию американские журналисты построили дискуссию вокруг таких категорий, как империализм, мандатная система, самоопределение, революция, колониализм, сионизм, т. е. традиционных понятийных рамок для обсуждения ближневосточного кризиса. Новыми смысловыми элементами, характерными именно для начального периода восстания, стало обсуждение международного фактора, который внес корректировки в классическую дилемму пару «Свой / Чужой». Процесс эволюции американских оценок арабского восстания 1936 г. неминуемо касался прошлого, настоящего и будущего Палестины, Ближнего Востока и всей Британской империи. В данной работе будет изучен процесс эволюции оценок Арабского восстания в периодической печати США в 1936–1937 гг. Своеобразным рубежом для американских журналистов и редакторов в определении своей позиции по отношению к восстанию стала работа комиссии лорда Пиля. Первый год восстания выбран в качестве предмета исследования по нескольким причинам: 1) именно в 1936–1937 гг. в информационном дискурсе СШАрабатывалось отношение к действующим в Палестине силам в рамках пары «Свой / Чужой»; 2) количество упоминаний Палестины в газетах США за первый год 3 433 раза, а за второй год только 1 630; 3) именно в первый год были сформированы основные маркеры, ставшие неотъемлемой чертой восприятия Арабского восстания и Ближнего Востока в США не только в XX в., но и в XXI в.

Актуальность темы исследования обусловлена и научно-практическим интересом к проблеме формирования в СМИ образов конфликтов Новейшего времени и современности. В контексте данной проблемы интерес вызывает изучение уже традиционных категорий – таких, как образ «Другого» в медиадискурсе США во время военных кампаний, а также исследования по воображаемой географии, анализ особенностей пропаганды американских властей. Важное значение в таком случае имеет изучение американских СМИ в контексте анализа осмыслиения опыта европейских держав в формировании отношения к колониальным империям и зависимым территориям. Эволюция оценок Арабского восстания в периодической печати США показывает, что, с одной стороны, шел процесс конструирования (в контексте методологии «воображаемой географии») образа региона, а с другой – роль и функции образа Палестины в прессе США показывают, как на протяжении насыщенного исторического периода (1936–1937 гг.) менялись представления об империализме, национализме, колониализме в общественно-политическом дискурсе США. Изучение особенностей подачи информации о Палестине в американской периодической печати 1930-х гг. позволит более точно понять, какие элементы образа Палестины, апробированные в 1936–1937 гг., сохраняют свое значение и в информационном дискурсе XXI в.

Историография проблемы делится на несколько направлений. Первое – работы о восприятии Палестины в американской периодической печати в основном затрагивают периоды Первой мировой войны, Холодной войны, «войны с террором» и достаточно редко – этап Арабского восстания. Так, в статье Сары Рой изучается складывание в общественно-политических кругах США «критического восприятия арабо-израильского конфликта» в XX в. По мнению исследовательницы, это приводит к появлению «контрдискурса», который «бросает вызов доминирующим концепциям и пониманию конфликта, особенно роли Израиля в нем», а восстание 1936–1939 гг. выступает лишь в качестве предыстории конфликта [Roy, 2010, p. 24]. Р. Свити рассматривает американскую политику в Палестине в XIX – первой половине XX в. Он определяет взаимосвязь между американской политикой и изменениями в восприятии американским обществом событий на Ближнем востоке, в том числе и Арабского восстания. Кроме того, Свити выводит закономерности между периодами развития сионистского движения и колебаниями американских интересов на Ближнем Востоке. Также анализируется особая роль различных американских институтов, газет и деятелей в формировании направления и аспектов «Палестинской политики» [Sweiti, 2008, p. 26]. Похожий предмет исследования в статье Кэтлин Кристисон – взаимосвязь общественного мнения США и американской политики на Ближнем Востоке [Christison, 1997, p. 46–50]. В статье изучаются оценки арабо-израильского конфликта в информационном дискурсе США XX в.

Второе направление: труды о Британской империи в контексте процессов деколонизации [Stein, 1961, p. 13; Miladi, 2023, p. 15]. Их авторы отмечают, что реалии постколониального мира сделали востребованным в США имперский, колониальный и антипартизанский опыт Британской империи. На основе изучения архивных материалов, официальных публикаций дипломатических документов исследователи данного направления описывали, как в США изучался британский опыт управления Палестиной. Реакция периодической печати США на восстание 1936–1939 гг. оставалась не изученной.

Отдельно необходимо упомянуть работы С. Зананири, посвященные фотообразам Палестины в историческом контексте [Imaging, 2021, p. 38; Zananiri, 2023, p. 56; Zananiri, Summerer, 2021, p. 11]. Однако визуальные образы в указанных работах – лишь один из многих факторов формирования общего образа Палестины. Детального анализа того, как в изображениях (фотографии, карикатуры, рисунки) формировались именно американские оценки Палестины, какой путь эволюции прошло понимание «британского опыта» в США в 1936–1939 гг., какие особенности визуализации Палестины были использованы американскими художниками, данные работы не дают.

Третье направление в историографии представлено трудами о международных отношениях и формировании оценок ближневосточного кризиса [Hamdi, 2018, p. 251–272; McTague,

1982, р. 10–112]. В данных трудах рассмотрены общие информационные тенденции американского общества и их связь с внешней политикой. Результаты указанных исследований являются базой для изучения вопроса о развитии и эволюции «колониальной темы» в информационном дискурсе США в первой половине XX в. [Louis, 1978].

В указанных трудах главный акцент был сделан на изучении оценок самого арабо-израильского конфликта либо в одном из конкретных медиа, либо в широком сравнительном ключе. Сам процесс формирования образа Арабского восстания в периодической печати США не был исследован.

Основным источником для темы исследования являются публикации в американской периодической печати. Несмотря на достаточно узкие хронологические рамки (1936–1937 гг.), данный корпус источников довольно обширен. При отборе материалов газет автор исходил из трех принципов. Во-первых, партийная принадлежность издания. Для анализа оценок Арабского восстания важно не ограничиваться только республиканскими или только демократическими газетами, поэтому были использованы важнейшие издания обеих партий. Во-вторых, география периодических изданий. Для получения более представительных данных были отобраны газеты Восточного и Западного побережий США, Среднего Запада и Юга. В-третьих, тираж газеты: проанализированы публикации и крупных изданий (с тиражем в сотни тысяч экземпляров) и небольшие, издававшиеся в малых городах. Газеты, отвечающие обозначенным принципам, были фронтально изучены за период 1936–1937 гг. Это позволило выявить наиболее значимые заметки, репортажи, статьи о Палестине, привести подсчет количества упоминаний Палестины в газетах. Использованные газеты США можно классифицировать по нескольким признакам.

Во-первых, по партийной принадлежности. На 1936 г. ведущим республиканским изданием была газета «Chicago Tribune» (Иллинойс), принадлежавшая известному стороннику изоляционизма Роберту Маккорнику. Газета определяла информационные тенденции штата Иллинойс и всего Среднего Запада (более 300 тыс. выпусков ежедневно). Другими крупными ежедневными республиканскими изданиями были «The Washington Times» и «Evening Star» – вторая и третья по важности столичные газеты Америки (тираж более 100 тыс. экз.). Демократические издания представлены «New York Times» – одной из основных газет, специализировавшейся на освещении международных новостей в 1930-е гг. «San Francisco Chronicle», «Imperial Valley Press» представляли демократические издания Калифорнии.

Во-вторых, большое значение для изучения оценок периодической печати имеют не только крупные, влиятельные газеты («Chicago Tribune», «The Washington Times», «New York Times»), но и издания малых и средних городов, представляющих «американскую глубинку». Для исследования были привлечены газеты «Endicott Bulletin» (Нью-Йорк) и «The Times-News» (Порт-Гуроне, штат Мичиган), обе республиканской направленности и принадлежали семье Оттауэй. Демократические издания «Ogdensburg Journal» (Нью-Йорк), «The Wolf Point Herald» (Монтана), «Henderson Daily Dispatch» (Северная Каролина), «The Key West Citizen» (Флорида), «Berkeley Daily Gazette» (Калифорния), «Brownsville Herald» (Техас) представляли города с населением от 2,5 до 20 тыс. чел.

Изучение как республиканских, так и демократических газет США (и крупных, и небольших изданий) позволяет установить более точно и детально процесс эволюции оценок Арабского восстания, выявить ключевые мнения, тиражируемые лидерами информационного поля, и локальные оценки, характерные для прессы американской провинции.

Палестинский вопрос был относительно новым для американского информационного дискурса первой половины XX в. Интерес к Ближнему Востоку в целом и к Палестине в частности зародился у журналистов в 1916–1917 гг. в связи с активизацией боевых действий британской армии и битвой за Иерусалим. В начальный период складывания контуров «палестинской дискуссии» в США (1916–1919 гг.) «своими» в изображении газет и журналов были еврейские переселенцы, «чужими» – арабы, а образ Великобритании совершил в 1917–1918 гг. трансформацию, став к началу Парижской мирной конференции «чужим» [McTague,

1982, р. 101]. В 1919–1920 гг. происходят важные изменения в «палестинской дискуссии», связанные с дебатами о мандатной системе, Лиге наций, еврейской иммиграции. Демократические газеты США в этот период видят в мандатной системе «великий компромисс», способный устраниТЬ проблемы послевоенного мира. Республика́нские издания в контексте критики Лиги наций и международных инициатив президента В. Вильсона скептически относились к распределению мандатов на Ближнем Востоке, считая, что это новый способ европейских колониальных империй разделить сферы влияния. В 1920-е гг. «палестинские дебаты» затихают, при этом и изоляционисты, и интернационалисты среди журналистов, редакторов, общественно-политических деятелей Америки остаются в целом верны оценкам периода 1919–1920 гг. Поэтому Арабское восстание 1936–1939 гг. возрождает в американском информационном дискурсе обсуждение проблем Ближнего Востока, мандатной системы, британской колониальной политики, еврейской иммиграции и политических прав арабского населения Палестины. Все это усложнило и детализировало представление американских журналистов о Палестине и международных отношениях на Ближнем Востоке [Hamdi, 2018, р. 253].

Внимание к «революции на Ближнем Востоке» было как со стороны республиканских периодических изданий, так и со стороны демократических. Напряженные отношения между британскими властями, арабами и еврейскими переселенцами в период после 1919 г. использовались прежде всего республиканскими газетами для критики мандатной системы в целом и Британской империи в частности. В 1935 – начале 1936 г. лидеры арабов в Палестине – муфтий Иерусалима Амин аль-Хусейни и бывший мэр Иерусалима Рагиб ан-Нашашиби – вели активную работу по подготовке общественного мнения арабского населения к протестам из-за политики Великобритании.

Первые сообщения в периодической печати США об арабском восстании появляются в апреле 1936 г. в связи с прекращением попыток британских властей в Палестине наладить диалог между представителями арабов и евреев. Начало забастовки арабов и первые вооруженные столкновения актуализируют палестинскую тему в периодической печати США. В период с 17 по 25 апреля газеты «The Glens Falls Times» (1936, April 17, р. 7), «The Journal-News» (1936, April 18, р. 9), «Chicago Tribune» (1936, April 23, р. 6) писали об активизации сионистских организаций в США и Европе, которые набирают сторонников в Еврейский легион с целью защиты от арабов на территории Палестины. «The Glens Falls Times» отмечала, что только из Вены планируется собрать до двух батальонов добровольцев, готовых поддержать еврейских переселенцев (The Glens Falls Times, 1936, April 23, р. 1). Однако в кратких заметках не было подробной информации о причинах столкновений, о природе конфликта. Ситуация в информационном дискурсе США изменяется 24–25 апреля 1936 г., когда «New York Times» публикует несколько статей о начале противостояния арабов и евреев: «Хотя за последние два дня в Палестине не произошло серьезных беспорядков, сохраняется высокая напряженность. Полиция принимает все меры предосторожности в Иерусалиме, куда, по слухам, завтра прибудут тысячи арабов из окрестных деревень по приглашению Хаджа Амина эль-Хусейни, муфтия Иерусалима и президента Верховного совета мусульман, предположительно от мусульман. Субботняя молитва может стать началом беспорядков» (New York Times, 1936, April 24, р. 12). Кроме того, данная газета информировала читателей, что британская полиция уже готова к «расстрелу демонстрантов» и «весь Иерусалим замер в ожидании конфликта» (Ibid., р. 7). Эти сообщения были непосредственной реакцией на создание Верховного арабского комитета во главе с муфтием Иерусалима Мухаммадом Амин аль-Хусейни, который 25 апреля 1936 г. сформулировал ряд требований к британским властям: ввести ограничения еврейской иммиграции и начать подготовку к созданию законодательного собрания арабов.

Другое издание штата Нью-Йорк – еженедельная газета «Ogdensburg Journal» предоставила 25 апреля более развернутую картину происходящего в Палестине: «Недавно вспыхнули беспорядки в Палестине между арабами и еврейскими поселенцами. Помимо религиозного

антагонизма между мусульманами и евреями существуют и экономические противоречия» (*Ogdensburg Journal*, 1936, April 25, p. 10). Это одна из попыток в 1930-е гг. объяснить американской аудитории природу палестинской проблемы. В период 1931–1935 гг. вопрос об истоках противостояния на Ближнем Востоке в экономическом и религиозном плане поднимался редко (Baker, 1935, p. 505–507). Так, в статье Аюни Вей Абдул Хади (палестинского активиста и общественного деятеля), опубликованной в журнале «*The Annals of the American Academy of Political and Social Science*», доказывалось, что борьба арабов за независимость идет с XIX в. и декларация Бальфура была нарушением Великобританией собственных обещаний по созданию независимого арабского государства в Палестине (Hadi, 1932, p. 12–21). С. Д. Майерс в том же номере журнала выводил соперничество из соглашения Сайкса-Пико 1916 г. (Myres, 1932, p. 1–11). На политические причины конфликта и позицию великих держав указывал в 1934 г. в авторитетном журнале «*Foreign Affairs*» Эндрю Макфадиен (британский дипломат и эксперт по международным отношениям) (McFadyean, 1934, p. 682–688).

Внимания к социально-экономическим и религиозным истокам противостояния евреев и арабов уделялось очень мало. Поэтому публикация в «*Ogdensburg Journal*» особенно интересна нестандартным для этого периода подходом с акцентом на социальной стороне проблемы: «Есть безземельный, неработающий и недовольный класс арабов, есть обеспеченный высший класс арабов, и есть трудолюбивые еврейские переселенцы – всех может затронуть беда. Напомним, что Палестина находится под британским мандатом. Если бы арабы были всего лишь разрозненной горсткой людей, как индейцы, ситуация была бы менее сложной. Но до сих пор арабы – это большинство в Палестине, хотя это может измениться, если приток беженцев продолжится» (*Ogdensburg Journal*, 1936, April 25, p. 10).

Сравнение арабов и индейцев сделано для объяснения ситуации в Палестине в рамках американского контекста. Кроме того, это проводило четкую разграничительную линию между «Своими» и «Чужими». Для этого в описании арабов и евреев используются маркеры «дикасть» / «цивилизация», «лень» / «трудолюбие», «большинство» / «меньшинство», которые демонизируют арабское население и романтизируют еврейских поселенцев.

В конце апреля и в течение мая 1936 г. в периодической печати США сформировалось понимание, что борьба арабов и евреев, арабов и британских властей на Ближнем Востоке переходит в более активную стадию. Издание «*New York Times*» сообщало о начале столкновений арабских протестующих с британской полицией, о вспышках насилия, сожжении еврейских магазинов и создании «арабскими лидерами Верховного совета по всеобщему восстанию» (*New York Times*, 1936, April 26, p. 26). А в самом начале мая в нью-йоркской газете появляются заметки о первых жертвах: «Два араба были убиты, 15 ранены полицией в Хайфе при расстреле толпы» (*New York Times*, 1936, May 2, p. 5).

Другие газеты Америки постепенно переходят на более частое освещение новостей из Палестины. Вашингтонская «*Evening Star*» 8 мая 1936 г. разместила на первой и четвертой полосах подробную хронику арабского протesta с указанием, что власти Великобритании уже перебрасывают военные силы, в том числе самолеты из Каира, в Палестину (*Evening Star*, 1936, May 8, p. 1). В газете «*The Wolf Point Herald*» (Монтана) отмечалось, что арабские лидеры продолжают призывать к забастовке против Великобритании и иммиграции евреев (*The Wolf Point Herald*, 1936, May 15, p. 1). 18 мая техасское издание «*Brownsville Herald*» отметило, что начался «арабский бунт», убиты евреи и «жители европейских стран, христиане». «*Imperial Valley Press*» (Калифорния) сообщала 27 мая 1936 г., что в Хайфе, Яффе и Газе идет партизанская война против британских властей и массовой иммиграции евреев, рассеянные местные арабы ведут снайперский огонь по солдатам и полицейским (*Imperial Valley Press*, 1936, May 27, p. 1).

Хорошо видно, что в мае 1936 г. американская периодическая печать определилась с категориями «Свой» / «Чужой» в данном конфликте, а также с его причинами, требованиями сторон и формой подачи новостного материала. Политика Великобритании и еврейская иммиграция чаще всего называются как основные причины восстания. А экономические, рели-

гиозные, социальные противоречия отходят на второй план. Американские газеты на рубеже апреля – мая 1936 г. переходят к освещению в первую очередь жертв восстания, акцентируя внимание на радикальных методах его подавления британскими подразделениями. При этом евреи остаются в категории «Свои», а Великобритания переходит в «Чужие» в восприятии журналистов США.

В середине мая 1936 г. палестинская тема становится одной из лидирующих в американской прессе. 13–15 мая washingtonские прореспубликанские издания «Evening Star» и «Washington Times» посвятили свои первые полосы палестинскому кризису, указывая на возможную вовлеченность Италии в конфликт, о разграблении еврейских магазинов, об убийствах как арабов, так и евреев. Отдельные крупные статьи были посвящены смерти фельдмаршала лорда Эдмунда Алленби, которого «Washington Times» назвала «солдатом, героем и рыцарем XX века». Журналисты напомнили читателям о его совместных операциях с Лоуренсом Аравийским, победах на Ближнем Востоке («Washington Times», 1936, May 14, p. 1). Биография фельдмаршала была представлена в подчеркнуто колониальном плане, когда главный акцент редакторы «Washington Times» сделали на военной службе в Африке, на Ближнем Востоке и в качестве Верховного комиссара в Египте. В результате в некрологе прослеживалось хорошо заметное противопоставление истории и современности: стабильное прошлое Британской империи и ее кризисное настояще; «спокойный» Ближний Восток в начале XX в. и хаос 1930-х гг.; талантливые военные и администраторы в прошлом и отсутствие таковых в настоящем.

«New York Times» в мае 1936 г. также использует метод противопоставления истории и современности: «Нынешние беспорядки в Палестине – самый серьезный конфликт за всю прошлую арабо-еврейскую историю. Напряжение постоянно растет» («New York Times», 1936, May 26, p. 10). Новости о Палестине стали все чаще занимать первые полосы газет. А 27 мая периодическая печать США констатирует: «Беспорядки больше не являются тем словом, которое описывает ситуацию в Палестине: сейчас она достигла состояния фактического восстания, направленного в основном против правительства. Началась арабская революция. Британские власти заявляют о роли Италии в подготовке мятежа» («New York Times», 1936, May 27, p. 1). Вашингтонское издание «The Times-News» также указывает на первостепенную важность событий в Палестине и на то, что они подготовлены «антибританской, антисионистской пропагандой Италии» («The Times-News», 1936, May 29, p. 1). Нир Ариелли (профессор, Университет Лидс) предметно исследовал вопрос о роли Италии и отметил, что участие Италии в арабском восстании в Палестине 1936–1939 гг. было наиболее ярким примером попытки Рима дестабилизировать положение Лондона на Ближнем Востоке перед вступлением Италии во Вторую мировую войну. Существовали «механизмы помощи» (финансовая поддержка, оказанная Италией, а также попытки контрабанды оружия в Палестину) фашистской Италии повстанцам в Палестине, а также «тайные контакты» между итальянскими чиновниками и муфтием Иерусалима Амин аль-Хусейни. Н. Ариелли утверждает, что итальянская политика в Палестине определялась и подчинялась более широким соображениям итальянской политики, таким как имперская конкуренция с Великобританией и «стремление увеличить влияние Италии» на Ближнем Востоке [Arielli, 2008, p. 187–220].

Периодическая печать США в мае 1936 г. указывала на обозначенные механизмы итальянского вмешательства и дополнительно связывала ситуацию в Палестине с войной в Эфиопии («Brownsville Herald», 1936, May 29, p. 1). Новости об изгнании императора Эфиопии Хайле Селассие I и о его прибытии в Палестину воспринимались американскими журналистами как одна из причин итальянской поддержки восставших арабов («Henderson Daily Dispatch», 1936, May 29, p. 1). В этом плане формировался уже несколько иной образ Палестины: арена для конфликта двух колониальных империй – «старой» Британской и «новой» Итальянской. Поэтому в республиканских газетах конца мая – начала июня 1936 г. увеличилось количество призывов «дистанцироваться Америке» от конфликта.

Общий образ Палестины поздней весной – ранним летом 1936 г. приобрел элементы одного из самых проблемных регионов мира, став (по количеству упоминаний в газете «New York Times») третьим по значимости конфликтом: Эфиопия – 189 упоминаний с 15 мая по 15 июня 1936 г., Китай – 126, Палестина – 89. Гражданская война в Китае и итalo-эфиопская война на данном этапе получали больше внимания журналистов, редакторов, политических обозревателей.

Важные изменения в образе Палестины происходят в середине ноября 1936 г. Новости о начале работы британской комиссии под руководством лорда Уильяма Пиля подавались в периодической печати США как надежда на урегулирование конфликта. Вашингтонская газета «Evening Star» писала, что теперь «Святая Земля стала Землей Террора», в «кровавой бойне» потеряно 314 жизней и 15 млн долларов; Комиссия начала расследования с посещения наиболее сложных и проблемных территорий, а арабские лидеры отказались в ней участвовать (Evening Star, 1936, May 8, p. 1). «New York Times» также обратила внимание на изначальное противодействие арабов комиссии: «Британская королевская комиссия, прибывшая вчера, провела сегодня днем торжественный прием в Доме правительства. Присутствовали главы правительственные ведомств, высокопоставленные лица религиозных общин, за исключением мусульман, члены консульского корпуса и несколько избранных видных деятелей из разных частей страны» (New York Times, 1936, November 13, p. 10). Демократическая газета «San Francisco Chronicle» также ставила под сомнение возможность решения проблемы в Палестине без участия арабских лидеров (San Francisco Chronicle, 1936, November 14, p. 2). Все это служило новыми элементами в процессе демонизации как образа арабов, так и образа Британской империи, которая неспособна к организации переговоров с обеими конфликтующими сторонами, следовательно (хотя журналисты из «New York Times» не делали такой прямой вывод), комиссия может иметь более выраженную просионистскую позицию.

Завершение работы комиссии Пиля и публикация итогового отчета в июле 1937 г. приводит к актуализации «палестинской темы» в периодической печати США. Мнения американских журналистов и редакторов разделились в целом по партийной принадлежности. Республиканский взгляд был представлен особенно ярко в газетах штатов Мэн, Иллинойс, Нью-Хэмпшир и округа Колумбия.

«Evening Star» публикует большую статью Джона Лира (штатный автор агентства «Ассошиэйтед пресс») под названием «Возможный финал палестинского бесправия», где очень подробно (для журналистского материала) пересказана история Палестины и современного кризиса с указанием позиций сторон: «Англия разделяет Палестину на три части, что освободит практически всех жителей региона впервые за 2 000 лет. Евреи не были свободными со времен Помпея, который сокрушил их независимость в 63 г. до н. э. во времена Рима. Арабы не знали полной свободы со времен Османской империи. Ни один из двух народов не был подчиненный, в самом строгом смысле этого слова, в период британского мандата от Лиги Наций, но они также не были полностью свободными. Раздел, предложенный Англией и Королевской комиссией, предполагает два независимых государства: одно для евреев, в основном на равнинах вдоль берега; другое для арабов – возвышенности и пустыни. При этом Англия сохраняет мандат на священные города Иерусалим и Вифлеем» (Evening Star, 1937, July 11, p. 11).

Автор статьи Джон Лир обращает внимание читателей на исторические условия формирования ближневосточного конфликта, которые рассматривает через призму свободы и независимости. В его изложении получается, что Палестина чрезвычайно давно находилась под имперским угнетением и мандат Лиги наций эту проблему не решил. Следовательно, здесь наблюдается классическая изоляционистская трактовка итогов и Первой мировой войны, и Версальско-Вашингтонской системы, и политики Британской империи на Востоке в целом.

Но не только территориальный вопрос на Ближнем Востоке попал в фокус особого внимания американских журналистов в июле 1937 г. Реакция арабских и еврейских лидеров на итоги работы комиссии Пиля подробно описывалась в газетах США. «New York Times»

по этому поводу отмечала: «Арабы и евреи предпринимают новые шаги против британского плана разделения Палестины на три части. 150 мусульманских религиозных лидеров издали указ, угрожающий отлучением от церкви любого мусульманина, который поддержит раздел страны» (New York Times, 1937, July 13, p. 9). Другое нью-йоркское издание «Endicott Bulletin» от 13 июля сообщало: «Сегодня арабские источники проинформировали, что Великий муфтий Иерусалима готов к последнему бою с эмиром Абдалла по поводу раздела Палестины. Великий муфтий стоит за кампанией по объединению более 150 мусульманских лидеров со всего мира, чтобы требовать отлучения всех мусульман, которые одобряют британский план раздела. Такой шаг направлен непосредственно против эмира, одобряющего общие принципы раздела Палестины. Возможно, эмир станет главой нового арабского государства, предусмотренного британским планом раздела Палестины на три государства, чтобы положить конец еврейско-арабским столкновениям» (Endicott Bulletin, 1937, July 13, p. 1). Как республиканские, так и демократические газеты США 13–14 июля единогласно писали о резком неприятии британского решения о судьбе Палестины и евреями, и арабами. При этом более подробно в периодических изданиях освещались разногласия и общая бескомпромиссность арабских лидеров. Это добавляло в образ Палестины традиционно колониальные элементы: местное радикальное население с жестокими, фанатичными и алчными лидерами.

Республиканские политики и издания дополнительно указывали и на ответственность Великобритании. «The Washington Times» 20 июля напечатала большую статью сенатора демократа Рояла С. Коуплена о путешествии в Палестину совместно с сенатором-республиканцем Уорреном Остином, в которой пересказывается история получения мандата на Палестину и о том, что США в период с 1917 по 1924 г. несколько раз подтвердили свою приверженность принципам Декларации Бальфура. Но во второй части статьи приводятся слова сенатора Остина: «Во время нашего визита в Палестине находились 30 000 британских солдат. Зачем? Защищаться от 500 или 600 бандитов, которые бродят по стране, пытаются убить невинных людей и уничтожить их имущество. Я мог бы взять тысячу полицейских Нью-Йорка и ликвидировать всех этих бандитов за две недели. Британцы присутствуют в Палестине, потому что сразу за Палестиной – Суэцкий канал и совсем рядом Индия. Британия управляет Палестиной как собственной территорией. Но Святая земля не принадлежит англичанам, она достояние всего цивилизованного мира. Я придерживаюсь декларации Бальфура, но Великобритания пытается сделать из нее “всего лишь клочок бумаги”» (The Washington Times, 1937, July 20, p. 2).

Данная статья рельефно показывает взгляд республиканцев на проблему Палестины: указание на британскую оккупацию под видом мандата; нарушение Великобританией деклараций и договоров о Палестине; борьба за колониальные интересы на Ближнем Востоке. Сенатор Остин использует противопоставление британской политики и «американского подхода»: 1) Великобритания только провозглашает «создание еврейского национального очага» – США его спонсируют и поддерживают; 2) Великобритания не может гарантировать безопасность – США готовы это сделать; 3) США выступают за интересы евреев и цивилизованного мира – Великобритания преследует собственные интересы (прямо) и интересы арабов (косвенно). Кроме того, в цитатах Остина любопытно представлены причины арабского восстания – «убить невинных людей и уничтожить их имущество» и характеристика восставших – «бандиты». В этом плане его взгляд на палестинский конфликт приобретает манихейский контекст.

Похожий, но более спокойный подход к палестинской проблеме в июле 1937 г. был представлен на страницах республиканского издания «Evening Star»: «По сообщениям из Лондона, парламент готов передать мандат на Палестину Соединенным Штатам. Актуальный вариант мандата неработоспособен. И арабы, и евреи давно враждуют на Святой Земле, но подвергли критике британский план раздела Палестины» (Evening Star, 1937, July 22, p. 9). Данное республиканское издание использовало изменения в позиции Великобритании

по мандатной системе в качестве доказательства неспособности имперской политики Лондона в современных условиях решить проблемы арабов и евреев. И снова (что было в целом характерно для июля 1937 г.) США выступают в роли спасителя Палестины и Великобритании. Тезисы о бесперспективности британских колониальных методов управления появлялись и в демократических изданиях.

Так, газета «The Key West citizen» (Флорида) сообщала: «Британия становится хирургом больной Палестины. Вспышки насилия как последствия Мировой войны, продолжая волновать Европу, теперь достигли Святой Земли, где британская комиссия предложила раздел Палестины, чтобы положить конец еврейско-арабскому конфликту и довести до конца два британских обещания, датированные 1917 и 1919 гг. Выполнение обоих обещаний оказалось проблематичным. Растущая волна национализма среди арабов и евреев, вызванная притоком евреев, спасавшихся от преследований в Центральной Европе, сделала невозможным мирное решение» (*The Key West citizen*, 1937, July 28, p. 1). Основные причины восстания и всего ближневосточного конфликта в цитируемом издании также восходят к британской имперской политике межвоенного периода.

Первый этап восстания и период работы комиссии Пиля характеризуется высокой степенью интереса американских журналистов, редакторов и представителей информационных агентств к Палестине. Отчетливо выделяются два качественных скачка данного интереса в информационном дискурсе США. Первый – это май – июль 1936 г., связанный с началом арабского восстания и концентрацией внимания периодической печати на проблеме насилия и жертв. Но с середины ноября 1936 г. (начало работы комиссии) количество публикаций о палестинском кризисе быстро снижается. Второй – июль 1937 г., когда были опубликованы отчет комиссии Пиля и проект раздела Палестины на два государства и зону действия британского мандата. Особенностью формирования образа Палестины в 1936–1937 гг. была демонизация и восставших арабов, и британских властей. Для этого американскими журналистами использовалось несколько приемов.

Во-первых, весной – летом 1936 г. в газетах и журналах многократно подчеркивался религиозный фанатизм арабов и предпринимались попытки объяснить противостояние арабов и евреев на территории Палестины исключительно религиозными противоречиями. Причем выражалось это в классическом ориенталистском ключе: противопоставление «цивилизации» и «варварства», где США взяло на себя роль общества-наблюдателя.

Во-вторых, другим не менее важным маркером демонизации арабов стала проблема насилия и жертв. Ведущий элемент формирования этого образа – «арабы-снайперы», репортажи о которых появлялись практически каждый день как в крупных газетах США (*«New York Times»*, *«Chicago Tribune»*, *«Evening Star»*), так и в изданиях малых и средних городов (*«The Glens Falls Times»*, *«Ogdensburg Journal»*). К середине мая 1936 г. образ снайперов, ведущих огонь по еврейскому населению, полиции, британским военным, стал наиболее востребованным в американской периодической печати. Сообщения о снайперах стали своеобразным маркером не только данного противостояния, но и для многих других конфликтов XX и XXI вв.

В-третьих, при формировании образов лидеров арабского восстания (Амин аль-Хусейни, Рагиб ан-Нашашиби) газеты США стремились в первую очередь подчеркнуть их связь с деятелями фашистской Италии и нацистской Германии. Кроме того, они изображались бескомпромиссными фанатиками (например, в материалах газеты *«Evening Star»*), готовыми на любые жертвы даже среди собственного населения.

В-четвертых, одним из классических методов формирования «Другого» при создании образа Палестины стало осуждение имперской политики Лондона. В первую очередь республиканские газеты США подчеркивали, что Великобритания считает Палестину своей колонией, что противоречит мандату Лиги. Другим аспектом визуализации колониальной политики были действия британских властей по наведению правопорядка. Журналисты со второй половины мая 1936 г. делали акцент на применении «бронеавтомобилей и самоле-

тов», представляя реакцию Лондона в сугубо имперском, милитаристском, колониальном стиле.

Список литературы / References

- Arielli N.** Italian Involvement in the Arab Revolt in Palestine 1936–1939. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 2008, no. 2, pp. 180–220. DOI 10.1080/13530190802180597
- Christison K.** U. S. Policy and the Palestinians: Bound by a Frame of Reference. *Journal of Palestine Studies*, 1997, no. 4, pp. 46–59.
- Hamdi O.** American Foreign Policy toward the Arab-Israeli Conflict: Strategic Transformations. *Insight Turkey*, 2018, no. 2, pp. 251–272. DOI 10.25253/99.2018202.12
- Imaging and Imagining Palestine: Photography, Modernity and the Biblical Lens, 1918–1948. K. Sanchez Summerer, S. Zananiri (eds.). Leiden, Brill, 2021, 480 p.
- Louis W.** Imperialism at Bay: The United States and the Decolonization of the British Empire, 1941–1945. New York, Oxford Uni. Press, 1978, 422 p.
- McTague J. J.** Anglo-French Negotiations over the Boundaries of Palestine 1919–1920. *Journal of Palestine Studies*, 1982, no. 2, pp. 10–112.
- Miladi N.** Global Media Coverage of the Palestinian-Israeli Conflict: Reporting the Sheikh Jarrah Evictions. London, I. B. Tauris, 2023, 292 p.
- Roy S.** Reflections on the Israeli-Palestinian Conflict in U. S. Public Discourse: Legitimizing Dissent. *Journal of Palestine Studies*, 2010, no. 2, pp. 23–38. DOI jps.2010.XXXIX.2.23
- Stein L.** The Balfour Declaration. New York, Simon and Schuster, 1961, 368 p.
- Sweiti R.** American Policy toward Palestine between 1850 and 1939. *Bethlehem University Journal*, 2008, vol. 27, pp. 26–58.
- Zananiri S.** Costumes and the Image: Authenticity, Identity and Photography in Palestine. In: The Social and Cultural History of Palestine: Essays in Honor of Salim Tamari. Edinburgh, 2023, pp. 52–60.
- Zananiri S., Summerer S.** European Cultural Diplomacy and Arab Christians in Palestine, 1918–1948. London, Palgrave Macmillan, 2021, 488 p.

Список источников / List of Sources

- Baker R. L.** Western Ways for Turkey. *Current History*, 1935, no. 4, pp. 505–507.
Brownsville Herald, 1936, May 29.
Chicago Tribune, 1936, April 23.
Endicott Bulletin, 1937, July 13.
Evening Star, 1936, May 8; 1937, July 11, 22.
- Hadi A. B. A.** The Balfour Declaration. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1932, vol. 164, pp. 12–21.
Henderson Daily Dispatch, 1936, May 29.
Imperial Valley Press, 1936, May 27.
- McFadyean A.** Immigration and Labor in Palestine. *Foreign Affairs*, 1934, no. 4, pp. 682–688.
- Myres S. D.** Constitutional Aspects of the Mandate for Palestine. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1932, vol. 164, pp. 12–21.
New York Times, 1936, April 24, 26, May 2, 26, 27, November 13; 1937, July 13.
Ogdensburg Journal, 1936, April 25.
San Francisco Chronicle, 1936, November 14.
The Glens Falls Times, 1936, April 17, 23.
The Journal-News, 1936, April 18.
The Key West Citizen, 1937, July 28.
The Times-News, 1936, May 29.

The Washington Times, 1936, May 14; 1937, July 20.
The Wolf Point Herald, 1936, May 15.

Информация об авторе

Сергей Олегович Буранок, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 56682866300
WoS Researcher ID F-1496-2016

Information about the Author

Sergey O. Buranok, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 56682866300
WoS Researcher ID F-1496-2016

*Статья поступила в редакцию 30.03.2024;
одобрена после рецензирования 04.06.2024; принята к публикации 08.11.2024
The article was submitted on 30.03.2024;
approved after reviewing on 04.06.2024; accepted for publication on 08.11.2024*

Научная статья

УДК 94(47).047/048(571)
DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-46-64

Властный статус Гантимура в середине XVII века: историографические интерпретации и исторические реалии

Андрей Сергеевич Зуев

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
zuev.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2465-380X>

Аннотация

На основе анализа аутентичных репрезентативных источников выявляется реальный властный статус Гантимура, возглавлявшего одну из забайкальских этнотерриториальных групп (нелюдов) и сыгравшего значковую роль во взаимоотношениях России и Цинского Китая в 1660-х – 1680-х гг. Аргументированно доказывается, что распространенные в историографии версии о принадлежности Гантимура во второй трети XVII в. к числу влиятельных и могущественных представителей военно-политической элиты Даурии – Восточного Забайкалья и Приамурья, не соответствуют историческим реалиям. Установлено, что в это время предводитель нелюдов Гантимир по своему политическому весу не выделялся среди прочих вождей автохтонного населения указанного региона, не обладал высоким властным статусом и не являлся значимой политической фигурой.

Ключевые слова

Гантимир, нерчинские тунгусы, нелюды, история Забайкалья

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009

Для цитирования

Зуев А. С. Властный статус Гантимура в середине XVII века: историографические интерпретации и исторические реалии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 46–64. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-46-64

The Power Status of Gantimur in the mid-17th Century: Historiographic Interpretations and Historical Realities

Andrey S. Zuev

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
zuev.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2465-380X>

Abstract

This analysis, grounded in authentic representative sources, elucidates the actual power status of Gantimur, who led one of the Transbaikal ethno-territorial groups (nelyud). Gantimur played a significant role in the diplomatic relations between Russia and Qing China during the period from the 1660s to the 1680s. The study substantiates that prevailing interpretations in historiography, which have characterized Gantimur as an influential and powerful member of the military-political elite in Dauria, specifically Eastern Transbaikalia and the Amur region, during the latter part of the 17th century, do not correspond to historical facts. In the 1st half of the 1650s, when Russian explorers appeared

© Зуев А. С., 2025

in the south of Eastern Transbaikalia, Gantimur did not have any high-power status. The nature and context of Gantimur's mention in sources clearly indicate that he was only one of the representatives of the potestar elite of ethno-territorial associations (clans) and did not lead any large group of Tungus or Mongols and Daurians. The clans and their leaders who lived in Dauria (in the south of Eastern Transbaikalia and in the upper reaches of the Amur River) appear in the sources clearly as independent from Gantimur. The evidence indicates that, at that time, Gantimur did not distinguish himself from other leaders of the indigenous population regarding political significance. He lacked a high-power status and did not emerge as a noteworthy political figure within the region.

Keywords

Gantimur, Nerchinsk Tungus, Nelyuds, history of Transbaikalia

Acknowledgements

The paper was prepared as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity on the project no. FSUS-2025-0009

For citation

Zuev A. S. The Power Status of Gantimur in the mid-17th Century: Historiographic Interpretations and Historical Realities. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 46–64. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-46-64

К числу самых известных личностей в истории Забайкалья времен его присоединения к России принадлежит Гантимур – предводитель нелюдов, причисляемых в историко-этнографической литературе обычно к забайкальским конным тунгусам (эвенкам). Известность же Гантимура связана с тем, что он неоднократно упоминался в ходе российско-маньчжурских переговоров в конце 1660-х – 1689 гг.: Россия и маньчжурский Цинский Китай спорили о том, чьими подданными являются Гантимур и его сородичи [Мясников, 1980, с. 119–124, 127, 135, 140, 146, 151–157, 160–161, 174, 189, 199, 203, 220, 248]. Российская сторона выиграла этот спор, а Гантимур со временем благодаря усилию сначала его ближайших потомков, а затем многих историков постфактум превратился в весьма влиятельного представителя политической элиты автохтонного населения Восточного Забайкалья второй трети XVII в.¹

Многие исследователи полагали, что Гантимур в середине XVII в., в период первых контактов с русскими, занимал видное положение среди вождей, возглавлявших этнотерриториальные группы, обитавшие в Даурии – в юго-восточном Забайкалье и западном Приамурье. По их мнению, Гантимур был главой либо большого «племени» нелюдов, состоявшего из 11 тунгусских и 4 монгольских родов (при этом сам он одновременно возглавлял Дуликагирский род) [Долгих, 1960, с. 339, 349; Мелихов, 1982б, с. 82, 83; Александров, 1984, с. 21; Ураи-Кёхальми, 1985, с. 126, 127; Артемьев, 1995, с. 47–48; Дамдинов, 1996, с. 50; Аинчина, 2006, с. 92–93; Мазуров, Пастухов, 2009, с. 194; Хартанович, Хартанович, 2011, с. 71; Гончаренко, Коржова, 2018, с. 26, 101], либо основной массы забайкальских тунгусов, обитавших по рекам Ингода, Шилке и Аргуни [Энциклопедия..., 2002, с. 145, 151, 205; 2003, с. 224; Варламов, 2022, с. 406, 408].

Некоторые исследователи также указывали на подчинение Гантимуру дауров, обитавших в верховьях Амура [Мелихов, 1982б, с. 73, 82, 83; Александров, 1984, с. 21; Артемьев, 1995, с. 48; Хартанович, Хартанович, 2011, с. 74; Гончаренко, Коржова, 2018, с. 36, 37, 78, 101; Варламов, 2022, с. 406, 408], вследствие чего он якобы в начале 1650-х гг. был «владельцем» земель по рекам Шилке, Аргуни, в верховьях Амура и даже до р. Нэньцзян, а также одним из могущественных в этом регионе представителей местной военно-политической элиты [Серебренников, 1934, с. 2, 4, 7; Яковleva, 1958, с. 30, 34–36; Мясников, 1980, с. 114; Дамдинов, 1996, с. 10, 13, 16; Энциклопедия..., 2002, с. 151; 2003, с. 224; Мазуров, Пастухов, 2009, с. 85, 194; Соломин, 2016, с. 35–36]. А. В. Соломин утверждал, что Гантимур обладал одновременно титулами тайша, зайсан, нойон [Соломин, 2016, с. 34, 35, 45]. Д. Г. Дамдинов титуловал его ханом [Дамдинов, 1996, с. 13]. Р. Г. Жамсааранова полагала, что он являлся «пред-

¹ Гантимур упоминается в большом количестве разноформатных публикаций. Перечисление их всех в сносках значительно увеличило бы объем статьи. Поэтому далее мы будем ссылаться лишь на те публикации, которые наиболее значимы для раскрытия заявленной нами темы.

водителем никан, или Никанского царства», хотя одновременно был и даурским тайшой [Жамсаранова, 2018, с. 28, 118; 2023, с. 71]².

Наконец, в публикациях встречаются утверждения, что Гантимур являлся представителем одной из младших ветвей киданьской династии Ляо [Соломин, 2016, с. 12, 19, 25; Гончаренко, Коржова, 2018, с. 36], потомком одновременно трех великих азиатских правителей и завоевателей – Чингисхана, Тамерлана и Бабура³ либо одного только Чингисхана (по женской линии) [Соломин, 2016, с. 14, 23, 24], а также состоял в близком родстве с богдыханом – маньчжурским правителем Цинского Китая [Соломин, 2016, с. 24–25; Иванчик, Кононенко, 2016, с. 12, 17; Гончаренко, Коржова, 2018, с. 78; Варламов, 2022, с. 406; Полухин, 2022, с. 55].

В историографии встречаются и намного более скромные оценки властного статуса Гантимура, когда его называют просто нелюдским / тунгусским / эвенкийским / даурским родоначальником / вождем / князем / князцом, имевшим под своей властью какое-то число тунгусов [Lee, 1970, р. 54; Туголуков, 1975, с. 92, 98; Словцов, 1995, с. 127, 185; Самбуева, 2003, с. 26–28; Perdue, 2005, р. 165; Quested, 2005, р. 34; Dumbravă, 2010, р. 339–341; Нанзатов, 2012, с. 100; Kim, 2019, р. 76].

Таким образом, в исторической литературе присутствует широкий диапазон версий о месте и значимости Гантимура в политическом ландшафте Даурии в середине XVII в. Вполне закономерно встают вопросы: в чем причина такого количества версий и насколько стремление представить Гантимура весьма заметной политической фигурой соответствует действительности? Поиск ответа на эти вопросы приводит к пониманию того, что почти все, кто в том или ином контексте упоминал Гантимура, весьма поверхностно и некритически знакомились с сохранившимися источниками, а многие авторы вообще занимались не столько анализом исторических фактов, сколько построением умозрительных конструкций, основанных на неверифицируемых домыслах, в целях гиперболизации властного статуса Гантимура.

Такая ситуация в историографии во многом определяется объемом и характером той информации о Гантимуре, которая имеется в сохранившихся и введенных в научный оборот источниках. С одной стороны, он неоднократно упоминается в разного рода документах, исходивших в 1650-х – 1680-х гг. от служилых людей, несших службу в Даурии, от восточносибирских администраторов (приказчиков и воевод), от центральных властей (прежде всего Сибирского приказа), от российского посла в маньчжурский Китай Н. Г. Спафария, а также в дипломатических материалах, зафиксировавших споры русской и маньчжурской сторон по поводу подданства Гантимура. Его имя встречается даже в Сибирском летописном своде (Книге записной), составленном в 1687 г. Наконец, сведения о нашем герое есть в челобитной и расспросных речах самого Гантимура и в челобитной его внуков Лазаря и Лариона. Все последующие делопроизводственные и нарративные источники (XVIII–XIX вв.) с разной степенью полноты пересказывали информацию, содержащуюся в упомянутых выше документах (Зуев, 2023б, с. 272–280). С другой стороны, все известия о Гантимуре, запечатленные в источниках, являются весьма краткими и отрывочными, во многом повторяют друг друга, содержат неоднозначные и противоречивые сведения и не позволяют в полной мере воссоздать его биографию.

Изучая эти источники, мы в своих более ранних публикациях уже касались вопроса о властном статусе и политическом весе Гантимура в 1650-х – первой половине 1660-х гг. [Зуев, 2012; 2020]. Но поскольку в научной и околонаучной литературе, а также в интернет-публи-

² Никанами русские в 1650-х – 1680-х гг. называли китайцев, Никанским царством – территории Китая, остававшиеся независимыми от маньчжуров до 1683 г.

³ Этую версию впервые озвучил И. И. Серебренников, высказав, однако, сомнение в ее достоверности [Серебренников, 1934, с. 5–6]. Однако она, тем не менее, присутствует в некоторых публикациях [Аинчина, 2006, с. 92–93]. Встречается указание и только на двух предков Гантимура – Бабура и Тамерлана [Гончаренко, Коржова, 2018, с. 36, 79], и на принадлежность Гантимура к некоему «тартарскому царскому роду» – правителям Тартарии [Иванчик, Кононенко, 2016, с. 16–20, 22].

кациях неустанно повторяются тезисы о его «величии», мы сочли необходимым еще раз рассмотреть этот вопрос, развернуто представив критический анализ всей имеющейся на данный момент в распоряжении историков информации, аутентичной историческим реалиям. Нами просмотрены также предания забайкальских тунгусов (эвенков), в которых упоминается Гантигур. Однако записанные в разное время исследователями и опубликованные к настоящему времени фольклорные материалы не содержат каких-либо сведений о еголастном статусе.

Впервые Гантигур упоминается в показаниях «даурских и тунгусских мужиков», с которыми вступили в переговоры руководители казачьего отряда Т. Е. Чечигин и С. В. Поляков, посланные Е. П. Хабаровым на р. Шилку. В ходе переговоров, которые состоялись то ли в конце 1650 г., то ли в начале 1651 г., «мужики» заверили, что «с верх Шилки Гантигур князь будет же де он давать ясак с *нелюдов, своих родников*» (челобитная казачьего есаула С. В. Полякова «со товарыщи» от 6 сентября 1653 г.)⁴ (здесь и далее курсив наш. – А. З.). 1 марта 1651 г. трое из этих «переговорщиков» – дауры Араул, Мазега и Тыгичей были «распрошены» Е. П. Хабаровым, которого интересовало, «какие люди живут на Амуре и по иным посторонним рекам». В своих «распросных речах» они «расширили» круг людей, подвластных Гантигуру: «Да верх Шилки реки есть неясачной князь Гантигур улан. И про тово де князя шурин ево Тыгичей вроспросе сказал: под тем де князем Гантигуром живут люди, *шародузы и нелуды и почеги, многие – луков тысячи з две и больши*». Эти речи Хабаров изложил в своих отписках (после 1 марта и 29 мая 1651 г.) якутскому воеводе Д. А. Францбекову, а последний – в своих отписках в Сибирский приказ (после 29 мая 1651 г.)⁵ (Акты..., 1842, с. 75). Позже они очень кратко были пересказаны в наказе Сибирского приказа А. Ф. Пашкову, назначенному на воеводство в Даурскую землю (1655 г.) (Наказ..., 1894, с. 2).

В это же время – во второй половине 1650 г. или в первой половине 1651 г. – с Гантигура был взят первый ясак в «государеву казну». Об этом в своей челобитной апреля 1653 г. поведал енисейский сын боярский В. И. Колесников, бывший в 1651 г. приказчиком в Баргузинском остроге: «В прошлых... годах взял я... з Гонтамура *князцы и с ево с улусных людей да с Йжевцы и с ево улусных людей вновь* (т. е. в первый раз. – А. З.)... на прошлой на 159 (1650/51) год семидесят два соболя». Ясак с этих же людей, по утверждению Колесникова, был взят и на «160 (1651/52) год» – «четыре сорока соболей четыре соболя»⁶. Правда, в более ранней отписке (составленной до 9 августа 1651 г.) Колесников сообщал, что ясак взял не он лично, а посланные им «енисейские служильые люди Якунка Софонов с товарыщи», они и взяли на 1650/51 г. «с новые реки Шилки семьдесят три соболи да три лисицы»⁷. Согласно же показаниям самих Я. Софонова «с товарыщи», на Шилку из Баргузинского острога они «посыпаны были для государева ясачного сбору» до прибытия В. Колесникова в этот острог (Дополнения..., 1848, с. 344).

Зимой – весной 1653 г. ясак с местного населения Восточного Забайкалья собирали енисейский казачий пятидесятник И. М. Перфильев. Позднее, уже в 1701 г., в челобитной, излагая свои заслуги, он вспоминал: «И, будучи на твоих великого государя многих службах, многих неясачных людей под твою великого государя высокую самодержавную руку привел, и [на вел]икой реке Шилке *князца Гантигура с родом и с улусными ево людьми и иных тунгусских родов в ясачной платеж и в вечное холопство во 161 (1652/53) году, и ясак первой с них... взял семь сорок пять соболей с пупки и с хвосты»⁸.*

Упомянутые выше ясачные сборщики приходили на Шилку из Баргузинского острога. Их сведения об объясачивании Гантигура подтверждаются показаниями, данными в феврале 1686 г. в Сибирском приказе нерчинским сыном боярским И. М. Миловановым, начавшим

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 460. Л. 5.

⁵ Там же. Стб. 241. Л. 2; Стб. 508. Л. 21, 27, 29–30.

⁶ Там же. Стб. 343. Л. 95.

⁷ Там же. Стб. 422. Л. 159.

⁸ Там же. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 25.

свою службу в Забайкалье с 1657 г.: «В прошлых годех из давных лет, как даурские остроги за великими государи и не были, и в то де время з Байкала из Баргузинского острогу ходили в Даурску землю на Нерчю реку служилые люди в улусы к нему *князцу* Гантимуру для збору ясачные соболиные казны, и он де, Гантимир, тем служилым людем давал с себя и *с роду* *своего и со всех своих улусных людей* в Байкаловской Баргузинской острог волею своею без аманатов соболиной ясачной казны по 5 и по 3 и по 2 и по соболю с человека... А *князец* Гантимуров в то время со всеми *своими улусными людьми* против государевых ратных людей ни в каком упорстве не был и учинился у великих государей в подданстве и ясак учал платить волею своею» (Зуев, 2023б, с. 285). Схожую в целом информацию дал и сам Гантимир во время его «распроса» енисейским воеводой К. О. Щербатым (Щербатовым) в сентябре 1684 г.: «в прошлых де годех тому ныне лет с тридцать и больши призвал де ево, Петра⁹, под вашу великих государей самодержавную высокую руку в вечное холопство и в ясачной платеж енисейской десятник казачей Козьма Федоров, и в тех де в прошлых годех платил он, Петр, з детьми своими и *со всем своим родом* ваш великих государей ясак в Баргузинской и в Нерчинской острогах по вся годы» (Там же, с. 283).

В ноябре 1653 г. – феврале 1654 г. с этнотERRиториальных групп, обитавших на «великой реке Шилке» и в районе Иргенского острожка, собрали ясак казаки из отряда енисейского сына боярского П. И. Бекетова. Все эти группы были идентифицированы ими как тунгусы. В составленной по итогам сбора ясачной книге присутствует запись: «генваря месяца в 29 день роспись именная нелютцким людем, и дуларским, и киптягиерским з Гантимура *князца* да с сына ево с Кадага государева ясаку четыре соболя с пупки и с хвосты взято». Вслед за этой записью с пометой «тово же роду» поименно перечисляются 34 чел., также обложенные ясаком, из чего можно заключить, что «нелютцкие», «дуларские» и «киптягиерские» люди представляли один род. Однако далее с пометой «тово ж Нелютково роду» перечислены 59 чел., а в самом конце книги (после указания других разных родов) названы имена еще пятерых «нелютцких тунгусов». И это дает основание полагать, что «Нелюткий род» все же был самостоятельным родом, отдельным от двух других родов – Дуларского и Киптягиерского. К тому же в другом месте этой же ясачной книги три этих рода перечисляются как равнозначные наряду с другими тунгусскими родами: «с нелютцкими людем, и с какарских, и с дуларских, и с киптягиерских, и с намяцких, и с шунинских, и с баликагирских, и с баягирских, и с почегирских, и с луникирских». Смешение же в ясачной книге трех указанных родов объясняется скорее всего тем, что в момент внесения ясака (29 и 30 января 1654 г.) их представители вместе с Гантимуром находились в одном месте, тогда как часть «нелютцких» людей сдала ясак позже и в течение нескольких дней (2, 10, 16 и 23 февраля), возможно, даже в разных местах. Всего в книге зафиксировано 13 тунгусских родов, а если же нелюдов, дуларов и киптягиев считать за один род, то 11¹⁰.

Известен еще ряд документов, в которых Гантимир, его род и улусные люди упоминаются в контексте ясачного сбора. Приведем формулировки этих документов: «а *князь Тимур-улан* станет ли ясак давать, или нет, того не слыхали» (распросные речи служилых людей Ф. Самсонова и С. Андреева перед московским дворянином Д. И. Зиновьевым, прибывшим в Приамурье, 17 декабря 1652 г.)¹¹; «и Ярко де (Е. П. Хабаров. – A. Z.)... велел де им идти вверх по реке Шилке к Гантимуру *князцу* для ясаку» (распросные речи подьячего И. П. Посохова перед Д. И. Зиновьевым, декабрь 1652 г.)¹²; «послал служилых людей на великую реку Шилку десять человек – десятника казачья Максимка Уразова с товарыщи – к *нелюдскому князцу* Гентамуру на усть Нерчи реки для заемки острожново поставленья и для государева ясачно-во збору и вновь землиц приводу под ево государеву царскую руку» (отписка П. И. Бекетова

⁹ Имя Петр было дано Гантимуру при его крещении в 1684 г.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 27. Л. 324–328.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 427. Л. 464.

¹² Там же. Стб. 460. Л. 55.

из Ингодинского зимовья, после 20 января 1654 г.)¹³; «на великой реке Шилке и на Иргень озере... ясак... с прежних новоприводных землиц князцов *нелюдцово князя* Гентимура с товарыши и *с их улусных* з десяти землиц людей на тебя, государя, собольми на нынешней на 162-й (1653/54) год... взяли» (отписка енисейского воеводы А. Ф. Пашкова, после 25 июня 1654 г.; составлена на основе отписки П. И. Бекетова и распросов его казаков, прибывших в Енисейск)¹⁴; «в нынешнем... во 162-м (1654) году марта в 12-й день... он де, Петр Бекетов... послал к нему, *Гантимуру князцу, и к иным многим князцом и к улусным их людем* двух человек – пятидесятника казачья, толмача Фетку Львова, а ехать де... от усть Нерчи реки *до нево, князца Гантимура, и до иных князцов и до их улусных людей пять дней*» (отписка А. Ф. Пашкова, после 30 августа 1654 г.; составлена на основе отписки П. И. Бекетова)¹⁵; «*а нелюдкой, государь, князец Гантимир... на прошлой 164-й (1655/56) год* государева ясаку с себя и *с своих улусных людей* не дал; июня... в 13-й день я, Калинка... посыпал служилых людей десятника казачья Ивана Болотова с товарыши к нему, Гантимуру *князцу*, для государева ясачново соболиново збору, и он, Гантимир, дал с себя и *с своих улусных людей* государева ясака двадцать три соболя, а з *достальных людей нелюдких* он, Гантимир, сулил государев ясак, хотел дать в нынешнем во 165-м (1656/57) году... а Гантимир *князец с своими улусными людьми* приковчевал к острогу ближе на Нерчу реку (отписка казачьего десятника К. И. Полтинина из Шилского острожка, после 18 декабря 1656 г.)¹⁶; эту информацию очень кратко пересказал в своей отписке (после 4 июня 1657 г.) в Сибирский приказ А. Ф. Пашков¹⁷.

Упомянутыми выше документами ограничивается круг введенных в научный оборот источников, в которых содержится информация о Гантитуре, относящаяся к концу 1640-х – первой половине 1650-х гг. Эту информацию русская сторона получала в ходе контактов с представителями местного населения Даурии и с самим Гантитуром. Соответственно, ее можно признать если не в полной мере, то в значительной степени отражающей исторические реалии. И она позволяет сделать следующие наблюдения.

Русские землепроходцы, а вслед за ними и русские органы власти сразу же, как только узнали о Гантитуре, стали титуловать его князем / князцом / князьком. Этот титул активно применялся русской стороной при категоризации и классификации социальной структуры местного населения на большей территории Сибири. Он служил для обозначения статуса тех лиц, которые обладали властью над этнотERRиториальными объединениями разных форматов и разной численности. Ниже князей / князцов по иерархии располагались – в русской номинации – лучшие люди, улусные люди и холопы. Таким образом, Гантимир, безусловно, принадлежал к потестарной элите народов Восточной Забайкалья.

Из приведенных выше сведений следует, что он возглавлял *свой* род (Нелюдский) и *своих* улусных людей. В трактовке русских документов XVII в. под родом понимались как ближайшие сородичи (патриархальная семья из двух-трех поколений), так и некая этнотERRиториальная общность, в которую помимо сородичей входили и улусные люди, не являвшиеся родственниками главы рода. При этом нередко имя Гантитура упоминается в увязке только с *его* улусными людьми. Нелюдский же род в историко-этнографических исследованиях, как правило, причисляется к конным тунгусам – восточно-забайкальским эвенкам-скотоводам, хотя его этническая принадлежность (равно как и этничность Гантитура) не поддается точной идентификации. Основным местом обитания нелюдов на момент появления в Восточном Забайкалье русских были верховья р. Шилки в районе между устьями рек Нерчи и Куенги (Куэнги) [Зуев, 2023а, с. 142–159].

¹³ СПФ АРАН Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 329 об.

¹⁴ Там же. Л. 286 – 286 об.; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 344. Л. 574.

¹⁵ СПБФ АРАН Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 300.

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 341–342.

¹⁷ Там же. Л. 338.

Два раза в документах встречаются указания на то, что Гантимуру подчинялись иные роды: в 1651 г. – шародузы и почеги, в 1654 г. – дулары и киптягиры. Насколько эти указания соответствовали реальности, сказать сложно. Вполне возможно, что в какие-то периоды отдельные тунгусские роды временно оказывались под номинальной властью Гантимура¹⁸. Однако вся изложенная выше информация (в первую очередь контекст упоминания Гантимура) однозначно свидетельствует, что никаким особым (высоким) властным статусом по сравнению с предводителями иных родов и улусных людей он не обладал.

Высказанное Б. О. Долгих мнение (поддержанное многими исследователями) о том, что Гантиур возглавлял 11 тунгусских родов (Баягирский, Дуликагирский, Колтагирский, Почегорский, Луникирский, Баликагирский, Челкагирский, Чермагирский, «Украинский» (Васильский), Шунинский и Кайзойский), а нелюды вместе с дуларами и киптягирами являлись дуликагирами [Долгих, 1960, с. 335, 336, 340, 343, 349], не соответствует действительности. Выдвигая это мнение, Б. О. Долгих ссылался на ясачную книгу П. И. Бекетова 1654 г. Но в этой книге, во-первых, нет дуликагиров и Дуликагирского рода, они вообще ни в одном введенном в научный оборот источнике не упоминаются до 1670-х гг., по крайней мере применительно к Восточному Забайкалью. Попытки же Б. О. Долгих и ряда других исследователей идентифицировать дуликагир как дуларов также являются безосновательными: в русских документах конца XVII – XVIII в. дулары и дуликагирсы фиксировались как отдельные роды [Зуев, 2023а, с. 146–147, 149–150]. Во-вторых, кроме нелюдов (Нелюдский род), дуларов (Дуларский род) и киптягиров (Киптягирский род), все другие тунгусские роды в ясачной книге П. И. Бекетова однозначно фигурируют как самостоятельные и независимые от Гантимура: Баягирский, Какарский (Колтагирский?), Почегорский, Лункигеленский / Лукигеленский (Луникирский?), Шунинский, Баликагирский, Намятский (Намясинский), Шилегирский (Челкагирский?), Чемамагирский, Екокогирский¹⁹.

Наряду с Гантиуром и как равные ему в той же ясачной книге П. И. Бекетова, а также в отписке А. Ф. Пашкова (после 12 июня 1654 г.²⁰) фигурируют и другие князьки / князья, возглавлявшие роды, обитавшие в районе реки Шилки и озера Иргень в первой половине 1650-х гг.: – Бопдонои / Болдонои (Чемамагирский / Чамамагирский род), Байбуг / Бабуг (Какарский / Какагирский род), Тюкш / Тякш (Намятский / Налятцкий род), Кагил (Баягирский род), Топуг (Почегорский / Почегирский род), а также (в ясачной книге) два безымянных шуленги Почегорского рода и шуленга Евгондай Шилегирского рода²¹. В отписке П. И. Бекетова, составленной после 20 января 1654 г., упоминаются также князцы Карбаин и Ижевца, которые «приехали в новой государев в Ергенской острог»²². Фразу из отписки А. Ф. Пашкова – «с прежних новоприводных землиц *князцов* Нелюдцково князя Гентамура *с товарыщи* и с их улусных с 10 землиц людь»²³ – никак нельзя трактовать, как это делают некоторые исследователи, таким образом, что Гантиуре подчинялись 10 «землиц»-«родов». Указание на князцов-товарищей и их улусных людей вполне определенно говорит о том, что этими десятью «землицами», кроме Гантиура, «владели» и другие князцы, имена которых

¹⁸ «Реальная власть в кровном роде конных тунгусов, – замечает В. А. Туголуков, – принадлежала главам больших и сильных патриархальных семей, представлявших собой независимые и сплоченные коллективы близких кровных родственников в составе трех-четырех поколений от общего предка. Такие патриархальные семьи могли подчинять и ставить в вассальную зависимость от себя небольшие и организационно рыхлые группы тунгусов, принадлежавших к другим родам, а также группы иноязычного населения, в особенности оседлого» [Туголуков, 1975, с. 92].

¹⁹ СПБФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 27. Л. 324–328.

²⁰ Информация в отписке А. Ф. Пашкова о тунгусских князцах взята из ясачной книги П. И. Бекетова.

²¹ СПБФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 286; Д. 27. Л. 324–328; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 344. Ч. 2. Л. 583–584.

В источниках, на которые мы ссылаемся, главы родов титулуются то князьками, то князьями, в написании их имен и названий родов также присутствуют различия, иногда весьма значительные.

²² СПБФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 330.

²³ Там же. Л. 286; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 344. Ч. 2. Л. 584.

А. Ф. Пашкову либо были неизвестны, либо он не счел нужным их перечислять²⁴. Обратим внимание также на то, что упоминание в той же ясачной книге наряду с Гантимуром князька Почегорского / Почегирского рода Топуга ставит под сомнение информацию дауров Араула, Мазеги и Тыгичея о подчинении почегов Гантимуру.

Весьма неопределенными и непрезентативными являются данные о числе людей, подвластных Гантимуру. Его шурин даур Тыгичей в 1651 г. утверждал, что «под тем де князем Гантимуром живут люди, шародузы и нелюды и почеги, многие – луков тысячи з две и больши». На 1650/51 с князцов Гантимура и Ижевцы и их улусных людей было взято в ясак то ли 72, то ли 73 соболя, да 3 лисицы, на 1651/52 – 164 соболя. Согласно норме, отраженной в ясачной книге П. И. Бекетова, с одного взрослого мужчины должно было взиматься 2 соболя, а всего с 293 чел. было взято 725 соболей, в среднем примерно 2,5 соболя с одного человека. Исходя из этого можно предположить, что в 1650/51 г. было объясачено 30–36, в 1651/52 г. – 65–82 чел., но часть из них находилась под властью Ижевцы. Все тот же П. И. Бекетов в упоминавшейся отписке, составленной не ранее января 1654 г., сообщал, что «приехали в новой государев в Ергенской острог з государевым ясаком, ко мне князец Карбаин да Иживца, а с ними улусных людей шестьдесят человек»²⁵. В ясачной книге П. И. Бекетова на январь – февраль 1654 г. учтено 100 человек нелюдов, дуларов и киптягиров, из них 66 были точно нелюды, 34 – нелюдами, дуларами и киптягирами.

Разумеется, считать данные ясачного сбора точно отражающими реальность нельзя. В период первоначальных контактов с местным населением землепроходцы объясачивали тех, кого заставали в конкретное время в конкретном месте, и абсолютно непонятно, сколько еще сородичей объясченных оставались вне досягаемости сборщиков ясака. Сами же автохтоны не испытывали радости от ясачного обложения и обычно стремились его избежать. Однако эти данные все же позволяют полагать, что численность людей, подвластных Гантимуру, хотя и заметно отличалась от численности улусных людей некоторых других князцов (у Бопдоноя – 13 ясачноплательщиков, т. е. взрослых и подростков мужского пола, у Топуги, Байбуги и Тюкши – по 26, у Кагила – 23)²⁶, тем не менее не была значительной и, скорее всего, ограничивалась несколькими сотнями человек обоего пола и всех возрастов²⁷. Упоминавшийся выше И. М. Милованов в своих показаниях в Сибирском приказе в 1686 г. сообщал, что у Гантимура «роду де ево и улусных ево людей будет с 500 человек» (Зуев, 2023б, с. 285). Эту численность некоторые исследователи принимают как относящуюся к началу 1650-х гг. [Энциклопедия..., 2003, с. 224]. Но из показаний (учитывая употребление И. М. Миловановым глаголов в прошедшем и настоящем времени) однозначно следует, что она относится к середине 1680-х гг.

По поводу же властствования Гантимура над амурскими даурами можно констатировать следующее. Это утверждение основано исключительно на информации, озвученной самим Гантимуром енисейскому воеводе К. О. Щербатому в сентябре 1684 г.: «а жил де он, Гантимир, прежде сего в Даурской земле по великой реке Шилке, а владел де он многими даурскими пашенными людьми, а ясак де платили и пашню пахали те даурские люди на него, Гантимир, и за малолюдством де ево, Гантимура, тех ево пашенных людей овладел китайской бодокан» (Зуев, 2023б, с. 283). И информация эта не соответствует действительности. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с донесениями и распросами русских землепроходцев, действовавших во второй половине 1640-х – первой половине 1650-х гг. в Даурской земле (низовьях Шилки и верховьях Амура), а также с составленными на их основе распорядительными документами местных и центральных властей. Из них однозначно следует, что

²⁴ Можно предположить, что «прежние новоприводных землиц князцы» – это те князцы, которые вместе с Гантимуром были объясчены в 1651–1653 гг.

²⁵ СПБФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 330.

²⁶ Там же. Д. 27. Л. 324–328.

²⁷ Д. Думбрава полагает, что общая численность «клана» Гантимура на момент объясчивания составляла «более 300 человек» [Dumbravă, 2010. Р. 339–340].

Гантимура среди князцов / князей, «владевших» «даурскими людьми», не было, он фигурировал отдельно от них. В частности, пленные «даурцы» (среди которых был и шурин Гантимура Тычигей) в марте 1651 г. поведали Е. П. Хабарову, что «с верх де Шилки реки и по Амуру вниз живут городами даурские князья – князь Лавкай, да князь Шилгиней, да князь Албаза, да князь Атуй, да князь Дасаул, да князь Байбулай, да князь Гуйгудар, да князь Якорой, да князь Исолкан»²⁸. Лидирующие властные позиции в этом районе занимали собственно даурские вожди, прежде всего Лавкай, Шилгиней и Гильдегу. Район, где Шилка, сливаясь с Аргунью, превращается в Амур, и верховья Амура занимал «Лавкаев улус», или «Лавкаево княженье» (Акты..., 1842, с. 67–76; Дополнения..., 1848, с. 50–56, 102–104, 173–174, 221, 258–261, 347, 357, 359–363, 372, 373; Полевой, 1995, с. 32–40) [Щыбенов, 2012, с. 46–52]. Ниже по Амуру располагались владения других даурских князцов, которых участник похода Е. П. Хабарова С. В. Поляков и его товарищи охарактеризовали следующими словами: «Даурской земле державцы именем Толга, да Балуня, да Торончай з братом, да Омантию, ево брат. И те были, государь, князцы даурские лутчие державцы», «а тот Толга был державец всей Даурской земле» (Полевой, 1995, с. 35, 36). Насколько адекватно действительности землепроходцы определяли могущество отдельных даурских князцов – вопрос, выходящий за рамки нашего исследования. Но сравнение оценочных характеристик властного статуса этих князцов и Гантимура явно говорит о том, что Гантимир в глазах землепроходцев был менее значимой фигурой, чем «даурские державцы», владевшие «княжениями». Правда, эти князцы, по сведениям, собранным землепроходцами, давали дань-ясак, но не Гантимуру, а бодайскому царю – маньчжурскому бодыхану (Акты..., 1842, с. 72, 73, 76; Дополнения..., 1848, с. 50–56, 260, 347, 360–362) [Мазуров, Пастухов, 2009, с. 60–63, 67–70, 89–93, 100–101, 182].

И если землепроходцы получили информацию о том, что дауры (возможно, не все, а какая-то их часть) являются данниками маньчжуков, то почему они не упомянули о взимании дани-ясака Гантимуром с каких-то «пашенных дауров»? Напрашивается только один ответ: ни в каких даннических отношениях с Гантимуром дауры не состояли. Если бы было иначе, то землепроходцы обязательно на это указали бы, поскольку, проводя объясачивание населения в разных районах Сибири, они всегда выясняли политический статус тех, кого приводили в подданство российскому монарху, а именно – самостоятельны они или находятся от кого-то в зависимости.

Первый даурский воевода А. Ф. Пашков, прибыв осенью 1657 г. в Восточное Забайкалье и ознакомившись с местной политической ситуацией, в своих отписках 1658–1659 гг. однозначно идентифицировал тунгусов, нелюдов и дауров как самостоятельные (независимые друг от друга) политико-территориальные группы: «на великой реке Шилке в Нелютцкой и в Тунгуской и в Даурской землях», «в Нелютцкой и в Тунгусской землях», «на великой реке Шилке в Даурской земле» и т. д.²⁹ Таким образом, по оценке А. Ф. Пашкова, нелюды, тунгусы и дауры обладали равным политическим статусом, а соответственно Гантимир (как вождь нелюдов) не властвовал над многими тунгусскими и даурскими родами.

Информация же о владении Гантимуром «многими даурскими пашенными людьми», зафиксированная в его распросных речах К. О. Щербатым, появилась, как мы полагаем, вследствие стремления Гантимура (возможно, по согласованию с Щербатым) усилить свою значимость в глазах русских властей, вписав ее в контекст военно-политической ситуации в Приамурье. А эта ситуация складывалась не в пользу России: в начале 1680-х гг. маньчжуры резко увеличили свое военное присутствие на Амуре и к 1684 г. вытеснили русских со значительной территории Приамурья, претендую на владение всем этим регионом [Яковleva, 1958, с. 115–120; Мясников, 1980, с. 164–178; Александров, 1984, с. 117–129]. И Гантимир, который общался с К. О. Щербатым в Енисейске по дороге в Москву для встречи с царями Иваном и Петром, решил (вполне возможно, по совету Щербатого) сыграть на уси-

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 27.

²⁹ Там же. Л. 59, 144в, 326, 332, 333, 336, 345.

лении легитимных прав России на «Даурскую землицу»: он как владелец «пашенных» дауров является подданным русских царей, соответственно, и дауры – такие же подданные, а территория их обитания принадлежит России, маньчжуры же никаких прав на нее не имеют. Такая трактовка способствовала бы существенному повышению политического веса Гантимура, особенно в преддверии его встречи с царями. Но эта встреча не состоялась, так как Гантимир не доехал до Москвы, скончавшись в октябре 1684 г. в г. Нарыме³⁰.

Не исключено, что версия о «владении» Гантимуром «даурскими пашенными людьми» могла «вырасти» из его рассказа К. О. Щербатому о своей жизни на р. Шилке. Известно, что население, обитавшее по берегам этой реки, до появления русских меняло свой скот на хлеб, выращиваемый даурами князца Лавкая (Дополнения..., 1848, с. 52–53, 174). Гантимир мог поведать об этом енисейскому воеводе, а тотвольно интерпретировать торговые отношения как зависимость одних их участников от других. Такая интерпретация вполне соответствовала практике первых русских контактов с сибирскими народами, когда товаро-дорообмен – обмен товаров / подарков на пушину казаки-землепроходцы нередко трактовали как превращение сибирских автохтонов в ясачноплательщиков – подданных русского царя.

В свое время исследователи российско-китайских отношений П. Т. Яковлева и В. С. Мясников выяснили версию, что Гантимир, начав платить ясак русским, не стал ссориться с маньчжурскими (цинскими) властями и считал себя также и их подданным [Яковлева, 1958, с. 35; Мясников, 1980, с. 114]³¹. Схожее мнение, но более осторожно сформулировал А. В. Полухин, полагая, что после объясачивания «Гантимир на время занял нейтральное положение, контактируя и взаимодействуя с властями двух разных стран одновременно» [Полухин, 2022, с. 56]. Согласно же утверждению А. В. Соломина, еще до знакомства с русскими «Гантимир стал цинским военачальником с чином ниру-чжангинь», а вскоре получил от маньчжуров «звание бейсе – князя 4-й степени» [Соломин, 2016, с. 25–26]. Эта версия, конечно, призвана усилить представление о Гантимуре как влиятельной политической фигуре, и отдельные авторы писали даже о его «чрезвычайно высоком» «политическом весе» в Цинском Китае [Гончаренко, Коржова, 2018, с. 40; Варламов, 2022, с. 411]. Но она, равно как и предположения П. Т. Яковлевой, В. С. Мясникова и А. В. Полухина, не согласуется с историческими реалиями.

Маньчжуры, создавшие в начале XVII в. свое государство (с 1636 г. – Великая Цин), активно практиковали присвоение лояльным вождям различных этнотERRиториальных групп, которые попадали под их власть, своих чинов, связанных с выполнением определенных должностных обязанностей, в том числе чина цзолин (кит.) / нюру-чжангинь (маньчж.). Этот чин являлся одним из низших в маньчжурской военно-административной иерархии. Цзолины командовали нюру (условно ротами). Как отмечал Г. В. Мелихов, «обычно в так называемые маньчжурские нюру (роты численностью в 300 воинов) населения включались целыми местными родами или даже селениями, как правило, во главе со своими прежними старейшинами и вождями» [Мелихов, 1982б, с. 83]. Однако к середине XVII в. (когда Гантимир якобы стал цзолином или сохранял политическую зависимость от маньчжуров) районы рек Шилки, Нерчи и Аргуни (как и прочая территория Восточного Забайкалья) не входили в зону влияния маньчжуров, и никаких действий по установлению своей власти над местным населением они не предпринимали [Мелихов, 1982а, с. 20–47], и, соответственно, никаких чинов местным вождям они раздавать не могли, а сами вожди не могли считать себя подданными маньчжуров. Этим же аргументом опровергается предположение В. А. Туголукова о том, что «титулование» Гантимура уланом (монг. «красный»), прозвучавшее в распросе дауров в 1651 г. (см. выше), указывает на «временную принадлежность Гантимура к маньчжурской армии, степени различия в которой определялись цветом знамен» [Туголуков, 1975, с. 100]³². Заметим также, что дауры (обитатели верховьев Амура), которых в начале 1650-х гг. расспраши-

³⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 129, 138.

³¹ Почти аналогичное суждение см.: [Григорьева, 2011, с. 219; Гончаренко, Коржова, 2018, с. 28].

³² Развернутую критику этого предположения см.: [Зуев, 2020, с. 17–19].

вали русские землепроходцы, совершенно ничего не сообщали о контактах Гантимура с бодойцами (маньчжурами). Но, когда в неоднократных переговорах с хабаровцами речь заходила о них самих, дауры почти постоянно твердили, что общаются с бодойцами и дают им дань (см. выше).

Нами выявлено лишь два точных упоминания о «присутствии» маньчжуротов в Восточном Забайкалье. И оба они исходят от енисейского воевода А. Ф. Пашкова. Первое – это пересказ его наказной памяти П. И. Бекетову в отписке последнего в июле 1653 г. Из этого пересказа следует, что П. И. Бекетов был «послан из Енисейского острогу от государева воеводы от Афонасья Филиповича... на великую реку Шилку послом к Богде царю» (Дополнения..., 1848, с. 392, 393). Второе – отписка А. Ф. Пашкова после 12 июня 1654 г.: «в новых немирных землях в области Китайского государства подданных ево бодойского царя Шамшакана на великой реке Шилке и на Иргенъ озере промеж неясачных людей в самых угожих местех поставили (казаки. – А. З.) твои государевы два острога»³³ (Сборник..., 1960, с. 203). Эти упоминания основаны на той информации о ситуации в Приамурье (*Даурии*), которая поступала в Енисейск из Сибирского приказа, от якутского воеводы и землепроходцев и в которой содержались сведения о подвластности амурских дауров маньчжурам. И, имея весьма смутное представление о географии отдаленного от Енисейска региона, А. Ф. Пашков посчитал, что и юго-восточная часть Забайкалья (также в русских источниках относимая к *Даурии*) находится под контролем маньчжуротов – «в области Китайского государства». Однако, будучи назначенным воеводой в Даурию и начав более основательно собирать информацию об этом регионе, а затем уже по пути к месту назначения он в своих отписках стал разделять Даурию и «область Китайского государства»: «по великой реке Шилке и по Амуре реке, и в области Китайского государства, и в Даурской земле», «в Китайской и в Даурской землях и вверх по великой реке Шилке». Прибыв же в Восточное Забайкалье, он выяснил, что «бодойские люди» находятся в «дальнем разстоянии», и уже ничего в своих отписках не сообщал о каком-либо маньчжурском присутствии в данном регионе³⁴. Равным образом и землепроходцы, действовавшие в 1650-х гг. в Восточном Забайкалье в своих отписках и показаниях ничего не сообщали о пребывании в этом регионе (к западу от собственно Приамурья – в районе рек Шилки, Нерчи и Аргуни) маньчжуротов и о том, что местное население находится под каким-то их влиянием.

Что же касается наличия у Гантимура титулов байсе, зайсана, тайши и нойона, а также его родства с киданьской династией Ляо, Чингисханом, Тамерланом, Бабуром и маньчжурским правителем Китая, то все эти версии не подкреплены ссылками на презентативные источники и анализ фактического материала, и, соответственно, могут считаться не более чем умозрительными конструкциями и плодом богатого воображения их авторов, стремившихся представить Гантимура фигурой чуть ли не азиатского масштаба.

Во второй половине 1650-х гг. (точнее определить невозможно) нелюды во главе с Гантимуром и еще несколько групп забайкальских конных тунгусов покинули территории, над которыми русские устанавливали свою власть, и ушли в район р. Наун (Нонни, ныне – р. Нэньцзян, приток р. Сунгари), который в то время находился в процессе включения в состав Цинского Китая [Зуев, 2013]. По утверждению многих историков, именно здесь Гантимир оказался на службе у маньчжуротов и получил от них высокий статус в маньчжурскойластной иерархии. Но это утверждение, не подкрепленное хоть какими-то бесспорными аргументами, является весьма сомнительным и, скорее всего, не соответствует реальным позициям Гантимура в маньчжурском политическом пространстве [Зуев, 2020].

В 1666/67 г., согласно сведениям, содержащимся в отписках (после 26 апреля 1670 г.) приказчика Нерчинского острога Д. Д. Аршинского, «князец, родом тунгус Нелюдцково роду Гантимир з детьми и з братьями и с улусными своими людьми 40 человек» вернулся «из Бодойской земли» на р. Нерчу (Акты..., 1842, с. 455; Дополнения..., 1857, с. 41). Эта же чис-

³³ СПБФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 286.

³⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 68–69, 144а – 144г, 194–196, 248–281, 313–339, 345–347.

ленность зафиксирована и в ведомости ясачных иноземцев Нерчинского уезда, составленной в 1735 г. в Нерчинской воеводской канцелярии по запросу Г. Ф. Миллера: «И во 175-м (1666/67) году... князец Гантимир... с родом своим в 40 людях из Богдойской земли вышли... под высокосамодержавную руку в ясашной платеж» (Элерт, 2018, с. 280).

Некоторые исследователи, однако, приводят весьма завышенные данные о численности людей (тунгусов), пришедших вместе с Гантимуром: от 100 до 10,5 тыс. чел. [Спасский, 1822, с. 343; Паршин, 1844, с. 117; Словцов, 1995, с. 161; Dumbravă, 2010, р. 341; Соломин, 2016, с. 46; Жамсарапова, 2018, с. 48; Гончаренко, Коржова, 2018, с. 87; Варламов, 2022, с. 409]. Внуки Гантимура Ларион и Лазарь в своей челобитной 1710 г. заявили, что «дед их з детьми своими и с родом своим, которых под ним были, из державы богдойского царства отшел и пришел в Нерчинской с детьми своими и со всем родом... больши 500 человек»³⁵ (Зуев, 2023б, с. 279). Но этой цифре нельзя верить, поскольку биографические сведения о Гантимуре, изложенные в челобитной Лариона и Лазаря, насыщены вымыслом, о чем мы уже обстоятельно писали в одной из своих статей [Зуев, 2020]. Заметим также, что в более ранних челобитных (1700 и 1705 гг.) Ларион и Лазарь, а также другие ближайшие родственники Гантимура (сноха Мария, внучка Авдотья, внуки Бишенга и Андрей), упоминая о его возвращении на р. Нерчу, вообще не называли численность вернувшихся с ним людей, констатируя лишь то, что он пришел «со всем своим родом» и «многими улусными своими людьми»³⁶. Даже сам Гантимир в челобитной, поданной в июне 1684 г. нерчинскому воеводе И. О. Власову, сообщая о том, что «вышел... з детишками своими с восемью сынышками, и с родишками, и с улусными людишками своими... ис под Китайского государства с Науна реки», также умолчал о численности этих «людишек» (Зуев, 2023б, с. 280). А в своих «распросных речах» перед енисейским воеводой К. О. Щербатым в сентябре 1684 г. совершенно умолчал даже о своем уходе от маньчжуров (Там же, с. 280, 283). Складывается впечатление, что Гантимир, который к середине 1680-х гг. нерчинской администрацией стал рассматриваться как наиболее важный для них тунгусский вождь, сознательно утаил тот факт, что в момент возвращения на свои «породные земли» он возглавлял небольшую по численности группу «улусных людей» и, соответственно, не являлся сколько-нибудь крупной властной фигурой.

Конечно, нельзя исключить, что какие-то группы нелюдов, подвластных Гантимуру, переселились на р. Нерчу автономно от своего вождя. Но вряд ли они были многочисленны. В 1669 г. маньчжуры сообщили главе русской торговой миссии в Пекине С. Аблину, что «изменили де царю боходо ево ясашные люди 170 человек и великим государем ясак платят в дарех (Даурии. – А. З.)», не пояснив, однако, о ком именно идет речь (Русско-китайские..., 1969, с. 291)³⁷. Позже, в 1676 г. в ходе переговоров с российским послом Н. Г. Спафарием они утверждали, что к Нерчинску от них перебежали «Кентемур с прочими, более нежели во сте людях» (Журнал..., 1823, с. 55), не уточнив опять же, кто такие «прочие» – люди, подвластные Гантимуру, или иные тунгусские вожди, и бежали ли они одновременно и вместе или же раздельно и в разные годы.

Возвращение в русские владения Гантимура со своими улусными людьми было не первым (как это представляется в историографии) случаем реэмиграции тунгусов-«беженцев». Нерчинский приказчик Л. Б. Толбузин в своей отписке якутскому воеводе И. Ф. Голенищеву-Кутузову сообщал, что «во 172 (1663/64) году под Нерчинским и под Иргенским острогами живут ясачные тунгусы конные, прикочевали вновь, а преж сего те тунгусы великим государем ясаку не плачивали, а ныне великим государем ясак дали, и хотят быть под их царскою высокою рукою до веку не отступны» (Дополнения..., 1851, с. 327). Но основная масса конных тунгусов (несколько родов) вернулась с р. Наун в южные районы Восточного Забайка-

³⁵ СПБФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 37 об.

³⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1388. Л. 29 об., 84.

³⁷ В комментариях к этой информации почему-то безапелляционно указано, что речь идет о Гантимуре (Русско-китайские..., 1969, с. 558).

лья, подконтрольные русским, уже после Гантигура, в конце 1660-х – 1680-х гг. (Элерт, 2018, с. 281–286) [Долгих, 1960, с. 343, 344, 345; Туголуков, 1975, с. 80, 96]. В исторической литературе присутствует мнение, что эти роды, перешедшие в русское подданство, находились в подчинении Гантигура и ушли из маньчжурских пределов вслед за своим предводителем [Серебренников, 1934, с. 1; Шубин, 1973, с. 36; Туголуков, 1975, с. 92, 96]. Однако в распоряжении исследователей нет никаких данных, говорящих о том, что Гантигуру на момент возвращения возглавлял сколько-нибудь крупное объединение, да еще состоявшее из нескольких родов. Д. Д. Аршинский назвал его князцом лишь одного Нелюдского рода (а не какого-то объединения родов) и указал всего лишь 40 чел., которые пришли с ним. Вряд ли нерчинский приказчик, заинтересованный продемонстрировать свои заслуги в деле увеличения числа подданных русского царя, стал бы утаивать и преуменьшать реальное число тех, кто пришел с Гантигуром. Группы же других выходцев, оседавшие в ведомстве Нерчинского острога, имели своих собственных предводителей – князцов, шуленг, зайсанов, в частности самый многочисленный среди восточно-забайкальских тунгусов Баяирский род возглавлял Дыдока (Элерт, 2018, с. 281–286) [Яковleva, 1958, с. 50; Долгих, 1960, с. 338–340, 344, 345, 346; Туголуков, 1975, с. 96]. И факт их самостоятельного выхода говорит об их независимости от нелюдского князца.

Косвенным свидетельством того, что общая численность вернувшихся нелюдов, подвластных Гантигуру, была весьма незначительна, является тот факт, что с начала 1670-х гг. упоминания о них, равно как и о Нелюдском роде, полностью исчезли из русских документов. Более того, Нелюдский род не вспоминали в своих челобитных и устных показаниях ни сам Гантигуру, ни его сын Катанай, ни их ближайшие потомки. С середины же 1670-х гг. Гантигуру, его потомки и их улусные люди стали рассматриваться и фиксироваться русской стороной как члены Дуликагирского рода конных тунгусов, который также вышел из маньчжурских пределов, а Гантигуру даже назывался его князцом [Зуев, 2023а, с. 159, 162, 163]. И примерно с этого же времени в источниках появляются данные уже о значительном числе людей, подвластных Гантигуру. Так, Н. Г. Спафарий в 1676 г. писал, что «племя ево (Гантигура. – А. З.) собираетца больше трехсот человек» (Русско-китайские..., 1969, с. 498). В 1681 г. албазинский казачий атаман И. Коркин и нерчинский казак Ф. Усолец в своих распросных речах в Сибирском приказе поведали, что «Гайтимур живет от Нерчинского острогу в близких местех... а с ним кочует ево Гайтимуровых улусных людей человек с пятьдесят, да под ним же де Гайтимуrom ево роду ясашных тунгусов луков пятсот» (Зуев, 2023в, с. 126). В 1685 г. нерчинские сын боярский И. Милованов и казак С. Молодой, расспрошенные в Сибирском приказе, общую численность тунгусов, подвластных Гантигуру, определили так: «А роду ево и улусных ево людей будет с 500 человек» (Зуев, 2023б, с. 285). И мы полагаем, что именно эту численность «рода» Гантигура (в первой половине 1680-х гг.) его потомки стали считать численностью тех, кто вернулся с ним на р. Нерчу в 1666/67 г. В связи с этим заметим, что Г. Ф. Миллер, бывший в середине 1730-х гг. в Восточном Забайкалье и общавшийся с потомками Гантигура, приводимую ими цифру в 500 чел. оценил не как число людей, пришедших с Гантигуром, а как общую численность всех вернувшихся в разное время тунгусских родов (Элерт, 2018, с. 278).

Подводя итог вышеизложенному, констатируем, что анализ введенных к настоящему времени в научный оборот аутентичных источников свидетельствует о том, что в первой половине 1650-х гг., когда русские землепроходцы появились на юге Восточного Забайкалья, Гантигуру возглавлял нелюдов и, возможно, в короткие отрезки времени некоторые тунгусские роды – шародувов, почегов, дуларов и киптягиров, обитавших в верховьях р. Шилки, но при этом у него не было сколько-нибудь высокого властного статуса. Характер и контекст упоминания Гантигура и иных местных князей / князцов в источниках однозначно говорят о том, что предводитель нелюдов никак не выделялся по своему политическому весу среди прочих представителей потестарной элиты этнотERRиториальных объединений (родов), он был лишь одним из них и, соответственно, не возглавлял (по крайней мере, длительное вре-

мя) сколько-нибудь крупное объединение тунгусов или тунгусов, монголов и дауров. Роды и их главы, обитавшие в Даурин (на юге Восточного Забайкалья и в верховьях Амура), в источниках фигурируют явно как самостоятельные и независимые от Гантимура.

Список литературы

- Аинчина Т. М.** Древний эвенкийский род Гантимуровых // Забайкальское казачество на службе Отечеству: история и современность. Улан-Удэ, 2006. С. 92–96.
- Александров В. А.** Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1984. 272 с.
- Артемьев А. Р.** России верное служение (Род князей Гантимуровых) // Забытые имена. Владивосток, 1995. Вып. 1. С. 47–59.
- Варламов А. Н.** Сонинги Дулин Буга: этногенез и этническая история эвенков. Новосибирск: Наука, 2022. 704 с.
- Гончаренко Р. В., Коржова С. Г.** Князья Гантимуровы – российские дворяне Забайкалья. Новосибирск: Тип. «Деалсиб», 2018. 208 с.
- Григорьева Е. А.** Проблема Гантимура в русско-китайском споре XVII в. о границах // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: Материалы XXIII Междунар. науч. конф. М., 2011. С. 219–222.
- Дамдинов Д. Г.** О предках Гантимуровых (титулованных князей и дворян по московскому списку). Улан-Удэ, 1996. 94 с.
- Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 621 с.
- Жамсарапова Р. Г.** Тунгусы князя Гантимура. Чита: ЗабГУ, 2018. Ч. 1. 252 с.
- Жамсарапова Р. Г.** Об онимах тунгус и Гантимир: лингвогенез и происхождение // I Научные Гантимуровские чтения: Сб. докл. Чита: Читин. город. тип., 2023. С. 59–73.
- Зуев А. С.** О властном статусе тунгусского князя Гантимура // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2012. Т. 18. С. 346–349.
- Зуев А. С.** Гантимир и русские землепроходцы: из истории русско-тунгусских отношений в Забайкалье в середине XVII в. // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX в. Иркутск, 2013. С. 134–152.
- Зуев А. С.** Богдойский боярин Гантимир: рождение и развенчание мифа // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 8: История. С. 9–34. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-9-34
- Зуев А. С.** Загадки этнической идентификации нелюдов и Гантимура // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023а. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 142–159. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-142-159
- Иванчик С. Н., Кононенко Н. И.** Князь Е. И. Гантимур (тайны происхождения рода). Новосибирск: Изд-во Сиб. гос. ун-та водн. трансп., 2016. 99 с.
- Мазуров И. В., Пастухов А. М.** Очерки истории Российского Дальнего Востока. Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2009. Кн. 1. 383 с.
- Мелихов Г. В.** О северной границе вотчинных владений маньчжурских (цинских) феодалов в период завоевания ими Китая (40–80-е годы XVII в.) // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982а. С. 18–70.
- Мелихов Г. В.** Как готовилась агрессия феодальных правителей Цинского Китая против русских поселений на Амуре в 80-х годах XVII в. // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982б. С. 71–98.
- Мясников В. С.** Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980. 311 с.
- Нанзатов Б. З.** Урульгинский котел: взаимодействие дагуров, солонов, монголов, маньчжуров, бурят и эвенков на востоке Бурятии // Вестн. БНЦ СО РАН. 2012. № 3. С. 99–108.

- Паршин В. П.** Поездка в Забайкальский край. М.: Тип. Н. Степанова, 1844. Ч. 2. 208 с.
- Полухин А. В.** Вожди забайкальских эвенков: Гантиумур и Катанай на службе у Петра // Забайкалье в эпоху петровских преобразований: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Чита, 2022. С. 54–58.
- Самбуева Л. В.** Бурятское и эвенкийское казачество на страже Отечества (вторая четверть XVIII – первая половина XIX в.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2003. 208 с.
- Серебренников И. И.** Князь Гантиумур. Исторический очерк. Shanghai: Far Eastern Times, 1934. 20 с.
- Словцов П. А.** Историческое обозрение Сибири. Новосибирск: Вен-Мер, 1995. 676 с.
- Соломин А. В.** Князья Гантиумуровы. М.: Старая Басманная, 2016. 292 с.
- Спасский Г. И.** Исторические сведения о сибирских тунгусах вообще и о забайкальских в особенности // Сибирский вестник. 1822. Ч. 18. С. 21–30 (339–348).
- Туголуков В. А.** Конные тунгусы (Этническая история и этногенез) // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 78–110.
- Урай-Кёхальми К.** К вопросу об образовании кочевых государств (на материалах даурской племенной конфедерации XVII в.) // Урало-алтайстика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985. С. 124–129.
- Хартанович М. Ф., Хартанович М. В.** Тунгусские князья Гантиумуровы // Наука из первых рук. 2011. № 3. С. 70–83.
- Цыбенов Б. Д.** История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. 252 с.
- Шубин А. С.** Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX вв.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 108 с.
- Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 1. 302 с.; 2003. Т. 2. 418 с.
- Яковлева П. Т.** Первый русско-китайский договор 1689 года. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 235 с.
- Dumbravă D.** The First Political Borders of the Eurasian Continent at the Northern “Entrances” to the Son of Heaven? // Tomás Pereira, S. J (1646–1707). Life, work and world. Lisboa, 2010. P. 317–352.
- Kim L. E.** Ethnic Chrysalis: China’s Orochen People and the Legacy of Qing Borderland Administration. Cambridge: Harvard Uni. Press, 2019. 364 p.
- Lee R. H. G.** The Manchurian Frontier in China History. Cambridge: Harvard Uni. Press, 1970. 229 p.
- Perdue P. C.** China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge; London: Belknap Press of Harvard Uni. Press, 2005. 725 p.
- Quested R. K. I.** Sino-Russian Relations: A Short History. London; New York: Routledge, 2005. 198 p.

Список источников

- Акты исторические. СПб.: Тип. II-го Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1842. Т. 4. 592 с.
- Дополнения к актам историческим. СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. Т. 3. 563 с.; 1851. Т. 4. 444 с.; 1857. Т. 6. 508 с.
- Журнал, веденный в Пекине по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария, отправленного по высочайшему Его Царского Величества указу в 1676 году, царствования китайского Хуандия Кансия в 15 лето / Пер. с маньчж. // Сибирский вестник. 1823. Ч. 3. С. 29–100.
- Зуев А. С.** Обзор источников к биографии Гантиума // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. Новосибирск, 2023б. С. 272–290.

- Зуев А. С.** Описание Забайкалья и Приамурья 1681 года // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023в. Т. 22, № 1: История. С. 122–132. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-122-132
- Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле // Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. Разд. 5. С. 1–37.
- Полевой Б. П.** Известная членовитная С. В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1995. Т. 2. С. 7–54.
- Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. М.: Наука, 1969. Т. 1. 614 с. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. Вып. 1. 492 с.
- Элерт А. Х.** Ведомости Нерчинской воеводской канцелярии о родовом составе, численности, расселении и ясачных платежах коренного населения уезда (1735 г.) // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 271–289.

References

- Ainchina T. M.** Drevnii evenkiiskii rod Gantimurovykh [The Ancient Evenk Clan of the Gantimurovs]. In: Zabaikal'skoe kazachestvo na sluzhbe Otechestvu: istoriya i sovremennost' [Trans-Baikal Cossacks Guard the Fatherland: History and Modernity]. Ulan-Ude, 2006, pp. 92–96. (in Russ.)
- Aleksandrov V. A.** Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.) [Russia in the Far Eastern Borders (2nd Half of the 17th Century)]. Khabarovsk, Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984, 272 p. (in Russ.)
- Artemyev A. R.** Rossii vernoe sluzhenie (Rod knyazei Gantmiurovykh) [Faithful Service to Russia (Clan of the Gantmiurov Princes)]. In: Zabytie imena [Forgotten Names]. Vladivostok, 1995, iss. 1, pp. 47–59. (in Russ.)
- Goncharenko R. V., Korzhova S. G.** Knyaz'ya Gantimurovy – rossiiskie dvoryane Zabaikal'ya [The Gantimurov Princes – Russian Nobles from Transbaikalia]. Novosibirsk, Tipografiya "Dealsib", 2018, 208 p. (in Russ.)
- Grigoryeva E. A.** Problema Gantimura v russko-kitaiskom spore XVII v. o granitsakh [The Gantimur Problem in the 17th Century Russo-Chinese Border Dispute]. In: Istoricheskaya geografiya: prostranstvo cheloveka vs chelovek v prostranstve: Materialy XXIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Historical Geography: Human Space vs Human in Space: Proceedings of the 23rd International Scientific Conference]. Moscow, 2011, pp. 219–222. (in Russ.)
- Damdinov D. G.** O predkakh Gantimurovykh (titulovannykh knyazei i dvoryan po moskovskomu spisku) [On the Ancestors of the Gantimurovs (Princely Families and Nobility according to the Moscow List)]. Ulan-Ude, 1996, 94 p. (in Russ.)
- Dolgikh B. O.** Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v. [Clan and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960, 621 p. (in Russ.)
- Dumbravă D.** The First Political Borders of the Eurasian Continent at the Northern "Entrances" to the Son of Heaven? In: Tomás Pereira, S. J. (1646–1707). Life, Work and World. Lisbon, 2010, pp. 317–352.
- Entsiklopediya Zabaikal'ya. Chitinskaya oblast' [Encyclopedia of Transbaikalia. Chita Region]. Novosibirsk, Nauka, 2002, vol. 1, 302 p.; 2003, vol. 2, 418 p. (in Russ.)
- Ivanchik S. N., Kononenko N. I.** Knyaz' E. I. Gantimurov (tainy proiskhozhdeniya roda) [Prince E. I. Gantimurov (Secret of the Clan's Origin)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta vodnogo transporta, 2016, 99 p. (in Russ.)

- Khartanovich M. F., Khartanovich M. V.** Tungusskie knyaz'ya Gantimurovy [The Tungus Princes of Gantimurov]. *Nauka iz pervykh ruk* [Science First Hand], 2011, no. 3, pp. 70–83. (in Russ.)
- Kim L. E.** Ethnic Chrysalis: China's Orochen People and the Legacy of Qing Borderland Administration. Cambridge, Harvard Uni. Press, 2019, 364 p.
- Lee R. H. G.** The Manchurian Frontier in China History. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1970. 229 p.
- Mazurov I. V., Pastukhov A. M.** Ocherki istorii Rossiiskogo Dal'nego Vostoka [Essays on the History of the Russian Far East]. Khabarovsk, Izdatel'stvo DVAGS, 2009, book 1, 383 p. (in Russ.)
- Melikhov G. V.** O severnoi granitse votchinnnykh vladenii man'chzhurskikh (tsinskikh) feodalov v period zavoevaniya imi Kitaya (40–80-e gody XVII v.) [The Northern Border of the Patrimonial Estates of Manchu (Ching) Feudal Lords during the Conquest of China (1640s to 1680s)]. In: Dokumenty oprovergayut. Protiv fal'sifikatsii istorii russko-kitaiskikh otnoshenii [Documents Refute. Against the Falsification of the History of Russian-Chinese Relations]. Moscow, 1982, pp. 18–70. (in Russ.)
- Melikhov G. V.** Kak gotovilas' agressiya feodal'nykh pravitelei Tsinskogo Kitaya protiv russkikh poselenii na Amure v 80-kh godakh XVII v. [How the Feudal Rulers of the Ch'ing Empire Prepared Their Aggression against the Russian Settlements on the Amur in the 1680s]. In: Dokumenty oprovergayut. Protiv fal'sifikatsii istorii russko-kitaiskikh otnoshenii [Documents Refute. Against the Falsification of the History of Russian-Chinese Relations]. Moscow, 1982, pp. 71–98. (in Russ.)
- Myasnikov V. S.** Imperiya Tsin i Russkoye gosudarstvo v XVII veke [The Qing Empire and the Russian State in the 17th Century]. Moscow, Nauka, 1980, 311 p. (in Russ.)
- Nanzatov B. Z.** Urul'ginskii kotel: vzaimode'stie dagurov, solonov, mongolov, man'zhurov i evenkov na vostoche Buryatii [The Urulga Basin: The Interaction of the Dagurs, Solons, Mangols, Manchu, Buryats and Evenks in the East of Buryatia]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 2012, no. 3, pp. 99–108. (in Russ.)
- Parshin V. P.** Poezdka v Zabaikal'skii krai [A Trip to the Trans-Baikal Territory]. Moscow, Tipografiya N. Stepanova, 1844, pt. 2, 208 p. (in Russ.)
- Perdue P. C.** China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, London, Belknap Press of Harvard Uni. Press, 2005, 725 p.
- Polukhin A. V.** Vozhdi zabaikal'skikh evenkov: Gantimir i Katanai na sluzhbe u Petra [Leaders of the Transbaikal Evenks: Gantimir and Katanay in the Service of Peter]. In: Zabaikal'e v epokhu petrovskikh preobrazovanii: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Transbaikalia in the Era of Peter the Great's Reforms: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Chita, 2022, pp. 54–58. (in Russ.)
- Quested R. K. I.** Sino-Russian Relations: A Short History. London, New York, Routledge, 2005, 194 [4] p.
- Sambueva L. V.** Buryatskoe i evenkiiskoe kazachestvo na strazhe Otechestva (vtoraya chetvert' XVIII – pervaya polovina XIX v.) [The Buryat and Evenk Cossacks Guard the Fatherland (the Second Quarter of the 18th – the First Half of the 19th Century)]. Ulan-Ude, Izdatel'stvo VSGTU, 2003, 208 p. (in Russ.)
- Serebrennikov I. I.** Knyaz' Gantimir. Istoricheskii ocherk [Prince Gantimir: Historical Essay]. Shanghai, Far Eastern Times, 1934, 20 p. (in Russ.)
- Shubin A. S.** Kratkii ocherk etnicheskoi istorii evenkov Zabaikal'ya (XVII–XX vv.) [A Brief Essay on the Ethnic History of the Evenks of Transbaikalia (17th – 20th Centuries)]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1973, 108 p. (in Russ.)
- Slovtssov P. A.** Istoricheskoe obozrenie Sibiri [Historical Review of Siberia]. Novosibirsk, Izdatel'stvo "Ven-Mer", 1995, 676 p. (in Russ.)

- Solomin A. V.** Knyaz'ya Gantimurovy [The Gantimurov Princes]. Moscow, Staraya Basmennaya, 2016, 292 p. (in Russ.)
- Spassky G. S.** Istoricheskie svedeniya o sibirskikh tungusakh voobshche i o zabaikal'skikh v oso-bennosti [Historical Information on Siberian Tungus in General and about Transbaikal Tungus in Particular]. *Sibirskii vestnik [Siberian Bulletin]*, 1822, pt. 18, pp. 21–30 (339–348). (in Russ.)
- Tsybenov B. D.** Istorya i kul'tura daurov Kitaya. Istoriko-etnograficheskie ocherki [History and Culture of the Daurians of China. Historical and Ethnographic Essays]. Ulan-Ude, Izdatel'stvo VSGUTU, 2012, 252 p. (in Russ.)
- Tugolukov V. A.** Konnye tungusy (Etnicheskaya istoriya i etnogenез) [Nomadic Tungus (Ethnic History and Ethnogenesis)]. In: Etnogenез i etnicheskaya istoriya narodov Severa [Ethnogenesis and Ethnic History of the Indigenous Peoples of the North]. Moscow, 1975, pp. 78–110. (in Russ.)
- Uray-Kóhalmi K.** K voprosu ob obrazovanii kochevykh gosudarstv (na materialakh daurskoi plemennoi konfederatsii XVII v.) [On the Issue of the Formation of Nomadic States (Based on the Materials of the Daurian Tribal Confederation of the 17th Century)]. In: Uralo-altaistika. Arkeologiya. Etnografiya. Yazyk [Ural-Altaistics. Archeology. Ethnography. Language]. Novosibirsk, 1985, pp. 124–129. (in Russ.)
- Varlamov A. N.** Soningi Dulin Buga: etnogenез i etnicheskaya istoriya evenkov [Sonningi Dulin Buga: Ethnogenesis and Ethnic History of the Evenks]. Novosibirsk, Nauka, 2022, 704 p. (in Russ.)
- Yakovleva P. T.** Pervyi russko-kitaiskii dogovor 1689 goda [The First Russian-Chinese Treaty of 1689]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1958, 235 p. (in Russ.)
- Zhamsaranova R. G.** Tungusy knyazya Gantimura [Tungusic People of Prince Gantimur]. Chita, Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet, 2018, pt. 1, 252 p. (in Russ.)
- Zhamsaranova R. G.** Ob onimakh tungus i Gantimur: lingvogenez i proiskhozhdenie [About the Tungus and Gantimur Onyms: Linguogenesis and Origin]. In: I nauchnye Gantimurovskie chteniya: sbornik dokladov [1st Scientific Gantimurov Readings: Collection of Reports]. Chita, 2023, pp. 59–73. (in Russ.)
- Zuev A. S.** O vlastnom statuse tungusskogo knyazya Gantimura [On the Political Status of the Tungus Prince Gantimur]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, 2012, vol. 18, pp. 346–349. (in Russ.)
- Zuev A. S.** Gantimur i russkie zemleprokhodtsy: iz istorii russko-tungusskikh otnoshenii v Zabai-kal'e v seredine XVII v. [Gantimur and Russian Explorers: From the History of Russian-Tungus Relations in Transbaikalia at the Middle of the 17th Century]. In: Sibir' v imperii – imperiya v Sibiri: imperskie protsessy na okrainakh Rossii v XVIII – nachale XX v. [Siberia and Empire – Empire and Siberia: Imperial Processes in the Remote Areas of Russia in the 18th – early 20th Centuries]. Irkutsk, 2013, pp. 134–152. (in Russ.)
- Zuev A. S.** Bogdoiskii boyarin Gantimur: rozhdenie i razvenchanie mifa [Boyar Gantimur from Bogdoy Khan: Birth and Debunk of a Myth]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 8: History, pp. 9–34. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-9-34
- Zuev A. S.** Zagadki etnicheskoi identifikatsii nelyudov i Gantimura [Mysteries of the Ethnic Identification of Nelyud Clan and Gantimur]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 142–159. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-142-159

List of Sources

Akty istoricheskie [Historical Acts]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1842, vol. 4, 592 p. (in Russ.)

- Dopolneniya k aktam istoricheskim [Addendums to Historical Acts]. St. Petersburg, Tipografiya E. Pratsa, 1848, vol. 3, 563 p.; 1851, vol. 4, 444 p.; 1857. vol. 6, 508 p. (in Russ.)
- Elert A. Kh.** Vedomosti Nerchinskoi voevodskoi kantselyarii o rodovom sostave, chislennosti, ras-selenii i yasachnykh platezhakh korennogo naseleniya uezda (1735 g.) [The Source Book of the Nerchinsk Voivodeship Chancellery on the Kinship Structure, Population Size, Settlement and Yasak Tribute of the Indigenous People of the Uezd (1735)]. In: Traditsii russkoi dukhovnoi kul'tury v pamyatnikakh pis'mennosti XVI–XX vv. [Traditions of Russian Intangible Culture in the Written Sources of the 16th – 20th Centuries]. Novosibirsk, 2018, pp. 271–289. (in Russ.)
- Nakaz Afanasiyu Filippovichu Pashkovu na voevodstvo v Daurskoi zemle [Instruction to Afanasy Filippovich Pashkov for the Voivode's Post in Dauria Land]. In: Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian Historical Library]. St. Petersburg, 1894, vol. 15, section 5, pp. 1–37. (in Russ.)
- Polevoy B. P.** Izvetnaya chelobitnaya S. V. Polyakova 1653 g. i ee znachenie dlya arkheologov Priamur'ya [The Famous Petition of S. V. Polyakov (1653) and Its Significance for the Archaeologists of the Amur Region]. In: Russkie pervoprokhodtsy na Dal'nem Vostoke (istoriko-arkheologicheskie issledovaniya) [Russian Explorers in the Far East (Historical and Archaeological Research)]. Vladivostok, 1995, vol. 2, pp. 7–54 (in Russ.)
- Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII v.: Materialy i dokumenty [Russo-Chinese Relations in the 17th century: Materials and Documents]. Moscow, Nauka, 1969, vol. 1, 614 p. (in Russ.)
- Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII vek [Collection of Documents on the History of Buryatia. 17th Century]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960, iss. 1, 492 p. (in Russ.)
- Zhurnal, vedennyi v Pekine po sluchayu pribytiya iz Rossii poslannika Nikolaya Gavrilovicha Spafariya, otpravленного по высочайшему Его Царскому Величеству указу в 1676 году, изъявленному китайским Кхуандией Кансией в 15 лето [The Journal on the Arrival of the Envoy Nikolai Gavrilovich Spathari from Russia, Sent by the Decree of His Tsarial Majesty in 1676, in the 15th Summer of the Reign of Chinese Xuanye Kangxi, Kept in Beijing]. Translation from Manchu. *Sibirskii vestnik* [Siberian Bulletin], 1823, pt. 3, pp. 29–100. (in Russ.)
- Zuev A. S.** Opisanie Zabaikal'ya i Priamur'ya 1681 goda [Description of the Transbaikal and the Amur Region in 1681]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 122–132. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-122-132
- Zuev A. S.** Obzor istochnikov k biografii Gantimura [Review of Sources for Gantimur's Biography]. In: Pamiat' o proshlom v pis'mennykh istochnikakh XVII–XX vv. [Memory of the Past in Written Sources of the 17th – 20th Century]. Novosibirsk, 2023, pp. 272–290. (in Russ.)

Информация об авторе

Андрей Сергеевич Зуев, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 56765493200

Information about the Author

Andrey S. Zuev, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 56765493200

Статья поступила в редакцию 28.01.2025;
одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 14.03.2025
The article was submitted on 28.01.2025;
approved after reviewing on 20.02.2025; accepted for publication on 14.03.2025

Научная статья

УДК 281.93+093«1714»
DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-65-75

«Книга о правой вере» в рукописи из собрания М. Н. Тихомирова

Наталья Сергеевна Гурьянова

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
gurian@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>

Аннотация

Рассматривается рукопись из хранящегося в ГПНТБ СО РАН собрания М. Н. Тихомирова. В статье представлен результат анализа текста Предисловия к «Книге о правой вере», написанной в 1714 г. В нем автор сообщает адресату, который обратился к нему с просьбой дать в письменном виде «твердое и известное» свидетельство от Божественного Писания об истинной вере, что в ответ высылает Книгу из 62-х глав. В Предисловии обозначены основные проблемы, которые освещаются в ней, а также помещена информация, позволяющая сделать вывод об авторстве Тимофея Лысенко и определить жанр Книги в качестве своеобразного религиозного учебника, излагающего особенности вероучения, богослужебной и обрядовой практики дьяконова согласия.

Ключевые слова

XVIII в., старообрядчество, идеология, дьяконово согласие, рукопись, Тимофей Лысенин

Благодарности

Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» № FWZM-2024-0006

Для цитирования

Гурьянова Н. С. «Книга о правой вере» в рукописи из собрания М. Н. Тихомирова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 65–75. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-65-75

“The Book of the Right Faith” in the Manuscript from the Collection of M. N. Tikhomirov

Natalia S. Gurianova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of History
of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

gurian@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>

Abstract

The article delves into a significant manuscript housed within the M. N. Tikhomirov collection at the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. This manuscript features

© Гурьянова Н. С., 2025

“The Book of the Right Faith,” composed in 1714. The analysis primarily focuses on the Preface, which is directed towards “a pious brother and sincere friend.” The author expresses profound respect for this fellow believer, who is depicted as an older friend with considerable influence over his spiritual journey. In the Preface, the author recounts personal biographical details and extends gratitude to the addressee for encouraging him to gather evidence from respected manuscripts and early printed texts. This undertaking aims to substantiate the perspective regarding the reforms instituted by Patriarch Nikon in the Russian Church’s rites and liturgical practices. Notably, the author reveals that he dedicated two decades to exploring the nation’s major book repositories, receiving both moral and financial backing from his friend. The author articulates that the motivation behind writing the Book stems from the addressee’s request to provide “solid and known” evidence from Divine Scripture pertaining to the doctrine of true faith. He identifies this evidence as compilations drawn from Holy Scripture and patristic sources, meticulously selected over the course of twenty years. The Preface outlines the principal themes addressed in the Book’s 62 chapters and suggests authorship by Timofey Matveyev Lysenin. A comprehensive review of the topics within the Book positions it as a unique religious textbook, de-tailing the doctrinal tenets, liturgical and ritual practice of the Old Believers group of the “deacon’s agreement” (*d'yakonovo soglasie*) – all framed as legitimate expressions of Orthodox belief. Analyzing the Preface enriches the comprehension of the remarkable contributions of this Old Believer author and underscores the significance of “The Book of the Right Faith” as a critical source in examining the ideology of the religious and social movements of its time.

Keywords

18th century, Old Believers, ideology, deacon’s agreement (*d'yakonovo soglasie*), manuscript, Timofey Lysenin

Acknowledgements

The research was carried out within the state assignment, on the topic “The Past in Manuscript Sources of the 16th – 20th Centuries: Preservation and Development of Traditions” no. FWZM-2024-0006

For citation

Gurianova N. S. “The Book of the Right Faith” in the Manuscript from the Collection of M. N. Tikhomirov. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 65–75. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-65-75

В начале XVII в. в России после Смуты стал более остро ощущаться духовный кризис, выразившийся в ослаблении роли Церкви в жизни общества. Она попыталась возвратить себе положение важного института, которое занимала прежде. Для этого следовало убедить пастырю в необходимости вернуться в церкви, доверять священникам и верить в истинность вероучения, переданного от предков. Русский вариант православия к этому времени был только обозначен в постановлениях Стоглава без особых богословских обоснований, а для преодоления духовного кризиса они были необходимы. С этой целью Церковь обратилась к творческому наследию православных писателей Киевской митрополии, живших в конце XVI – начале XVII в. Эти тексты оказали существенное влияние на развитие русской богословской мысли, а в адаптированном для русского читателя виде стали частью традиции Русской церкви, поэтому следует в общем виде охарактеризовать их происхождение.

Западнорусская церковь Константинопольского патриархата в конце XVI в. находилась в Речи Посполитой и оказалась в сложном положении. Поддерживаемые светской властью миссионеры Римского престола вели активную пропаганду с целью заключения Унии. Православные писатели вынуждены были вступать в дискуссии, защищая вероучение. В результате появились произведения, в которых было сформулировано богословское обоснование его особенностей, а также первые православные катехетические сочинения, кратко излагающие суть вероучения. Православные отстаивали свои взгляды в полемике с оппонентами, богословская мысль которых находилась на более высоком уровне развития, поэтому они усваивали их достижения, применяя к своему материалу. Естественно, это привело к развитию западнорусской богословской мысли под латинским влиянием, что хорошо заметно, если обратить внимание на сочинения Лаврентия и Стефана Зизания (Тустановских), опубликованные в Киевской митрополии в конце XVI в.¹

В 1596 г. западнорусский епископат заключил унию, приняв условия Рима, и митрополия лишилась иерархии. Кризис в православном обществе еще более обострился, но даже с под-

¹ Об этих текстах и их источниках см.: [Корзо, 2007, с. 216–251].

держкой королевской власти униатам не удалось прервать связи православного общества с Константинопольским патриархатом. Оппозицию составили не признавшие унию священники, братства, православная шляхта и мещане. Они сумели отстоять свое право оставаться православными и продолжили борьбу с кризисными явлениями в церковной жизни, хотя православная иерархия была восстановлена только в 1620 г.²

После заключения Унии православные писатели стали прилагать еще большие усилия по защите вероучения, отстаивая его перед униатами и миссионерами Рима. В создавшейся ситуации важно было не только дать отпор оппонентам, но и привлечь на свою сторону население. С этой целью в родственной митрополии печатались в конце XVI – начале XVII в. так называемые «Книги о вере» – своеобразные религиозные учебники, катехетические сочинения, в которых в доступной форме излагались основы православного вероучения. Оно имело некоторые особенности по сравнению с принятым в Русской церкви, но эти тексты в печатном и рукописном виде распространялись и в России. В них читатели находили не только богословское обоснование близкого по сути описания варианта православия, но и полемику с латинским христианским учением. Естественно, после Смуты эти тексты стали особенно актуальными, но для влияния на религиозное сознание населения необходимо было изложение идей, сформулированных православными писателями Киевской митрополии, в адаптированном для русского читателя виде.

Ориентация Русской церкви на творческое наследие православных писателей Киевской митрополии особенно ярко проявила себя в патриаршество Иосифа³. В 1644 г. в Москве был издан сборник «Кириллова книга», а в 1648 г. вышла из печати «Книга о вере». Ее автор подвел своеобразный итог изложению основ православного вероучения, которое нашло отражение в Катехизисах и «Книгах о вере» западнорусских писателей, живших в конце XVI – начале XVII в. В этом тексте в особенно четких формулировках проступает восприятие действительности в эсхатологических категориях.

Русская церковь, пытаясь преодолеть духовный кризис, направила свои усилия на обоснование особенностей русского варианта православия. Творческое наследие родственной митрополии, созданное в конце XVI – начале XVII в. в иных исторических условиях с целью отстоять право православного общества на существование, оказалось востребованным. В нем Церковь нашла богословское обоснование основ вероучения, которое обозначено было в решениях Стоглава. В адаптированном для русского читателя виде эти тексты стали частью русской богословской мысли. Ситуация изменилась после избрания на патриарший престол Никона, который внес изменения в обряд и богослужебную практику Русской церкви, зафиксировав их в печатных изданиях.

С первых шагов патриарха по введению новшеств возникла внутрицерковная оппозиция, которая со временем превратилась в широкое религиозно-общественное движение. Первое поколение противников церковной реформы, пытаясь доказать незаконность действий патриарха, сформулировали мысль о нарушении им традиции Русской церкви. Важными в описании этой традиции оказались адаптированные для русских читателей тексты западнорусских православных писателей, изданные Московским печатным двором. Кроме уже двух названных книг, противники церковной реформы использовали Большой Катехизис и Катехизис, связанный с именем Петра Mogилы. В них они нашли аргументы в пользу своей точки зрения на введенные патриархом Никоном новшества.

Русская церковь попыталась объявить произведения писателей Киевской митрополии не вполне соответствующими ортодоксальному варианту православия. В Дьяконовых и Поморских ответах старообрядцам удалось отстоять авторитетность изданных в Москве книг, в которых были изложены в адаптированном для русского читателя виде идеи, сформулированные православными писателями Киевской митрополии, жившими в конце XVI – начале

² О причинах заключения Брестской унии и борьбе православного общества с кризисными явлениями в церковной жизни см.: [Флоря, 2007, с. 481–499].

³ Об этом подробно см.: [Каптерев, 2003].

XVII в. После разделения религиозно-общественного движения на два направления, на признающих священников и беспоповцев, в каждом стали образовываться самостоятельные согласия. В начале XVIII в. появились центры, в которых происходило оформление идеологии согласий, определялись основы религиозной жизни общин. Творческое наследие согласия периода его становления в качестве самостоятельного представляет большой интерес для исследователей.

В этом отношении следует обратить внимание на скиты, организованные во второй половине XVII в. противниками церковной реформы на реке Керженец. В конце XVII – начале XVIII в. они стали центром поповского направления старообрядчества, в котором активно обсуждались актуальные проблемы религиозной жизни общин. Об интенсивности полемики свидетельствует большое количество сочинений и рукописных сборников, посвященных этим темам⁴. В результате дискуссий обозначились расхождения и были образованы три самостоятельных согласия – онуфриево, софонтиево и дьяконово [Морохин, Сироткин, 2013, с. 489–491].

Процесс оформления идеологии дьяконова согласия⁵ хорошо представлен в памятниках письменности. В 1719 г. ими были поданы епископу Питириму Дьяконовы ответы, в которых нашел отражение этап оформления идеологии согласия⁶. Известно, что дьяконовцы при их написании обратились за помощью к выговцам, передав сборники подготовительных материалов, составленные идеологом согласия Тимофеем Лысенным. Процесс создания окончательного текста Дьяконовых ответов в достаточной степени исследован. Определенный итог его изучения подведен в статье Е. М. Юхименко. Опираясь на анализ памятников письменности, автор пришла к важному для темы статьи выводу: «Используя материалы, собранные Тимофеем Лысенным, выговцы, точнее Андрей Денисов с ближайшими помощниками, составили полностью текст Дьяконовых ответов. Они опирались на свод доказательств церковно-археологического характера в пользу старой веры, составленный Тимофеем Матвеевым Лысенным» [Юхименко, 2016, с. 431].

О. К. Беляева ввела в научный оборот три ранних дьяконовских сборника и восемь сборников, послуживших подготовительными материалами для Дьяконовых ответов. Текст восьми сборников исследователь назвала «компилятивным сочинением», в котором представлены фрагменты текстов из рукописей и печатных изданий в защиту двуперстного крестного знамения и повторяемости призыва церковных песнопений «аллилуйя». Исследователь доказала, что основу текста этих сборников составили материалы, собранные Тимофеем Лысенным, вернее, одна из его Книг [Беляева, 1989, с. 211–226].

К сожалению, к настоящему времени известно не очень много сведений о жизни Т. Лысеннина. Они изложены в двух энциклопедических статьях, в которых отмечено, что первоначально он жил в Москве, а около 1708 г. переселился на Керженец. В статьях кратко охарактеризованы происходившие там споры, поскольку Лысенин принимал в них активное участие, а иногда его сочинения были причиной возникновения дискуссий и последующих разделений на самостоятельные согласия [Понырко, 1993, с. 309–311; Агеева, Юхименко, 2016, с. 717–718]. В этих произведениях он сформулировал идеи, которые во многом определили особенности вероучения дьяконова согласия.

Ярким примером служат написанные в 1709–1710 гг. Книги, дошедшие в составе рукописи РНБ, собрание Погодина, № 1256, которая введена в научный оборот и атрибутирована П. С. Смирновым [1908, с. 102–106]. В состав сборника вошли четыре Книги⁷. Они сыграли важную роль в оформлении идеологии согласия. Это был период становления дьяконова со-

⁴ О спорах в поповщине см.: [Смирнов, 1909, с. 262–282] и др.

⁵ Об особенностях учения см.: [Агеева, 2007, с. 514–516].

⁶ Историю создания Дьяконовых ответов, характеристику содержания см.: [Бубнов, Юхименко, 2007].

⁷ О сути происходивших споров и содержании 1-й книги см.: [Смирнов, 1909, с. 262–273]. Текст 3-й Книги издан: (Сказания, 1887, с. 204–353).

гласия в качестве самостоятельного, и в этом процессе Тимофей Лысенин сыграл определяющую роль, поэтому так важно углубление наших знаний о его творческом наследии⁸.

Е. М. Юхименко, опираясь на проделанную О. К. Беляевой работу по исследованию дьяконовских рукописей, привлекая дополнительно памятники письменности, подтвердила, что одна из Книг Лысенина, вторая, была передана на Выг в качестве материала для подготовительной работы над Дьяконовыми ответами. При этом исследователь привела убедительные аргументы в пользу того, что присутствующие в сборниках и в Книге традиционные тексты «О прощении» являются характеризующим и датирующим признаком рукописных текстов [Юхименко, 2016, с. 423]. Все это свидетельствует о значимости творческого наследия Т. Лысенина для истории поповского направления старообрядчества, для оформления идеологии дьяконова согласия. Представляется актуальным дополнить характеристику его взглядов.

В ГПНТБ СО РАН в собрании М. Н. Тихомирова хранится рукопись начала XVIII в. с приплетенной позже тетрадью из бумаги конца века. На листах с 3-го по 357-й (верхняя пагинация) находится текст, который дал название рукописи – «Книга о правой вере»⁹. По содержанию это, действительно, изложение основ вероучения дьяконова согласия, но название дано только в инвентарной описи по фрагменту текста, помещенного после завершения последней главы. Он был включен в л. 356 и сохранен при переплете в конце XVIII в. В нем речь идет о писателе московского издания «Книги о вере», цитаты из которого активно использовались при изложении основ вероучения дьяконова согласия. После этого помещен традиционный для дьяконовских сборников текст «О прощении» с датой 7222 (1714 г.)¹⁰.

Скорее всего, сохраненный текст на фрагменте листа относился к Послесловию, которое иногда присутствует в дьяконовских сборниках. В рукописи Тих. 529 без приплетенной в конце XVIII в. тетради представлена Книга в 62-х главах с оглавлением (л. 3 – 9 об.), предисловием (л. 10–22), основным текстом и традиционным обращением «О прощении» (л. 23–357). Рукопись не является автографом, это писарская копия. По содержанию ее можно определить в качестве учебника религиозного характера, в котором в доступной для читателя форме излагаются основы вероучения дьяконова согласия. При написании этого текста использованы материалы из четырех Книг Т. Лысенина. Скорее всего, он был автором и «Книги о правой вере». Об этом позволяет говорить вводный текст, озаглавленный так: «Предисловие благочестивому брату и другу искреннему».

Автор обозначил адресата в качестве не только единоверца, но и близкого человека, который, как сообщается далее, обратился к нему с просьбой: «Понеже прошение твое бысть и возбуждаeshи мя, еже дати тебе написано твердое же и известное свидетельство от Божественных Писаний о первоначалнейшем християнском и велицем предании церковнем...»¹¹. В данном случае практически дословно заимствована начальная фраза из Трактата о двуперстии Герасима Фирсова, но указано, что необходимо не только осветить проблему «сложения перстов», но и дать характеристику всему преданию церковному¹². Явно подражая соловецкому иноку, автор Предисловия сообщает, что задумался о своей способности выполнить

⁸ Возможно, особая роль мирянина Тимофея была отмечена тем, что дьяконово согласие иногда именовалось современниками лысеновщиной.

⁹ Книга о правой вере – ГПНТБ СО РАН, Музей книги, собр. М. Н. Тихомирова, № 529. В инвентарной описи рукопись представлена так: Книга о правой вере. 4°. 365 л. Бум. 1717–1721 гг. (л. 3–357). Рукопись переплетена в конце XVIII в. При переплете вставлена тетрадь (бумага конца XVIII в.) с выписками из различных книг. (Далее – Тих. 529.)

¹⁰ Судя по нижней пагинации, после окончания главы должен следовать традиционный для сборников, составленных в дьяконовом согласии, текст «О прощении». Публикация подобного текста по рукописи РНБ, ф. 98, № 1703 приведена в статье [Беляева, 1989, с. 213–214]; копия из рукописи РНБ, собр. Погодина, № 1256 опубликована в статье [Юхименко, 2016, с. 424].

¹¹ Тих. 529. Л. 10.

¹² Ср. обращение Герасима Фирсова в начале Трактата о двуперстии: (Фирсов, 1916, с. 147).

просьбу. Он описал причины этого, отметив свою «немощь и ума нищету», последнюю объяснил отсутствием обучения «наукам философским».

Далее поясняется, что отказать в просьбе автор не смог, поскольку переживаемые времена есть «последние», в которые «велик пламень злых и многоглавых ересей разгореся»¹³. Тема переживаемого времени как антихриста поднимается в каждой главе, иногда в форме констатации, но чаще в виде эсхатологических построений. В Предисловии после утверждения о наступлении царства антихриста автор объясняет, почему нельзя оставить без ответа обращение, если есть возможность поделиться знанием Священного Писания и святоотеческого предания. При этом он подчеркнул, что хотя он «всех земнородных грешнее есмь», но не должен «премолчевати или таити правду Божию»¹⁴. Автор Предисловия оценивает представленный текст как пояснение «о правде Божией». Свои рассуждения он подкрепляет цитатами из Священного Писания и святоотеческого предания. Автор часто в основном тексте будет подчеркивать, что разъясняет «правду Божию».

Обращение к единоверцу в начале Книги было подражанием соловецкому иноку только по форме. Совершенно очевидно, что автор вел разговор с реальным, авторитетным, знакомым человеком. В Предисловии объясняется и обосновывается причина появления Книги, а также выражена благодарность и сформулирована просьба, повторившая суть текста «О прощении», но обращенная лично к собеседнику: «Ты же, возлюбленне, прием сия вся собрания искуси, прочтай, разсмотряй прилежно... Аще же обрящеш погрешно в чем забвением или неразумием, и то такоже по свидетельству Святых Писаний исправи, а не просто»¹⁵.

Ниже автор поясняет, по какой причине адресат должен это сделать: «Понеже твоего ради ко мне усердия и любви нелицемерная вся сия собрах. И ты мя грубаго подвиг на сицевый труд»¹⁶. Речь идет о том, что адресат уговорил, «подвиг», автора Предисловия на сбор «свидетельств от Писания» в защиту точки зрения на новшество, введенное патриархом Никоном. В этих обращениях проступает уважительное отношение к единомышленнику, признание его авторитета, поскольку он не только способен был убедить заняться поиском аргументов, но и материально поддерживал это мероприятие много лет.

Совершенно очевидно, что текст Предисловия написан Тимофеем Лысенином. В нем описан процесс сбора свидетельств из рукописей и старопечатных книг в пользу точки зрения противников церковной реформы на новшество. Он обращается с благодарностью к адресату за поддержку: «Ей, твоим убо воистину благодеянием и радением сподобил мя Господъ, недостойного, толикое множество много книг видети и брати свободно и собирати от них о настоящих винах веси бо и сам киликое сотворил еси тщание и почести книгохранителем честным и преводчику»¹⁷. После этого следует подробное описание реального сюжета о доносе и изъятии у Т. Лысенина выписок книгохранителями, которые были возвращены после проверки¹⁸.

Затем автор замечает, что удовлетворен результатами поиска свидетельств: «И довлеет ми сего истинного свидетельства двадесять бо лет уже собирах от Писания. И много истощих на се имения нашего»¹⁹. Обращает на себя внимание указание, что он много потратил за эти 20 лет «имения нашего», т. е. адресат принимал участие в финансировании мероприятия. Т. Лысенин сообщает, каким образом он поступил с собранными выписками: «И тебе убо сие собраньце послах и у себе удержаняв. Ныне же в сия зрю и верую по Божественному Писанию

¹³ Тих. 529. Л. 10 об.

¹⁴ Там же. Л. 11.

¹⁵ Там же. Л. 11 об. – 12.

¹⁶ Там же. Л. 12.

¹⁷ Там же. Л. 12 – 12 об.

¹⁸ Этот эпизод с указанием имен участников кратко описан в Послесловии из сборника РНБ, ф. 98, № 1703. Текст опубликован: [Беляева, 1986, с. 64].

¹⁹ Тих. 529. Л. 12 об.

и по сему разделяю истину от прелести и правду от лжи»²⁰. Речь идет о рукописи с фрагментами текстов и ее копии, которую он отправил своему единоверцу. Заключительная фраза позволяет предположить, что Т. Лысенин знакомство с отобранными им выписками считал равносильным обращению к Божественному Писанию.

Используя эти выписки, он написал четыре Книги и составил сборники подготовительных материалов к Дьяконовым ответам. В рукописи Тих. 529 представлена еще одна Книга из 62-х глав. В Предисловии автор поясняет адресату ее содержание, всякий раз приводя цитаты из Священного Писания или из святоотеческого предания в качестве аргумента той мысли, которую он высказал или только еще собирался это сделать. На поле обязательно указан исходный текст. В данном случае имеет место традиционное использование цитат. Гораздо больший интерес представляют авторские рассуждения. В них находим уже не только почтительно-уважительные обращения к более мудрому собеседнику, но и обозначение проблем, которые освещаются в Книге.

Например, после отсылок к сочинениям Иоанна Дамаскина, Максима Грека, Никона Черногорца, Иоанна Златоуста, в которых утверждалось, что для «разделения истины от прелести» необходимо прибегать к Божественному Писанию, автор обращается к адресату: «Молю же и тя ведати и веровати токмо по Писанию святых книг, а не на ино что взирати. Мнози бояныне прелестницы смятоша люди Божия и в недоумения вложиша, развращенная глаголюще. Ты же о сем не удивляйся, но к Божественному Писанию прибегай. Вина же смятению бысть любоначальных властей мнение и лживых учителей»²¹. В этом рассуждении обращает на себя внимание описание причин уклонения от веры. Кроме традиционного для религиозного сознания пояснения о действиях «лживых учителей», виной названо «любоначальных властей мнение», которое поставлено на первое место. В данном случае автор обозначил проблему влияния на ситуацию с расколом в России церковных властей. Действительно, несколько глав Книги посвящены описанию деятельности патриарха Никона, которая привела, как считает старообрядец, к отступлению от истинной веры и преследованиям защищающих ее.

Тема необходимости обращения к Священному Писанию, чтобы не впасть в ересь, в той или иной мере затрагивается во всех главах. При этом всякий раз отмечается важность этого в современном мире, поскольку переживаемые времена есть «последние», в которые вопрос об уклонении от веры особенно актуален. Поместив соответствующие цитаты из Священного Писания и святоотеческого предания о распространении в этот период ложных учений, автор приводит значительный фрагмент из «Книги о вере», указав на поле источник. Он предваряет его следующей фразой, обозначив важную тему: «И еще писано есть о смятении последних дней сице...»²² Пространная цитата из 23-й главы «Книги о вере» (Книга, 1648, л. 215 об. – 216) подвела своеобразный итог рассуждению об опасности для христианина переживаемого времени, в которое трудно определить, где истинная Церковь, истинное учение. Завершает фрагмент утверждение, что христиане в этой ситуации должны прибегать к Священному Писанию: «Христиане, хотяши вправду во христианьстей вере утвердитися, ни к чесому же иному да бежат, точию к Писанию. Аще бо на ино что взирати будут, соблазнятся и погибнут, не разумеюще кая бы была истинная Христова церковь»²³.

В Предисловии автор явно стремился подготовить адресата к восприятию присланного текста Книги, пояснив сложность обсуждаемых тем. Всякий раз он вводит новую, поместив личное обращение: «Аз же ти глаголю, не внимай речению нынешних блазнителей, глаголющих о христианех сия: Многи у вас свары и разделения. Понеже сей глагол ельлинский»²⁴. Автор обозначил важную проблему распреи внутри старообрядческого движения и сразу заявил о несогласии с такой постановкой вопроса. Приведя соответствующие цитаты

²⁰ Тих. 529.

²¹ Там же. Л. 13.

²² Там же. Л. 13 об.

²³ Там же. Л. 13 об. – 14.

²⁴ Там же. Л. 14 – 14 об.

из святоотеческого предания, в которых говорилось о «соблазнах еретических», вызывающих споры внутри христиан, автор заключает: «Мнози бо ныне зряще соблазны еретическая сами блазнятся и прочих неведущих соблажняют, а потрудитися о всем и поискати во Святом Писании ленятся»²⁵.

Еще раз автор подчеркнул необходимость для христианина обращения к Священному Писанию, чтобы не уклониться от истинной веры. После этого помещены цитаты о том, что при этом важно верное истолкование прочитанного, поднят вопрос о ересях и сделано следующее заключение: «Мнози иже сказуют криво Божественное Писание к своему разуму сия приводяще и по своей похоти, разсуждающе на едином многажды слове сокровеном утверждаются, а откровеное Писание святыми отцы оставляющее»²⁶.

В Предисловии Т. Лысенин достаточно подробно рассмотрел вопрос об уклонении в ересь при неверном истолковании Священного Писания, представив подборку цитат из авторитетных для православного человека текстов. Разумеется, автора можно охарактеризовать в качестве начетчика в традиционном для человека Древней Руси значении. Приведенные цитаты обязательно обозначены в качестве таковых и указан (или на поле, или во вводной и заключительной фразах) исходный текст. В авторских комментариях, которые, как ранее отмечено, чаще всего представлены в форме обращения к адресату, проступает личность человека Нового времени. Это относится к его уверенности в способности понять Священное Писание, правильно его истолковать, способствуя решению сложных вопросов богословия, прояснить для себя и читателей суть вероучения – «правду Божию».

Заключительная часть Предисловия – еще более яркое свидетельство об авторе как человеке Нового времени, продолжившем традиции книжников Древней Руси. В качестве «Молитвы» Т. Лысенин поместил свое обращение к Богу с личной просьбой о помощи в осмыслении собранного материала. Она не очень велика по объему, поэтому приведем ее полностью: «Но, о Господи, Боже наш многомилостиве, творче небеси и земли! Припадою твоей благости, прости ми и отпусти безчисленая моя согрешения, помози и благослови неизследованным милосердием твоим, яже нужная и полезная ко спасению и ко утверждению правоверия просящему другу собрати, правду твою проповедати, юже ты святыми твоими предал еси Церкви святей своей. Неправду же противных и лукавыя и хулныя речи Писанием твоим обличити»²⁷.

В этом тексте Т. Лысенин сумел подвести определенный итог своим рассуждениям в Предисловии, обозначив цели создания Книги в обращении напрямую к Богу. Он считал, что собрал тексты нужные и полезные для спасения и утверждения истинной веры, которые будут способствовать проповеди «правды Божией» и обличению «противных», поэтому обратился с «Молитвой» к Богу. После этого поместил цитаты из Священного Писания с характеристической переживаемого времени и рекомендациями остерегаться лжеучителей, чтобы не уклониться от истинного вероучения²⁸.

Книгу открывает аннотация, в которой представлено авторское восприятие ее содержания: «Сказание вкратце о милосердии Божии и о проповеди святых апостол и яко не подобает соблажнятися, видя многих лжеучителей и ереси, но токмо веровати по Писанию святых отец»²⁹. В этом тексте акцент сделан на основных проблемах, о которых адресат уже был проинформирован в Предисловии и «Молитве», обращенной к Богу, а здесь представлена четкая формулировка сути содержания Книги. В 62-х главах он собрал материал, в котором, по его мнению, изложено истинное вероучение. Представление о нем должно помочь христианину спастись в современном мире. В каждой главе обязательно уделяется внимание ха-

²⁵ Тих 529. Л. 15.

²⁶ Там же. Л. 17.

²⁷ Там же. Л. 21 – 21 об.

²⁸ Там же. Л. 21 об. – 22.

²⁹ Там же. Л. 23.

рактеристике переживаемого времени, которое воспринималось автором исключительно в эсхатологических категориях.

Анализ Предисловия к «Книге о правой вере» позволил сделать вывод о том, что ее автором был Тимофей Матвеев Лысенин. Об этом свидетельствует и постоянное обращение автора к адресату в основном тексте при введении темы или при ее завершении. Текст «Книги о правой вере» свидетельствует о том, что Тимофей Лысенин был не только начетчиком, но и археографом, книжником и ярким представителем плеяды идеологов религиозно-общественного движения, уверенных в своем праве толковать Священные тексты, проясняя истину.

Разумеется, основным приемом изложения аргументов в пользу защищаемой точки зрения по обсуждаемому вопросу, относящемуся к области богословия, богослужебной практики, бытового поведения, старообрядцу служили фрагменты текстов из Священного Писания и святоотеческого предания. Он продолжил традиции книжника Древней Руси в условиях Нового времени, что проявлялось в сопровождении каждой приведенной цитаты указанием на источник, который должен был быть авторитетным для оппонентов – представителей официальной Церкви и внутри старообрядчества.

В рукописи Тих. 529 представлен текст своеобразного религиозного учебника, в котором изложены особенности вероучения, богослужебной и обрядовой практики дьяконова согласия, а также бытового поведения членов общины. Основные проблемы, освещаемые в «Книге о правой вере», были обозначены в Предисловии. Создается впечатление, что автор написал его в качестве сопроводительного послания к адресату, который должен был оценить и одобрить текст Книги. По-видимому, ему важна была поддержка этого уважаемого человека, с которым его связывала многолетняя дружба. Возможно, Т. Лысенин считал, что это позволит ему быть еще более уверенными в своем праве обращаться к толкованию Святого Писания с целью прояснить для единоверцев понятие о Боге, об истинной вере и способах спасения в переживаемые человечеством «последние» времена. Анализ текста Предисловия дает возможность сделать вывод о ценности этого памятника письменности в качестве источника для изучения творческого наследия дьяконова согласия.

Список литературы

- Агеева Е. А.** Дьяконово согласие // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 514–516.
- Агеева Е. А., Юхименко Е. М.** Лысенин // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 41. С. 717–718.
- Беляева О. К.** Старообрядческая рукописная традиция начала XVIII в. и работа выговских книжников над Поморскими ответами // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 63–69.
- Беляева О. К.** Полемические сборники и сочинения старообрядцев дьяконовского согласия (некоторые предварительные замечания) // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 211–226.
- Бубнов Н. Ю., Юхименко Е. М.** Дьяконовы ответы // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 516–518.
- Каптерев Н. Ф.** Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриарха Иосифа. М.: Индрик, 2003. 248 с.
- Корзо М. А.** Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI – XVIII в.: становление, эволюция и проблема заимствований. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 672 с.
- Морохин А. В., Сироткин С. В.** Керженец // Православная энциклопедия. М., 2013. Т. 32. С. 489–494.
- Понырко Н. В.** Лысенин Тимофей Матвеев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 309–311.

- Смирнов П. С.** Из истории раскола первой половины XVIII века: По неизданным памятникам. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1908. 233 с.
- Смирнов П. С.** Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1909. 530 с.
- Флоря Б. Н.** Брестская уния 1596 г. и некоторые вопросы конфессиональных отношений на Украине и в Белоруссии в первой половине XVII в. // Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 481–499.
- Юхименко Е. М.** К истории Дьяконовых ответов. Новая атрибуция одного из посланий Андрея Денисова // ТОДРЛ. 2016. Т. 64. С. 422–431.

Список источников

- Книга о вере. М.: Печатный двор, 1648. 290 л.
- Сказания о распрахах, происходивших на Керженце из-за Аввакумовых догматических писем // Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1887. Т. 8. С. 204–353.
- Фирсов Г.** О сложении перстов... // Никольский Н. Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова по неизданным текстам. СПб., 1916. С. 144–196.

References

- Ageeva E. A.** D'yakonovo soglasie [Deacon's Agreement]. In: Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2007, vol. 16, pp. 514–516. (in Russ.)
- Ageeva E. A., Yukhimenko E. M.** Lysenin. In: Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2016, vol. 41, pp. 717–718. (in Russ.)
- Belyaeva O. K.** Polemicheskie sborniki i sochineniya staroobryadtsev d'yakonovskogo soglasiya (nekotorye predvaritel'nye zamechaniya) [Polemical Collections and Works of the Old Believers Group of the Deacon's Agreement (Some Preliminary Remarks)]. In: Khristianstvo i tservkov' v Rossii feodal'nogo perioda (materialy) [Christianity and the Church in Russia during the Feudal Period (Materials)]. Novosibirsk, 1989, pp. 211–226. (in Russ.)
- Belyaeva O. K.** Staroobryadcheskaya rukopisnaya traditsiya nachala XVIII v. i rabota vygovskikh knizhnikov nad Pomorskimi otvetami [The Old Believers' Manuscript Tradition of the Early 18th Century and the Work of Vyg Scribes on the Pomorian Responses]. In: Istochniki po istorii russkogo obshchestvennogo soznaniya perioda feodalizma [Sources on the History of Russian Social Conscience in the Feudal Period]. Novosibirsk, 1986, pp. 63–69. (in Russ.)
- Bubnov N. Yu., Yukhimenko E. M.** D'yakonovy otvety [The Deacon's Responses]. In: Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2007, vol. 16, pp. 516–518. (in Russ.)
- Florya B. N.** Brestskaya uniya 1596 g. i nekotorye voprosy konfessional'nykh otnoshenii na Ukraine i v Belorussii v pervoi polovine XVII v. [The Union of Brest of 1596 and Some Issues of Confessional Relations in Ukraine and Belarus in the 1st Half of the 17th Century]. In: Florya B. N. Issledovaniya po istorii Tserkvi. Drevnerusskoe i slavyanskoe srednevekov'e [Studies in Church History: Old Russian and Slavic Middle Ages]. Moscow, 2007, pp. 481–499. (in Russ.)
- Kapterev N. F.** Patriarkh Nikon i ego protivniki v dele ispravleniya tserkovnykh obryadov. Vremya patriarkha Iosifa [Patriarch Nikon and His Opponents in the Matter of Correcting Church Ceremonies. The Time of the Patriarchate of Joseph]. Moscow, Indrik, 2003, 248 p. (in Russ.)
- Korzo M. A.** Ukrainskaya i belorusskaya katekheticeskaya traditsiya kontsa XVI – XVIII v.: stanovlenie, evolyutsiya i problema zaimstvovanii [The Ukrainian and Belarusian Catechetical Tradition of the Late 16th to 18th Century: Formation, Evolution, and the Problem of Borrowings]. Moscow, "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya", 2007, 672 p. (in Russ.)

- Morokhin A. V., Sirotkin S. V.** Kerzhenets [Kerzhenets]. In: Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2013, vol. 32, pp. 489–494. (in Russ.)
- Ponyrko N. V.** Lysenin Timofei Matveev. In: Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi [Dictionary of Scribes and Book Culture of Ancient Rus']. St. Petersburg, 1993, iss. 3 (17th cent.), pt. 2, pp. 309–311. (in Russ.)
- Smirnov P. S.** Iz istorii raskola pervoi poloviny XVIII veka: Po neizdannym pamyatnikam [From the History of the Schism in the 1st Half of the 18th Century: Based on Unpublished Sources]. St. Petersburg, Tipografiya M. Merkusheva, 1908, 233 p. (in Russ.)
- Smirnov P. S.** Spory i razdeleniya v russkom raskole v pervoi chetverti XVIII v. [Disputes and Divisions in the Russian Schism in the 1st Quarter of the 18th Century]. St. Petersburg, Tipografiya M. Merkusheva, 1909, 530 p. (in Russ.)
- Yukhimenko E. M.** K istorii D'yakonovykh otvetov. Novaya atributsiya odnogo iz poslaniy Andreya Denisova [On the History of the Deacon's Responses: A New Attribution of One of Andrey Denisov's Letters]. In: Trudy otdela drevnerusskoi literatury [Works of the Department of Old Russian Literature], 2016, vol. 64, pp. 422–431. (in Russ.)

List of Sources

- Firsov G. O.** slozhenii perstov... [On the Folding of Fingers...]. In: Nikolsky N. Sochineniya solovetskogo inoka Gerasima Firsova po neizdannym tekstam [Writings of the Solovets Monk Gerasim Firsov Based on Unpublished Texts]. St. Petersburg, 1916, pp. 144–196. (in Russ.)
- Kniga o vere [The Book of Faith]. Moscow, Pechatnyi dvor, 1648, 290 f. (in Russ.)
- Skazaniya o raspryakh, proiskhodivshikh na Kerzhentse iz-za Avvakumovykh dogmatischeskikh pisem [Tales of the Contentions That Occurred on the Kerzhenets Due to Avvakum's Dogmatic Letters]. In: Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya [Materials for the History of the Schism in Its Early Period]. Moscow, 1887, vol. 8, pp. 204–353. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Сергеевна Гурьянова, доктор исторических наук
Scopus Author ID 57222243564

Information about the Author

Natalia S. Gurianova, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 57222243564

Статья поступила в редакцию 22.04.2025;
одобрена после рецензирования 19.05.2025; принята к публикации 16.06.2025
The article was submitted on 22.04.2025;
approved after reviewing on 19.05.2025; accepted for publication on 16.06.2025

Научная статья

УДК 94(47).072

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-76-87

Служебная карьера офицеров во 2-й армии Российской империи в 1820–1825 годах

Такэси Мацуумура

Университет Дайто Бунка

Токио, Япония

t059397@st.daito.ac.jp, <https://orcid.org/0000-0002-6050-7634>

Аннотация

Рассматривается жизненный цикл русских офицеров, служивших в пехотных частях 2-й армии в первой половине 1820-х гг. Обер-офицеры служили по два или три года в своем полку, где повышались в чине без перемещения в другой полк. При чинопроизводстве из капитанов в майоры большинство офицеров перемещались из полка в полк. Без отличий не могли производиться из майоров в подполковники или выше. Многие офицеры увольнялись по домашним обстоятельствам в чинах до штабс-капитанов. В основном только офицеры выше подполковников, находившиеся на службе долгое время, получали пенсию и право на ношение мундира. Многие офицеры, уволенные в чине штабс-капитана и ниже, не могли получить даже право на ношение мундира.

Ключевые слова

история русской армии, русское офицерство, повседневная жизнь русских офицеров, время декабристов

Благодарности

Автор выражает сердечную благодарность профессорам Высшей школы экономики М. А. Давыдову, В. С. Парсамову, М. Л. Баталиной и А. А. Исэротову, а также заведующему научным отделом Музея-заповедника «Бородинское поле» Д. Г. Целорунго, без чьей помощи в организации работы в Москве автор не мог бы написать эту статью. Также автор выражает благодарность университету Дайто Бунка, который предоставил автору возможность осуществить поездку в Москву в 2014 г.

Для цитирования

Мацуумура Т. Служебная карьера офицеров во 2-й армии Российской империи в 1820–1825 годах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 76–87. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-76-87

Career Paths of the Officers in the 2nd Army of the Russian Empire in 1820–1825

Takeshi Matsumura

Daito Bunka University

Tokyo, Japan

t059397@st.daito.ac.jp, <https://orcid.org/0000-0002-6050-7634>

Abstract

This paper represents an attempt to analyze the life cycle of Russian infantry officers in the 1st half of the 1820s, based on data from the orders of the 2nd Army. Generally, officers were promoted every two or three years in the regiment, in which they served. However, upon promotion from captain to major, majority of the officers transferred between different regiments. To advance from major to lieutenant colonel or higher, they were required to achieve notable accomplishments or face dismissal. Many officers, particularly those below the rank of staff captain, were dismissed due

© Мацуумура Т., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 76–87

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 76–87

to personal circumstances. Typically, only lieutenant colonels and higher ranks received pensions and retained the right to wear uniforms after retirement, reflecting their long service. Captains, on the other hand, usually maintained only the right to wear their uniforms without the accompanying pension. Those dismissed from ranks below captain frequently lacked even the right to wear a uniform. This resulted in a significant contrast between the lives of officers who left service early without a pension and those who served extensively and received one. For the former, military service often served merely as a means to attain social status, while for the latter, it became essential to their sense of purpose. Additionally, some non-commissioned officers of non-noble origin were able to achieve nobility and secure pensions through their service.

Keywords

Russian army history, Russian officer corps, everyday life of Russian officers, Decembrist era

Acknowledgements

The author expresses his heartfelt gratitude to the professors of the Higher School of Economics M. A. Davydov, V. S. Parsamov, M. L. Batalina and A. A. Iserov, as well as to the head of the scientific department of the Borodino Field Museum D. G. Tselorungo, without whose help in organizing work in Moscow the author could not have written this paper. The author also expresses his gratitude to Daito Bunka University, which provided the author with the opportunity to travel to Moscow in 2014.

For citation

Matsumura T. Career Paths of the Officers in the 2nd Army of the Russian Empire in 1820–1825. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 76–87. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-76-87

Настоящая статья является, вероятно, первой попыткой количественного анализа жизненного цикла русских офицеров декабристского периода на основании данных приказов 2-й армии¹.

Важной монографией, посвященной истории русского офицерства, в российской историографии является работа С. В. Волкова «Русский офицерский корпус» [1993]. Однако, поскольку он исследует историю русского офицерства на протяжении очень долгого времени, в ней недостаточно освещены конкретные стороны жизни офицерства определенного периода. Конкретной монографией, основанной на статистическом материале, является работа Д. Г. Целорунго «Офицеры русской армии» [2002], в которой рассматриваются различные аспекты жизни офицерства во время Отечественной войны. Удивительно, что автор подсчитал, сколько лет офицеры служили в каждом военном чине на основании данных формуллярных списков. Нашей целью является именно такой конкретный анализ, но для офицеров первой половины 1820-х гг. Однако мы не можем использовать их формуллярные списки, так как формуллярные списки того времени не объединены в одном фонде, а содержатся вразброс в нескольких фондах Российского государственного военно-исторического архива [Там же, с. 36–37], и поиск их чрезвычайно затруднен.

В связи с этим мы использовали сведения приказов 2-й армии с 1820 по 1825 г. К тому же мы ограничили сферу анализа только обер- и штаб-офицерами пехотных и егерских полков, поскольку офицеров кавалерии, артиллерии, инженерного корпуса, казачества, интендантства, свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части и генеральства было немного и достаточных сведений о них в приказах нет².

В то время 2-я армия защищала границу с дунайскими княжествами [Киянская, 2005, с. 38]. Она состояла из 20 пехотных и 10 егерских полков, исключая кавалерию, артиллерию, казаков, и инженерный корпус³. Штат обер-офицеров пехотного и егерского полков насчитывал по 53 чел., а штат штаб-офицеров – по семь человек⁴. Следовательно, в итоге штат обер-офицеров состоял из 1 590 чел., штат штаб-офицеров – из 210, а общее число офицеров всех пехотных и егерских полков 2-й армии было 1 800.

¹ Приказы 2-й армии за 1817–1830 гг. М., 1817–1830, без pagination.

² Часть адъютантов генералов 2-й армии принадлежала к лейб-гвардии. Например, один из адъютантов начальника главного штаба 2-й армии генерал-майора Киселева, князь Трубецкой, был поручиком лейб-гвардии гусарского полка. См.: Приказ 2-й армии № 88 от 5 июня 1823 г. Эти офицеры также вне сферы нашего анализа. Далее мы не будем указывать ни месяцы, ни числа издания приказов.

³ Приказ 2-й армии № 71 1822 г.

⁴ Приказ 2-й армии № 25 1824 г.

Каждую весну главнокомандующий 2-й армии отдавал приказы о чинопроизводствах, перемещениях, увольнениях по прошениям, отставках за дурное поведение, а также о смертях офицеров. В них прописаны фамилии, чины и полки, где служили офицеры. Если мы сопоставим такие приказы за несколько лет, то сможем выяснить жизненный цикл офицеров того времени. Мы нашли почти все приказы 2-й армии с 1820 по 1825 г. в Российской государственной библиотеке и Российской национальной библиотеке⁵. Однако данные приказов не такие полные, как в формулярных списках: там не указаны имена, отчества, возраст и даже сословия офицеров.

К тому же штаб 2-й армии намеренно скрыл несколько решений. Например, на страницах приказов 2-й армии этого времени ничего не написано об увольнении подполковника И. П. Липранди и капитана К. А. Охотникова от 11 ноября 1822 г. Как известно, они были замешаны в «деле Раевского» [Базанов, 1951, с. 78]. Вероятно, штаб 2-й армии не хотел извещать офицеров своей армии о существовании заговора. По этой причине, возможно, штаб 2-й армии намеренно вычеркнул эти сведения из приказов.

Однако отсутствие сведений, вероятно, не всегда было намеренным. Многие офицеры появляются в приказах с 1820 по 1825 г. только один раз. Например, из 65 офицеров, произведенных из штабс-капитанов в капитаны по приказу № 39 1820 г., 32 не оставили никаких других сведений о себе, в том числе сведений об отставках или смертях, на страницах приказов до конца 1825 г. К тому же часто фамилии офицеров написаны неопределенно или ошибочно. Мы идентифицировали, например, Семека и Семяка, Жиленков и Жилинков, Эльяшевич и Илияшевич и т. п.

Кроме того, у нас есть сведения только до конца 1825 г. Следовательно, фактически не представляется возможным проследить служебную карьеру офицеров, в первый раз упомянутых в приказах в 1825, 1824 или даже 1823 г., так как трудно представить, что все они поднимались по служебной лестнице еще на одну ступень до конца 1825 г. Однако до определенной степени можно проследить служебную карьеру офицеров, появившихся в первый раз в приказах в 1820 или 1821 г.

Рисунок 1⁶ показывает, когда в следующий раз повышались в чине обер-офицеры, произведенные по приказу № 39 1820 г. Из 596 обер-офицеров, произведенных по этому приказу, о 233 нет следующих сведений, включая сведения об отставках или смертях. Однако об остальных 336, т. е. 60 % из них, есть сведения о следующем чинопроизводстве. Пиком их следующего чинопроизводства был апрель 1823 г., когда произведены были 146 из них. Трудно представить, что большинство исчезнувших 233 обер-офицеров не производились в следующий чин по причине увольнения или смерти до конца 1825 г. Вероятно, сведения об их производстве просто были утеряны. Следовательно, наши сведения о сроке службы в каждом военном чине в основном достоверны, по крайней мере по обер-офицерам.

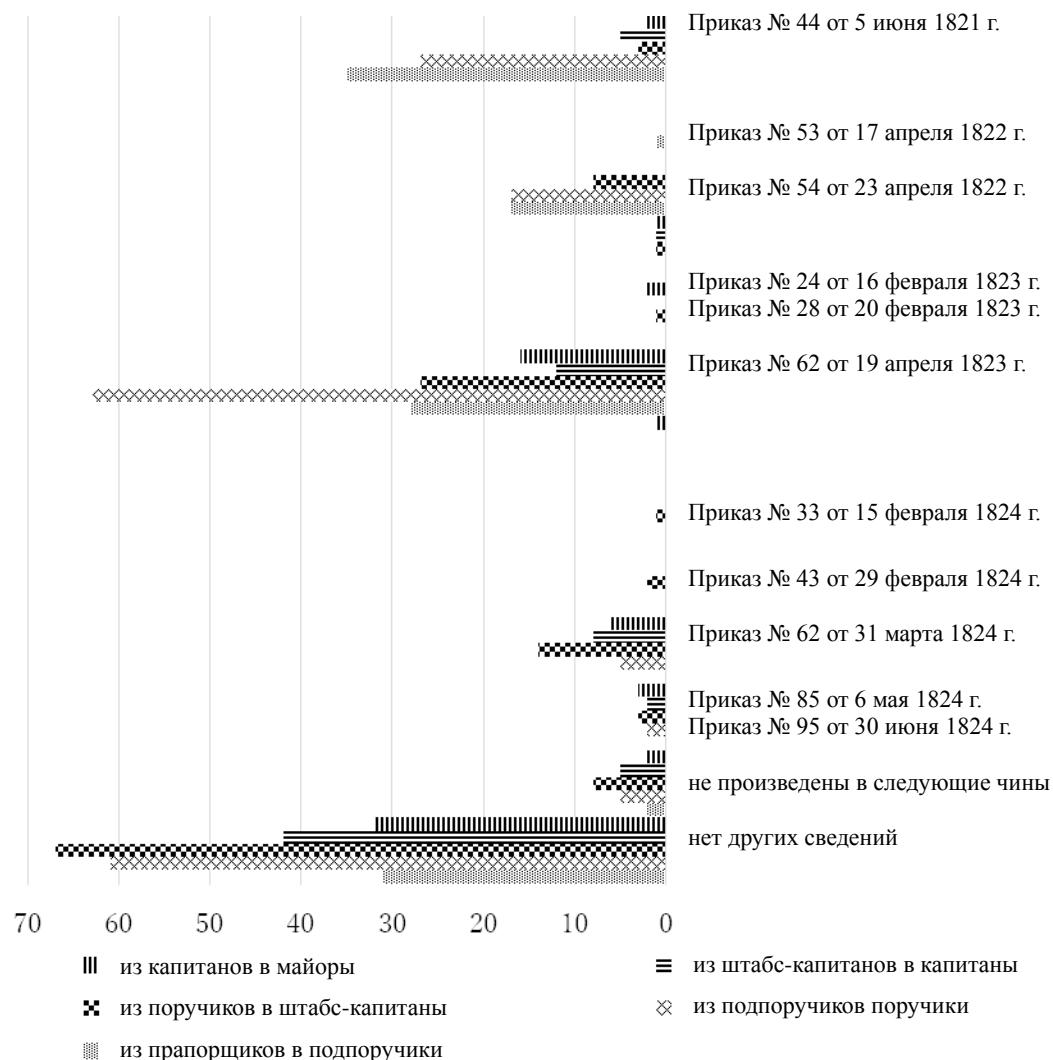
Большинство офицеров перед получением офицерского чина было портупей-юнкерами или портупей-прапорщиками. Волков пишет, что в конце XVIII в. дворяне после трех лет службы в чинах портупей-прапорщиков или портупей-юнкеров производились на вакансии в прапорщики [Волков, 1993, с. 55]⁷. Это утверждение совершенно верно и для 2-й армии в первой половине 1820-х гг. Действительно, портупей-прапорщики, подпрапорщики, портупей-юнкеры и юнкеры были важнейшими источниками офицерства. С 1820 по 1825 г. 339 портупей-прапорщиков, 31 подпрапорщик, 146 портупей-юнкеров и 13 юнкеров были

⁵ Количество приказов по годам было следующим: 120 в 1820 г. (приказ № 5 утрачен), 101 в 1821 г. (приказ № 43 частично утрачен), 150 в 1822 г., 183 в 1823 г., 236 в 1824 г. и 174 в 1825 г. Следовательно, мы прочитали всего 1 099 приказов.

⁶ Офицеры, не произведенные в следующие чины, являются офицерами, перемещенными во внутреннюю стражу или в полки вне 2-й армии, уволенными без дальнейшего чинопроизводства, отставленными за дурное поведение, судимыми в военных судах или умершими.

⁷ Если они увольнялись со службы, не выслужив трех лет в этих чинах, то они не могли производиться в прапорщики, но увольнялисьunter-офицерами. См.: Приказы 2-й армии № 36 1820 г.; № 9, 25, 32 1821 г.; № 140 1822 г.; № 53 1823 г.; № 18 1824 г.

произведены в прапорщики. В итоге их было 529⁸ В то время портупей-юнкеры и юнкеры служили в егерских полках, а портупей-прапорщики и подпрапорщики – в пехотных.

Rus. 1. Число пехотных и егерских обер-офицеров, произведенных по приказу № 39 1820 г. и после этого приказа в следующие чины

Fig. 1. The number of infantry and chasseur chief officers commissioned by Order No. 39 of 1820, and after this order promoted to the following ranks by subsequent orders

Из 112 офицеров, произведенных в прапорщики по приказу № 39 1820 г., о 79 известны сроки службы в этом чине. Из них 21 являлся бывшим портупей-юнкером, 52 были бывшими портупей-прапорщиками, а 6 – бывшими подпрапорщиками. Бывшие портупей-юнкеры были произведены в подпрапорщики после службы в чине прапорщика в среднем через 2,1 года, а бывшие портупей-прапорщики – после службы в среднем через 2,0 года. Однако бывшие подпрапорщики служили прапорщиками до производства в подпрапорщики в среднем 2,6 года.

⁸ Приказы 2-й армии: № 39 1820 г.; № 44 1821 г.; № 28, 112, 127, 180, 182 1823 г.; № 31, 62, 67, 85, 115, 154, 166, 201 1824 г.; № 2, 15, 21, 35, 50, 60, 95, 108, 170 1825 г.

Бывшие портупей-прапорщики и портупей-юнкеры, наиболее быстро произведенные, служили прапорщиками всего 1,2 года, а наиболее поздно произведенные – 3,0 года.

Такая же тенденция наблюдается в отношении 147 офицеров, произведенных в прапорщики по приказу № 44 1821 г. Единственная разница состоит в том, что офицер, наиболее быстро произведенный в подпоручики, служил прапорщиком 1,7 года, а наиболее поздно – 5,1 года.

К тому же быстрота повышения по служебной лестнице сильно различалась. Например, один из офицеров, произведенных в прапорщики по приказу № 39 1820 г., Писемский, был произведен в подпоручики по приказу № 54 1822 г., в поручики по приказу № 62 1823 г. и в штабс-капитаны при увольнении по приказу № 35 1825 г. Его сроки службы в каждом чине были: в чине прапорщика – 2,1 года, в чине подпоручика – 1 год, в чине поручика – 1,9 года. А один из его сверстников, Подковинский, был произведен в подпоручики по приказу № 62 1823 г., и без дальнейшего производства перемещен в батальон внутренней стражи по приказу № 13 1825 г. Таким образом, он служил прапорщиком 3,0 года, а подпоручиком – 1,8 года.

Другим источником офицерства являлись кадеты. Слово «кадеты» в первый раз появилось в приказе 2-й армии № 64 1823 г. С тех пор и до конца 1825 г. 237 кадетов были произведены в прапорщики в пехотных и егерских полках 2-й армии⁹. В основном в кадетские корпуса принимались только дети офицеров и дворяне. Поэтому все они были дворяне [Волков, 1993, с. 106].

Вероятно, скорость их производства, по крайней мере в чине прапорщиков, была немного меньше по сравнению с их сверстниками из портупей-юнкеров или портупей-прапорщиков. Например, мы обратили внимание на сведения в один и тот же период о 104 прапорщиках – бывших кадетах в приказах № 102 1823 г. и № 127 1823 г., а также на сведения о 29 прапорщиках – бывших портупей-юнкерах или портупей-прапорщиках в приказе № 180 1823 г.¹⁰ В среднем в подпоручики бывшие кадеты производились за 1,4 года, а бывшие портупей-юнкеры и портупей-прапорщики – за 1,3 года.

Третьим источником офицерства являлись фельдфебели и унтер-офицеры. С 1820 по 1825 г. 64 фельдфебеля были произведены в подпоручики, а 185 унтер-офицеров – в прапорщики во 2-й армии¹¹. Было три вида производства фельдфебелей и унтер-офицеров в офицеры:

- 1) производство внутри полевой армии (15 фельдфебелей и 67 унтер-офицеров);
- 2) производство с перемещением из полков лейб-гвардии или grenadierских полков в полевую армию (9 фельдфебелей и 15 унтер-офицеров);
- 3) производство с перемещением из полков полевой армии в батальоны внутренней стражи, гарнизонные батальоны или команды служащих инвалидов (40 фельдфебелей и 102 унтер-офицеров).

Из этих трех видов производство внутри полевой армии следует понимать буквально. Действительно, они были произведены в офицеры главным образом в тех же полках, в которых служили фельдфебелями или унтер-офицерами. Все они были недворянского происхождения. Так как в полевой армии дворяне служили портупей-юнкерами или портупей-

⁹ Приказы 2-й армии: № 64, 82, 94, 102, 127 1823 г.; № 130 1824 г.; № 82 1825 г.

¹⁰ В приказах № 102 1823 г. и № 127 1823 г. имеются сведения о 174 прапорщиках из бывших кадетов. Но из них 56 не оставили никаких сведений о дальнейшем производстве, 9 уволились до производства в подпоручики, а 5 ушли из 2-й армии. Остальные 104 были произведены в подпоручики до конца 1825 г. В приказе № 180 1823 г. указаны сведения о 92 прапорщиках бывших портупей-юнкеров или портупей-прапорщиков. Из них 52 не оставили никаких сведений о дальнейшем производстве, 9 уволились до производства в подпоручики, а 2 ушли из 2-й армии. Остальные 29 были произведены в подпоручики до конца 1825 г.

¹¹ Приказы 2-й армии: № 55 1821 г.; № 24, 37, 39, 45, 49, 51, 57, 67, 73, 78, 85, 88, 100, 105, 153, 165, 172, 182 1823 г.; № 11, 23, 33, 39, 54, 60, 62, 63, 82, 85, 91, 99, 115, 133, 140, 145, 154, 166, 170, 201, 204, 210, 214, 219, 225, 226 1824 г.; № 2, 13, 21, 35, 39, 50, 51, 58, 59, 60, 68, 82, 95, 103, 108, 149 1825 г. Часть их при производстве перемещены из артиллерии или инженеров в инфanterию.

прапорщиками, но не унтер-офицерами и фельдфебелями, исключая разжалованных¹². Лица непривилегированного происхождения могли стать офицерами и дворянами после 25-летней службы, включая 12 лет службы в унтер-офицерском чине, если они умели читать и писать (ПСЗ, 1830, т. 27, № 20542, с. 384–387).

Не ясно сословное происхождение бывших фельдфебелей и унтер-офицеров, перемещенных из полков лейб-гвардии или гренадерских полков. Сначала в гвардии унтер-офицерами могли быть только дворяне, но с некоторого времени такое сословное ограничение было отменено [Волков, 1993, с. 55–56].

Офицеры, которые были произведены с перемещением в батальоны внутренней стражи, гарнизонные батальоны или команды служащих инвалидов, тоже были недворянского происхождения. Они служили унтер-офицерами или фельдфебелями. Но они уже не состояли во 2-й армии, поэтому они находятся вне сферы нашего анализа.

Нам важны только бывшие фельдфебели и унтер-офицеры, произведенные в офицеры внутри полевой армии и перемещенные из полков лейб-гвардии или гренадерских полков в полевую армию. Однако, к сожалению, сведения о них очень отрывочны, и мы не можем сравнить их с данными о бывших портупей-юнкерах, портупей-прапорщиках и кадетах.

В целом поступление в офицерский корпус 2-й армии этого времени выглядело следующим образом:

- портупей-прапорщики, подпрапорщики, портупей-юнкера и юнкера в прапорщики – 529 чел.;
- кадеты в прапорщики – 237 чел.;
- фельдфебели и унтер-офицеры в офицеры внутри полевой армии – 82 чел.;
- фельдфебели и унтер-офицеры в офицеры с перемещением из полков лейб-гвардии или гренадерских полков в полевую армию – 24 чел.

Как указано выше, 872 чел. пополнили офицерский корпус 2-й армии за это время. Из них бывших армейских фельдфебелей и унтер-офицеров, которые явно были недворянского происхождения, насчитывалось 82 чел., т. е. 9,4 %. Такая доля лиц недворянского происхождения примерно совпадает со сведениями 1812 г. (9,2 или 13,3 %) [Целорунго, 2002, с. 73, 94].

Кроме того, уволенные офицеры часто возвращались в офицерский корпус. С 1820 по 1825 г. 176 таких офицеров назначались во 2-ю армию¹³. Их чины были разные – от прапорщиков и до подполковников. Волков указывает, что при возвращении на действительную службу уволенные офицеры обычно принимались в своем прежнем чине, однако уволенные офицеры, которые при отставке были награждены следующим чином, часто принимались с понижением в чине [Волков, 1993, с. 151]. В действительности 32 из 176 таких офицеров были приняты с понижением в чине¹⁴.

Кроме того, несколько офицеров гарнизонных батальонов или команд служащих инвалидов поступило в пехотные или егерские полки 2-й армии. По Волкову, их количество было очень ограничено [Там же, с. 154]. Однако мы обнаружили 11 таких офицеров¹⁵. Они «по способности к полевой службе» были перемещены в полки 2-й армии. В этом случае офицеры также часто принимались с понижением в чине.

В редких случаях офицерский корпус пополнялся за счет гражданских чиновников [Там же, с. 72]. Мы нашли двоих бывших комиссаров, которые поступили в офицерский корпус 2-й армии в первой половине 1820-х гг.¹⁶

¹² На страницах приказов 2-й армии с 1820 по 1825 г. находятся 13 случаев разжалования офицеров дворянского происхождения в унтер-офицеры. Приказы 2-й армии: № 32, 53 1820 г., № 60 1821 г., № 11, 111, 117 1823 г., № 29, 139, 142, 168, 231 1824 г. и № 231 1825 г.

¹³ Приказы 2-й армии, № 33 1822 г.; № 24, 46, 51, 67, 73, 75, 105, 112, 127, 153, 156, 165, 166, 169, 182 1823 г.; № 11, 23, 43, 54, 75, 82, 90, 91, 123, 125, 140, 154, 179, 201, 210, 214, 219 1824 г.; № 15, 95, 103, 120 1825 г.

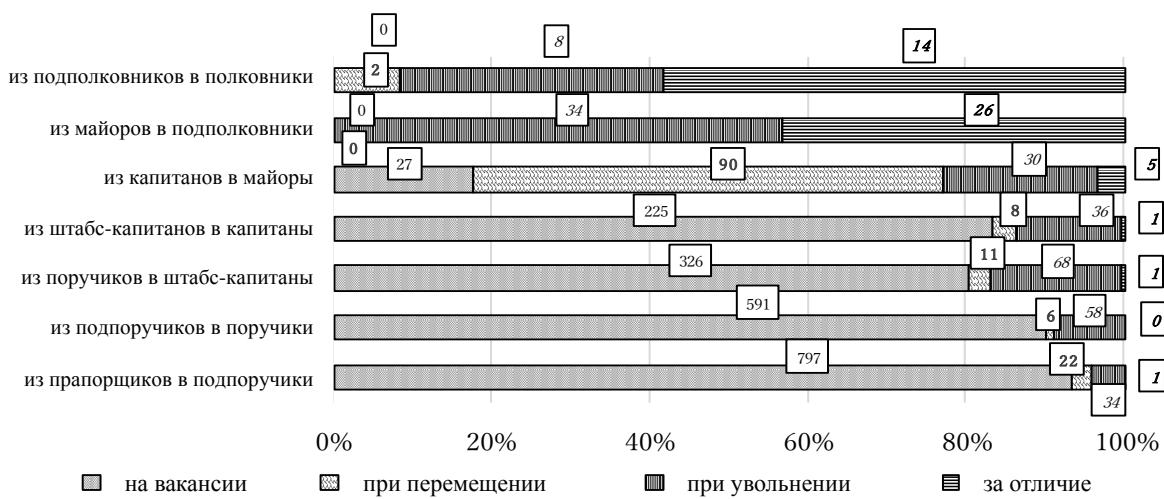
¹⁴ Приказы 2-й армии, № 24, 67, 75, 105, 153, 156, 166 1823 г.; № 11, 23 1824 г.; № 95, 103 1825 г.

¹⁵ Приказы 2-й армии, № 28, 57, 92, 112, 116, 165, 172, 189 1824 г.; № 12, 120 1825 г.

¹⁶ Приказы 2-й армии, № 169 1823 г.; № 91 1824 г.

Все приказы о производстве офицеров сопровождались описанием сопутствующих обстоятельств. Здесь мы ограничили сферу анализа только офицерами ниже подполковников, так как о производстве в полковники или генералы нет достаточных сведений. Мы нашли 2 421 производство из офицерского чина (рис. 2):

- из прaporщиков в подпоручики – 854;
- из подпоручиков в поручики – 655;
- из поручиков в штабс-капитаны – 406;
- из штабс-капитанов в капитаны – 270;
- из капитанов в майоры – 152;
- из майоров в подполковники – 60;
- из подполковников в полковники – 24¹⁷.

На рис. 2 и 3 цифрами в квадратиках указано количество человек

*Rис. 2. Число и процентное отношение 4 видов производства 2 421 офицера в 1820–1825 гг.
Fig. 2. The number and percentage of 4 types of promotion of 2,421 officers in 1820–1825*

В основном офицеры производились на вакансии [Волков, 1993, с. 74, 76]. Есть четыре вида чинопроизводства офицеров: 1) на вакансии в том же полку; 2) при перемещении в другие полки; 3) при увольнении; 4) за отличие по службе.

Целорунго заявлял, что в конце XVIII – начале XIX в. основным способом повышения офицеров было получение очередного чина с помощью занятия свободившегося места в полках [Целорунго, 2002, с. 148]. Действительно, рис. 2 указывает, что большинство офицеров чином ниже капитана во 2-й армии производились на вакансии в том же полку без перемещения.

Однако при производстве из капитанов в майоры численный перевес приходится на производство при перемещении. Перемещение в другие полки при производстве в майоры не всегда было следствием отсутствия вакансий майоров в таких полках, так как несколько полков одновременно отправляли и принимали офицеров, произведенных из капитанов в майоры. Перемещение при производстве в майоры, возможно, было обычаем, происходившим по неустановленным причинам.

Численный перевес еще раз обнаруживается в случае производства при увольнении и за отличие в производстве из майоров в подполковники и из подполковников в полковники.

¹⁷ Приказы 2-й армии, № 44 1821 г.; № 53, 54 1822 г.; № 24, 28, 37, 62, 67, 75, 82, 94, 112, 115, 116, 127, 128 (2), 170, 172, 176, 180, 1823 г.; № 3, 31, 33, 37, 54, 56, 75, 82, 85, 91, 115, 145, 166, 172, 201, 204, 229 1824 г.; № 21, 61, 90, 95, № 149 1825 г.

С 1821 по 1825 г. мы обнаружили 60 производств из майоров в подполковники. Из них 34 были производствами при увольнении, 26 – за отличие, но не было ни одного производства в том же полку на вакансии или производства при перемещении. В приказах того же времени мы нашли 24 производства из подполковников в полковники, из них 14 – за отличие, 8 – при увольнении, 2 – при перемещении, и не было ни одного производства в том же полку на вакансии.

О производствах за отличие по службе Целорунго пишет, что в начале XIX в. каждый десятый офицер хотя бы раз за службу был повышен в чине за отличие [Целорунго, 2002, с. 150]. Однако, как видно из рис. 2, производства за отличие по службе занимают очень малую долю в чинопроизводствах обер-офицеров 2-й армии в первой половине 1820-х гг. Возможно, тогда увольнение «за отличие по службе» разрешалось только офицерам чином выше майора.

Как уже было сказано, невозможно воспользоваться сведениями более позднего времени о сроке службы в каждом чине. В связи с этим для получения данных о сроке службы на каждой ступени служебной лестницы мы проанализируем только приказы № 39 1820 г. и № 44 1821 г. К сожалению, в этих приказах очень мало сведений об офицерах чином выше майоров, поэтому мы ограничили сферу анализа только офицерами ниже капитанов. В этих двух приказах содержатся сведения о 569 и 652 обер-офицерах без повторения. Мы извлекли все сведения об этих офицерах во всех приказах с 1820 по 1825 г. Почти половина этих офицеров не появляется в приказах повторно. В результате мы успешно установили сроки начала и окончания выслуги в одних военных чинах для 336 офицеров в приказе № 39 1820 г. и для 320 офицеров в приказе № 44 1821 г.¹⁸ В то время штат обер-офицеров пехотных и егерских полков 2-й армии состоял из 1 590 чел., поэтому в сферу нашего анализа попали почти 21 % (1820 г.) и 20 % (1821 г.) штата пехотных и егерских обер-офицеров 2-й армии. Возможно, этого достаточно для приблизительного установления среднего срока выслуги офицеров в каждом обер-офицерском чине.

Подсчитаем средние сроки от производства в один чин до производства в следующий чин по каждому военному чину. Для более точной констатации мы будем использовать данные приказов № 39 1820 г. и № 44 1821 г. вместе. В этом случае средние сроки службы в каждом чине будут составлять два или три года, как видно из табл. 1. К тому же табл. 1 указывает на то, что в целом офицеры, произведенные с увольнением, служили в предыдущем чине немного меньше, чем их сверстники, произведенные на вакансии, и что офицеры, произведенные с перемещением, служили в предыдущем чине немного дольше, чем их сверстники, произведенные на вакансии. Возможно, существовали некоторые критерии срока службы офицеров в одном чине, и без выслуги этого срока они не могли производиться даже при увольнении. Волков указывает, что нередко уволенные офицеры награждались следующим чином [Волков, 1993, с. 168]. Может быть, офицеров, не достигавших служебных успехов, переместили перед производством.

К сожалению, мы не можем сравнить наши данные с данными Целорунго о среднем количестве лет выслуги в офицерских чинах в 1812 г., так как наши представляют собой сведения о сроках начала – конца выслуги в одних военных чинах, а данные Целорунго показывают сроки от начала выслуги в офицерских чинах до конца 1812 г. [Целорунго, 2002, с. 155–164].

Мы обнаружили 413 случаев увольнения офицеров в приказах 2-й армии с 1820 по 1825 г. (табл. 2). Офицеры 2-й армии того времени, как указал Волков [Волков, 1993, с. 89], обычно дослуживались до подпоручиков, поручиков или штабс-капитанов, но редко дослуживались до повышения в полковники. Из них 61 офицер получил пенсию и право на ношение мундира после отставки. Если офицеры получали право на пенсионное обеспечение, то они обычно получали также и право на ношение мундира. Исключительных случаев, когда офицеры получили пенсию, но не получили право на ношение мундира, было только два¹⁹.

¹⁸ Ичислено по приказам 2-й армии: № 39 1820 г.; № 44 1821 г.; № 53, 54 1822 г.; № 24, 28, 62 1823 г.; № 33, 43, 62, 85, 226 1824 г.; № 50, 95 1825 г.

¹⁹ Подполковник Чеснок в приказе № 24 1823 г. и полковник Ингитов в приказе № 37 1823 г.

Таблица 1

Средний срок выслуги (в годах) пехотных и егерских обер-офицеров 2-й армии с производством по приказам № 39 1820 г. или № 44 1821 г. до следующего чинопроизводства

Table 1

Average length of service (in years) of infantry and jaeger chief officers of the 2nd Army from promotion under orders no. 39 in 1820 or no. 44 in 1821 to the next promotion

Вид следующего производства после приказа № 39 1821 г. или № 44 1821 г.	На вакансии			При перемещении			При увольнении			Всего	
	чел.	срок службы	чел.	срок службы	чел.	срок службы	чел.	срок службы	чел.	срок службы	
Из капитанов в майоры	3	3,0	37	3,5	13	2,8	53	3,3			
Из штабс-капитанов в капитаны	61	2,9	1	4,1	11	2,8	73	2,9			
Из поручиков в штабс-капитаны	82	3,3	0	—	23	2,7	105	3,2			
Из подпоручиков в поручики	211	2,6	4	3,1	19	2,4	234	2,6			
Из прaporщиков в подпоручики	187	2,1	6	1,8	7	2,1	200	2,1			
Подсчитано по приказам 2-й армии: № 44 1821 г.; № 54 1822 г.; № 24, 28, 57, 62 1823 г.; № 16, 33, 43, 82, 85 1824 г.; № 9, 35, 68, 95 1825 г.											

Таблица 2

Число уволенных офицеров и их право на пенсии и ношение мундира

Table 2

Number of dismissed officers and their right to pensions and to wear a uniform

Чин	Получили пенсии и право на ношение мундира		Получили только право на ношение мундира	Ничего не получили		Всего
	Генерал-майоры	7		0	2*	
Полковники	5	3	3	2**	2**	10
Подполковники	20	12	21***	2	34	
Майоры	7	14	21***	8	36	
Капитаны	6	6	14	27	47	
Штабс-капитаны	6	3	6	76	88	
Поручики	5	0	3	90	98	
Подпоручики	5	0	0	78	83	
Прaporщики	0	0	0	10	10	
Всего	61	59	59	291	413	

Примечание: * – включая полковника Ингитова; ** – включая подполковника Чеснокова; *** – включая майора Клишева и майора Сухарева.

Подсчитано по приказам 2-й армии: № 39, 62, 73, 79, 84, 103, 118 1820 г.; № 5, 20, 25, 43, 44, 46, 55, 73, 76 1821 г.; № 33, 42, 44, 53, 54, 77, 79, 89, 96, 111 1822 г.; № 24, 27, 28, 37, 49, 57, 62, 64, 68, 73, 88, 92, 94, 102, 103, 105, 112, 116, 127, 128 (1), 128 (2), 153, 165, 169, 170, 172, 175, 180, 182 1823 г.; № 4, 11, 23, 33, 39, 43, 54, 62, 67, 82, 85, 91, 95, 115, 123, 145, 201, 210, 219, 226 1824 г.; № 13, 15, 21, 35, 50, 68, 82, 93, 95, 103, 120, 123, 138, 170 1825 г.

Волков и Тиванов пишут, что в то время офицеры, прослужившие бесспорочно 40 лет, получали полное жалование в виде пенсии [Волков, 1993, с. 235; Тиванов, 1993, с. 73.]. Действительно, когда отставной офицер 2-й армии получал пенсию, это была пенсия в размере «полного жалования». Исключений было только четыре, и в этих случаях офицеры увольнялись «с мундиром и за свыше чем 30-летнюю службу с пенсиею половинного жалованья»²⁰, «с мундиром и за свыше чем 20-летнюю службу с определением на инвалидное содержание»²¹, без мундира «за свыше чем 20-летнюю службу с определением на инвалидное содержание»²² или без информации о сроке службы и без мундира «с определением на инвалидное содержание»²³. Такие случаи включены в табл. 2.

К тому же 59 офицеров получили только право на ношение мундира. Вероятно, срок службы составлял менее 40 лет.

Из табл. 2 видно, что чем выше был чин отставного офицера, тем больше у него шансов получить пенсию и право на мундир. Обычно офицеры ниже штабс-капитана не получали ни пенсии, ни права на мундир. Даже более половины капитанов не имели ничего. Две трети отставленных майоров получили только право на мундир. Более половины офицеров в чине подполковника и выше получили пенсию и право ношения мундира. Возможно, такая разница между разными чинами зависит от срока службы. Как правило, чем выше чин офицера, тем дольше он служит, так как до конца XIX в. чинопроизводство строевых офицеров обычно осуществлялось по старшинству на вакансии по полкам [Волков, 1993, с. 79].

Также мы имеем информацию о мотивах увольнения почти всех офицеров (рис. 3)²⁴. Их было три: 1) по ранению; 2) по болезни; 3) по домашним обстоятельствам. Случай, в котором нет сведений о мотивах, только один²⁵. Из трех мотивов увольнения наибольшее количество приходится на мотив «по домашним обстоятельствам» – 251 случай. Рис. 3 показывает, что во всех чинах ниже капитана «по домашним обстоятельствам» – самый частый мотив увольнения. Однако в чине выше подполковника увольнение «из-за ранений» преобладает. Такая ситуация, вероятно, объясняется тем, что обер-офицеры 1821–1825 гг. были слишком молоды во время Отечественной войны и не могли в ней участвовать и получить ранения.

Наконец, мы указываем исключительный, но при этом типичный пример. Одним из прaporщиков, произведенных из унтер-офицеров по приказу № 73 от 30 апреля 1823 г., был Горюнов из Якутского полка. Он производился в подпоручики по приказу № 85 от 6 мая 1824 и увольнялся поручиком из-за ранения с правом на пенсию и ношение мундира по приказу № 50 от 19 марта 1825 г. Он получил эти права после всего лишь двухлетней офицерской службы. Так как для получения пенсии нужно было отслужить 40 лет, Горюнов должен был служить в нижних чинах 38 лет. Если он был дворянином, такая долгая служба в нижних чинах не представляется возможной. В связи с этим надо думать, что его происхождение не было дворянским. Если у него был сын, то он был зачинателем нового дворянского рода, так как по крайней мере один из сыновей прaporщика недворянского происхождения получал право на потомственное дворянство [Волков, 1993, с. 29; Целорунго, 2002, с. 82]. Во 2-й армии недворянские унтер-офицеры после получения офицерского чина могли становиться потомственными дворянами и даже получать полную пенсию.

²⁰ Майор Клишев в приказе № 82 1824 г.

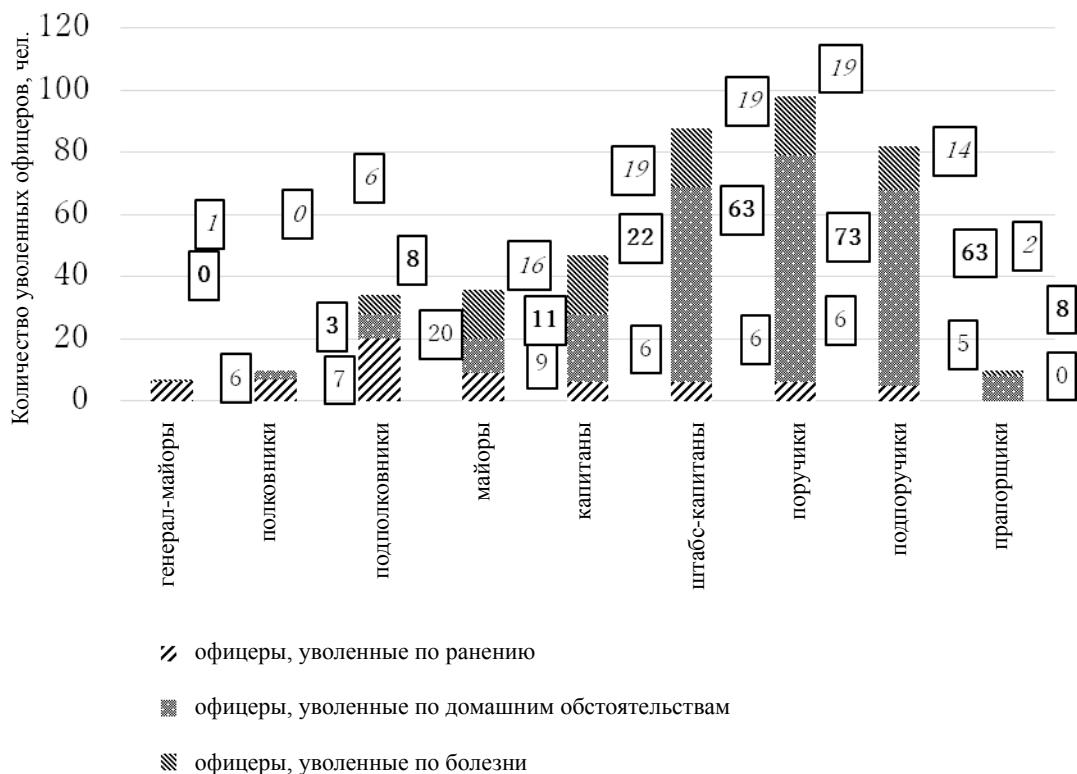
²¹ Майор Сухарев в приказе № 28 1823 г.

²² Подполковник Чеснок в приказе № 24 1823 г.

²³ Полковник Ингитов в приказе № 37 1823 г.

²⁴ Приказы 2-й армии: № 39, 62, 73, 79, 84, 103, 118 1820 г.; № 5, 20, 25, 43, 44, 46, 55, 73, 76 1821 г.; № 33, 42, 44, 53, 54, 77, 79, 89, 96, 111 1822 г.; № 24, 27, 28, 37, 49, 57, 62, 64, 68, 73, 88, 92, 94, 102, 103, 105, 112, 116, 127, 128 (1), 128 (2), 153, 165, 169, 170, 172, 175, 180, 182 1823 г.; № 4, 11, 23, 33, 39, 43, 54, 62, 67, 82, 85, 91, 95, 115, 123, 145, 201, 210, 219, 226 1824 г.; № 13, 15, 21, 35, 50, 68, 82, 93, 95, 103, 120, 123, 138, 170 1825 г. Не включается подпоручик Вереники, чей мотив увольнения не известен.

²⁵ Подпоручик Вереники в приказе № 91 1824 г.

*Рис. 3. Мотивы увольнения 412 офицеров
Fig. 3. The motives for the dismissals of 412 officers*

Теперь можно сделать некоторые выводы о жизненном цикле офицеров пехоты 2-й армии в первой половине 1820-х гг. Прежде всего следует признать, что в целом утверждения Волкова и Целорунго относятся и ко 2-й армии в тот период.

Большинство офицеров производились в офицеры из портупей-юнкеров или портупей-прапорщиков.

В основном обер-офицеры служили по два или три года и производились на вакансии в своем полку, в котором они служили без перемещения. При производстве из капитанов в майоры большинство офицеров перемещалось из полка в полк. Но чинопроизводство из майоров в подполковники или выше для них не было возможно без отличия или увольнения.

Обычно офицеры чином выше подполковника получали пенсию и право на ношение мундира после увольнения. Две трети капитанов получали только право на ношение мундира. Многие офицеры, уволенные в чине штабс-капитана и ниже, не могли получать даже право на ношение мундира.

Многие офицеры увольнялись в чинах подпоручиков, поручиков или штабс-капитанов главным образом по домашним обстоятельствам. Только в чине выше подполковников увольнения по ранению преобладают.

По всей видимости, существовала значительная разница между жизнью офицеров, которые рано увольнялись без пенсии, и жизнью офицеров, которые долго служили и получали пенсию. Служба в армии была для первых не более чем мерой приобретения общественного положения, а для последних – самой жизнью. Некоторые унтер-офицеры недворянского происхождения таким образом приобрели дворянство и пенсию.

Список литературы

- Базанов В.** Декабристы в Кишиневе (М. Ф. Орлов и В. Ф. Раевский). Кишинев: Гос. изд-во Молдавии, 1951. 96 с.
- Волков С. В.** Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 367 с.
- Киянская О. И.** Южное общество декабристов: Люди и события. Очерки истории тайных обществ 1820-х годов. М.: РГГУ, 2005. 448 с.
- Тиванов В. В.** Финансы русской армии (XVIII век – начало XX века), М.: Гос. фин. акад., 1993. 253 с.
- Целорунго Д. Г.** Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения: историко-социологическое исследование. М.: Калита, 2002. 367 с.

Список источников

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб.: Тип. II Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 27. 1209 с.

References

- Bazanov V.** Dekabristy v Kishineve (M. F. Orlov i V. F. Raevsky) [Decembrists in Chishinau (M. F. Orlov and V. F. Raevsky)]. Chishinau, Gos. izd-vo Moldavii, 1951, 96 p. (in Russ.)
- Kiyanskaya O. I.** Yuzhnoe obshchestvo dekabristov: Lyudi i sobytiya [The Southern Society of the Decembrists: People and Events]. Moscow, RGGU, 2005, 448 p. (in Russ.)
- Tivanov V. V.** Finansy russkoi armii (XVIII vek – nachalo XX veka) [Finances of the Russian Army (18th Century – Early 20th Century)]. Moscow, Gos. fin. akad., 1993, 253 p. (in Russ.)
- Tselorungo D. G.** Ofitsery russkoi armii – uchastniki Borodinskogo srazheniya [Officers of Russian Army – Participants in the Battle of Borodino]. Moscow, Kalita, 2002, 367 p. (in Russ.)
- Volkov S. V.** Russkii ofitserskii korpus [Russian Officer Corps], Moscow, Voenizdat, 1993, 367 p. (in Russ.)

List of Sources

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1830, vol. 27, 1209 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Такэси Мацумура, доктор экономики, профессор

Information about the Author

Takeshi Matsumura, Doctor of Economics, Professor

Статья поступила в редакцию 28.02.2025;
одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 28.04.2025
The article was submitted on 28.02.2025;
approved after reviewing on 28.03.2025; accepted for publication on 28.04.2025

Научная статья

УДК 94(47).072

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-88-100

Влияние родственных связей декабристов на следственный процесс 1825–1826 годов: члены семей государственных и военных деятелей, избежавшие суда

Павел Владимирович Ильин

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

pavilyn1970@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6058-2186>

Аннотация

В статье собраны данные о влиянии на ход и результаты следствия по делу декабристов родственных связей привлеченных к расследованию лиц. В центре внимания находятся декабристы, избежавшие суда и оказавшиеся в числе административно наказанных, прощенных и освобожденных от наказания или признанных не-причастными к делу, несмотря на имевшиеся показания о членстве в тайных обществах (М. Ф. Орлов, П. П. Лопухин, Л. П. Витгенштейн, А. А. Суворов и др.). Опираясь на конкретные случаи расследования и решения участия подследственных, имевших родственников – крупных государственных и военных деятелей, автор выясняет, насколько существенным было вмешательство родственных связей в работу следствия, воздействие влиятельных заступников на его исход. Сопоставление «степени вины» и итогового вердикта следствия позволяет ответить на вопрос о значении внешнего влияния на решение участия обвиняемых. По сравнению с предшествующей историографией привлеченные данные отличаются большей полнотой и детализацией.

Ключевые слова

декабристы, следственный процесс, административное (несудебное) наказание, высочайшее прощение, оправдание, родственные связи

Для цитирования

Ильин П. В. Влияние родственных связей декабристов на следственный процесс 1825–1826 годов: члены семей государственных и военных деятелей, избежавшие суда // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 88–100. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-88-100

The Influence of the Family Ties of the Decembrists on the Investigative Process of 1825–1826: Relatives of the Government and Military Leaders who Escaped Judicial Punishment

Pavel V. Ilyin

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russian Federation

pavilyn1970@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6058-2186>

Abstract

The article discusses the impact of family ties on the investigative process regarding the Decembrists' case. It specifically examines individuals who avoided trial and were instead subjected to administrative punishment, pardoned by

© Ильин П. В., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 88–100

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 88–100

the Emperor, released from punishment, or recognized as not involved in the case, despite evidence of their participation in the Decembrist societies. Notable figures such as M. F. Orlov, P. P. Lopukhin, L. P. Vittgenstein, and A. A. Suvorov are highlighted. The author aims to determine the extent to which familial relationships impacted the investigative processes and outcomes for defendants who had relatives in positions of power, including prominent government and military officials. By comparing the determined “degree of guilt” with the final verdicts, the article seeks to answer whether external influences played a crucial role in determining the fate of the accused. This analysis reveals a more complete and detailed examination of the subject than previous historiography. The findings suggest that familial connections significantly affected the investigation, resulting in many individuals being excluded from punishment, either through forgiveness or being deemed not involved in the case. The study notes specific instances where relatives of influential officials received reduced sentences, and it highlights how petitions to higher authorities and unspoken pressures, sanctioned by Nicholas I, influenced the course of the investigation. This effect became evident in the expedited handling of cases, a reduction in investigative measures, selective data collection, the dismissal of incriminating testimonies, and an overreliance on exculpatory evidence, all without the usual confrontations present in such investigations. The author concludes that the impact of familial ties is not always evident in the surviving records. There is an implication that, in addition to direct petitions by members of influential families to the Emperor, the highest authorities also considered the interests of prominent government and military figures, likely in an effort to bolster their allegiance.

Keywords

Decembrists, investigative process, administrative (non-judicial) punishment, highest forgiveness, justification, family ties

For citation

Ilyin P. V. The Influence of the Family Ties of the Decembrists on the Investigative Process of 1825–1826: Relatives of the Government and Military Leaders who Escaped Judicial Punishment. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 88–100. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-88-100

Как известно, в декабристском движении приняли участие представители многих родовых и аристократических фамилий. Некоторые из них были преданы Верховному уголовному суду, став «государственными преступниками», несмотря на принадлежность к верхнему слою дворянской элиты. Так, в число осужденных вошли выходцы из древних княжеских родов (А. П. Барятинский, Е. П. Оболенский, А. И. Одоевский, С. П. Трубецкой), старинных дворянских семейств (М. П. Бестужев-Рюмин, Н. М. и А. М. Муравьевы, М. М. Нарышкин), немецких рыцарских фамилий (А. Е. Розен, В. К. Тизенгаузен). Не спасли от судебного приговора и родственные связи с влиятельными чиновниками и придворными: среди подсудимых оказались сын сенатора и камергера Ф. Ф. Вадковский, сын обер-гофмейстерины двора С. Г. Волконский, племянник близкого к императорской семье министра А. Н. Голицына В. М. Голицын, единственный сын обер-шенка Г. И. Чернышева З. Г. Чернышев, сын бывшего псковского губернатора и камергера Ф. П. Шаховской, дети нижегородского губернатора А. А. и Н. А. Крюковы, а сын бывшего сибирского генерал-губернатора П. И. Пестель был казнен. Это говорит о том, что при установленной значительной «виновности» даже выходцы из влиятельных и родовых семейств, дети близких к императору чиновников и придворных не могли рассчитывать на снисхождение. Попытки родителей и родственников смягчить участь преданных суду оказались безрезультатными¹.

Вместе с тем в ходе судебно-следственного процесса 1825–1826 гг. власть оказалась в сложной, во многом щекотливой ситуации. В значительной части случаев высшему чиновничеству и генералитету, призванному быть следователями и судьями, приходилось вершить судьбы представителей того же высшего дворянского слоя, к которому принадлежали они сами. Поведение членов Верховного уголовного суда наглядно это демонстрирует: в отдельных случаях они устраивались от голосования за назначение наказания, так как подсудимый являлся их родственником (Восстание декабристов, 1980, с. 157, 162, 165, 170).

Вынесение тяжелого наказания по приговору суда безнадежно скомпрометированным лидерам и активным деятелям антисамодержавной оппозиции было неизбежным. Но в случае установленной в ходе следствия меньшей «виновности» следует предположить, что усилия

¹ См. сопроводительную статью к публикации: «Государь! Исповедую тебе яко боящийся бога»: прошения родственников декабристов о помиловании арестованных. 1826 г. // Исторический архив. 2001. № 1. С. 156–177.

влиятельных родственников оказались более результативными, благодаря чему удалось «вывести из-под удара» некоторых подследственных или значительно смягчить их участь.

В настоящей статье речь идет о наказанных без суда, прощенных и освобожденных от наказания участниках декабристского движения, наконец, о тех, кто был признан невиновным, несмотря на показания о принадлежности к тайным союзам. В каждой из этих категорий есть случаи смягчения наказания или полного освобождения от ответственности, которые можно объяснить, приняв во внимание внешнее воздействие на работу следствия, в том числе влияние родственных связей привлекавшихся к процессу лиц.

В литературе, посвященной следствию и суду над декабристами, вопрос о влиянии родственных связей на вынесение наказания или освобождение от ответственности не стал предметом особого рассмотрения и до сих пор остается недостаточно освещенным. В. И. Басков [1980, с. 64–66] касался этого вопроса, описывая отдельные акты прощения. В обобщающей работе В. А. Федорова, в трудах М. В. Нечкиной только упоминается о влиянии родственных связей на следствие (например, в деле А. С. Грибоедова), внимание обращено на отдельные случаи смягчения наказания или оправдания [Федоров, 1988, с. 215–216; Нечкина, 1955, с. 402; 1982, с. 89–94]. В монографии, посвященной организации работы следствия 1825–1826 гг., сюжет о посторонних влияниях на ход расследования и исключении некоторых обвиняемых из числа осужденных или административно наказанных отражения не нашел [Эдельман, 2010]. В нашей монографии вопрос о смягчении наказания или его полном снятии по ходатайствам родственников освещается более подробно. В частности, обоснован вывод: «К числу главных факторов, влиявших на освобождение от наказания, следует отнести воздействие на следствие и высшую власть родственных и служебных связей лиц, привлеченных к расследованию» [Ильин, 2004, с. 126]. Настоящая статья служит продолжением этой работы.

В категории административно наказанных хорошо известен факт облегчения участия видного деятеля декабристских обществ М. Ф. Орлова. Этот факт связывается с влиянием, которое имел на высшую власть его старший брат А. Ф. Орлов, любимец нового императора и его супруги-императрицы. Правовед В. И. Басков считает: «Заступничество брата хотя и не было решающим фактором в определении судьбы арестованного (царя безуспешно просили за других декабристов не менее влиятельные вельможи), [но] оно помогло Орлову уйти от наказания»: декабрист «не попал ни в первый, ни даже в одиннадцатый разряд» осужденных, «хотя его вина в сопоставлении с другими арестованными была ничуть не меньшей, а в сравнении с некоторыми из осужденных куда более значительной» [Басков, 1980, с. 65]. Действительно, собранный следствием материал позволял выдвинуть против Орлова серьезные обвинения. Главное из них заключалось в знании планов военного мятежа и намерений совершить покушение на императора; к этому примыкало обвинение в недонесении о таковых замыслах правительству; каждое из этих обвинений грозило судебным приговором (Восстание декабристов, 2001, с. 186–187). Орлов защищался в показаниях, настаивая на неосвещенности или осуждении этих замыслов. Тем не менее, вряд ли эта защитная тактика привела бы к облечению его участия, если бы не предпринятые А. Ф. Орловым усилия. В откликах современников его роль в освобождении от суда брата представлена весьма ярко. По словам Д. И. Завалишина, А. Ф. Орлов, «бывший в дружбе с членами <Следственного> комитета... всякий раз, когда арестованному следовало получить вопросы пункты или быть призываемому в комитет, приезжал к нему и говорил, о чем будут спрашивать и что следует отвечать» (Завалишин, 1980, с. 140). М. Н. Волконская писала в своих воспоминаниях: «Его (М. Ф. Орлова. – *П. И.*) спас брат его... как при помощи ответов, которые он помогал ему давать на запросы, присылаемые в тюрьму, так и в силу благосклонности, которой он пользовался у Его величества» (Волконская, 1904, с. 26). В записках Н. И. Лорера сообщается, что в ответ на просьбу А. Ф. Орлова о прощении брата Николай I отвечал: «Ты просишь у меня невозможного... Подумай, ежели я прощу твоего брата, то должен буду простить

много других, и этому не будет конца» (Лорер, 1984, с. 103)². Современники единодушны: заступничество брата сыграло главную роль в решении следствия – не подвергать М. Ф. Орлова суду. Это решение, санкционированное императором, произвело впечатление на русское общество: оно служило примером произвола при определении участия подследственных и осталось в сознании современников как акт прощения значительной вины. Великий князь Константин Павлович писал Николаю I: «Одно меня удивляет, что и повержаю со всем доверием на ваше усмотрение, – это поведение Орлова и то, что он как-то вышел сух из воды и остался непреданным суду» (Междуречие, 1926, с. 196). Важно отметить, что в действительности акт прощения не был таковым, это было решение об административном наказании. Но внесудебная репрессия, в силу ее сравнительной мягкости, воспринималась как прощение вины и полное освобождение от наказания.

В. И. Басков констатирует, что наряду с М. Ф. Орловым «благодаря знатности рода... ушли от ответственности и другие лица, причастные тайному обществу» [Басков, 1980, с. 66]. Представляется, что, говоря о «снисхождении» высшей власти, в виде замены судебного преследования на внесудебные наказания, можно говорить не о «знатности рода» как причине смягчения наказаний, а о наличии влиятельных родственников, близких к императору и его окружению, которые выступали заступниками и просителями, рассчитывая на «снисхождение» монарха к провинившемуся родственнику. Особенно это заметно на примере административно наказанных Н. Н. Депрерадовича и Н. В. Шереметева, расследование дел которых было изъято из обычного порядка, принятого для других декабристов.

Участник Петербургского филиала Южного общества Н. Н. Депрерадович, сын близкого к императорской семье военачальника, генерал-адъютанта Н. И. Депрерадовича, был доставлен собственным отцом «с повинной» к допросу, после чего отдан отцу «под присмотр», в дальнейшем следствие получало от него письменные показания. Несмотря на осведомленность о намерении ввести республику и «истребить императорскую фамилию», о плане выступления 14 декабря, Депрерадович по особому повелению Николая I,циальному еще в разгар следствия (27 марта 1826 г.), не был предан суду, а отделался переводом в армейский полк на Кавказ (Восстание декабристов, 1984, с. 351; 1986, с. 181, 198)³. Член Северного общества Н. В. Шереметев, сын близкого к императорской семье генерал-майора В. С. Шереметева, как и Депрерадович, был отдан отцу «на поруки» (правда, после двухмесячного крепостного заключения), 27 марта последовало распоряжение о переводе в Кавказский корпус [Декабристы, 1988, с. 200] (Восстание декабристов, 1984, с. 351–352). Ускоренное решение дел Депрерадовича и Шереметева, изъятие их из общего порядка расследования имели причиной желание скорейшего решения их участия, проявленное со стороны родственников, а явное игнорирование существенной «виновности» Депрерадовича напрямую связано с заступничеством его отца. Показателен ранний срок вердикта о внесудебном наказании: чем раньше оно выносилось, тем быстрее «пострадавший» мог вернуть себе расположение начальства, заслужить прощение. Таким образом, требование скорейшей отправки к новому месту службы вызывалось не желанием ужесточить наказание, а наоборот – приблизить время, когда можно будет изменить участия лица, подвергшегося репрессиям.

Несомненный случай смягчения наказания, обусловленного внешними для следствия факторами, представляет дело участника восстания 14 декабря И. П. Коновницына – сына умершего в 1822 г. военного министра, известного военачальника, пользовавшегося уважением в русском обществе. Его старший брат П. П. Коновницын в силу значительной «виновности» не смог избежать судебного приговора, в отношении же младшего брата, несмотря на его

² Тем не менее, облегчение участия состоялось. Лорер констатировал: «По ходу дела в Следственной комиссии Орлова нельзя было выпутать, и Алексей Федорович ожидал спасения брата единственno от монаршей милости» (Лорер, 1984, с. 103).

³ «Алфавит» А. Д. Боровкова отразил одну из формулировок причины, почему офицер избежал суда: «Его величество во уважение поступка отца (имеется в виду доставление сына на допрос в Зимний дворец. – П. И.) не предал Депрерадовича суду» [Декабристы, 1988, с. 253].

активное участие в «мятеже», было применено административное наказание – перевод в армию под надзор [Декабристы, 1988, с. 84]. По утверждению современника, И. П. Коновницын первоначально получил прощение только «ради заслуг покойного отца» (Вилламов, 1999, с. 226). Николай I оказывал внимание родственникам Коновницына, например, приказав арестованному офицеру написать матери, «чтобы ее успокоить», а через великого князя Михаила Павловича поручил ей передать, что «сын ее будет наказан только шестинедельным арестом» (Яновский, 2001, с. 358). Хотя это обещание не было выполнено, но свидетельства о внимании императора к семье Коновницыных красноречивы: на ходатайства и просьбы членов этой семьи Николай I не мог не реагировать.

Исследователь не всегда располагает документальным подтверждением негласных влияний, воздействовавших на ход расследования 1825–1826 гг. Ходатайства об облегчении участия обвиняемых – деликатная тема, связанная с нарушением законодательных норм в сфере уголовного преследования по делу о «государственном преступлении», поэтому во многих случаях можно только предполагать это влияние. Говоря о декабристах, подвергнутых внесудебному наказанию, к числу подследственных, за облегчение участия которых хлопотали родственники, можно отнести Н. А. Васильчикова (родственника близкого к императору видного военного деятеля И. В. Васильчикова), А. А. Плещеева 1-го (сына камергера А. А. Плещеева, входившего в окружение императрицы Марии Федоровны), Н. Д. Сенявина (сына пользовавшегося поддержкой Николая I адмирала Д. Н. Сенявина). Безусловно, нельзя обойти вниманием «неофициального» родственника императорской семьи В. А. Бобринского, одного из детей А. Г. Бобринского (внебрачного сына Екатерины II) – несмотря на знание политических планов Южного общества и «горячее участие», в них принимаемое, в отношении него был лишь учрежден тайный надзор [Декабристы, 1988, с. 24, 36, 143, 167, 226]. К перечисленным можно добавить Д. А. Арцыбашева, А. Н. Вяземского, А. Л. Кологривова, В. А. Мусина-Пушкина, А. И. Сабурова, П. П. Титова – эти участники декабристских союзов относились к дворянским кланам, имевшим родственников в придворной и высшей административной эlite.

Насколько обоснованы наши предположения? В определенной степени ответ на этот вопрос дает недавно опубликованный источник – дневник Н. Н. Яновского о событиях 1825–1826 гг., автор которого получал сведения из петербургских «высших сфер». Документ впервые раскрывает ранее неизвестные данные о попытке облегчить судьбу еще одного административно наказанного – участника восстания на Сенатской площади А. А. Шторха, сына учителя Николая I, ученого-экономиста А. К. Шторха, близкого к царской семье. По данным Яновского, императрица Мария Федоровна обратилась к отцу арестованного со следующими словами: «Сожалею о вас как об отце! Но будьте уверены, что я сделаю в вашу пользу все, что токмо будет возможно» (Яновский, 2001, с. 358, 360). Однако «негативный след» от участия в «мятеже» возобладал над заступничеством императрицы, поэтому Шторх не избежал внесудебного наказания (перевод в армейский полк после крепостного заключения), хотя, может быть, это заступничество спасло его от более серьезной кары [Декабристы, 1988, с. 204].

В целом установленная в ходе следствия «виновность» административно наказанных в большинстве случаев позволяла предать их суду наряду с осужденными. Речь шла об участии в заговоре и мятеже, принадлежности к тайному обществу со знанием политической цели, знании замыслов изменения государственного строя, в отдельных случаях (Депрерадович) – «умысла» цареубийства. Ходатайства влиятельных лиц могли предотвратить отнесение этих лиц к числу преданных суду, смягчить внесудебные репрессии, уменьшить срок крепостного заключения, ускорить рассмотрение дела, в отдельных случаях – изъять из обычного порядка расследования. Обращения родственников (по крайней мере в некоторых случаях), очевидно, влияли на решения императора – кого из «виновных» предать суду, а кого подвергнуть внесудебному наказанию. Однако в количественном отношении влияние

родственных связей на решение участи безусловно скомпрометированных участников движения не могло дать значительного результата.

Гораздо больше случаев «внешнего влияния» на следствие обнаруживается в категории членов тайных обществ, освобожденных от наказания. Отметим, что решение участи ни одной другой категории привлеченных к следствию не зависело в такой мере от высшей власти, как в случае прощенных и избежавших наказания. Для удостоившихся царского прощения участников тайных союзов, возникших после 1821 г., важную роль в благоприятном исходе следствия играла принадлежность к известным русским обществам фамилиям.

Так, в самом начале следствия «высочайшее прощение» получил внук знаменитого полководца А. А. Суворова. Несмотря на собранный в ходе следствия обвинительный материал (участие в Северном и Южном обществах, осведомленность о заговоре 1825 г.), распоряжение о привлечении Суворова к процессу не последовало, разыскания о нем не проводились – прощение, дарованное после первого допроса потомку известного военачальника, не было нарушено. Примечательно, что справка «Алфавита» А. Д. Боровкова не в полной мере отражает факт собственного признания Суворова в принадлежности к декабристскому союзу: в тексте итогового документа следствия ослаблен обвинительный смысл членства Суворова в тайном обществе, знакомства с его целью [Декабристы, 1988, с. 320]. Акт прощения внука полководца с течением времени приобрел характер исторического анекдота. В этой традиции «замешанный в событиях» офицер предстает как человек, арестованный по ошибке, вследствие дружбы с некоторыми заговорщиками, лишь иногда глухо упоминается участие в тайных обществах: «Возможно, некоторые [его] действия должны были повлечь за собой суровые последствия». Особый акцент делается на желании императора освободить Суворова: «Вопросы государя... были составлены так, что осужденный⁴ неминуемо должен был быть оправдан. Казалось, его допрашивал не судья, но защитник» (Ансело, 2001, с. 84, 85). Варианты рассказа о прощении внука полководца не раз публиковались; некоторые из них повествуют о Суворове-заговорщике, который «принес повинную голову» императору; в других говорится о полной невиновности прощенного⁵. Казус Суворова – яркий пример того, как в традиции исторического анекдота прощение реальной «виновности» участника заговора превратилось в миф о справедливом решении монарха, освободившего невиновного. Допрос с участием Николая I рассматривался как важнейшее средство самозащиты: он позволял оправдаться в глазах верховного правителя. Иллюстрацией этому служит рассказ О. Ф. Л. Мармона: «Внук Суворова был сильно скомпрометирован. Император пожелал допросить его лично, с целью дать молодому человеку средство оправдаться. На его первые слова он отвечал: “Я был уверен, что носящий имя Суворова не может быть сообщником в столь грязном деле!” – и так продолжал в течение всего допроса. Император повысил этого офицера в чине и отправил служить на Кавказ. Так он сохранил чистоту великого имени и приобрел слугу, обязанного ему более чем жизнью» (Ансело, 2001, с. 268). По оценке исследователей, Суворову «было сделано несомненное снисхождение»: участник декабристских обществ освобожден от следствия, а расследование в его отношении прекращено [Старк, 1995, с. 194]. Пример Суворова, а также упомянутого выше Коновницына показывает, что в некоторых случаях важную роль в исходе следствия сыграло не влияние живущих на момент 1825–1826 гг. родственников, а «символический капитал», связанный с именами пользующихся общественным уважением предков.

К освобожденным от наказания членам тайных обществ, в отношении которых было проявлено «несомненное снисхождение», относится Л. П. Витгенштейн, один из сыновей влиятельного военачальника П. Х. Витгенштейна. Входивший в состав императорской свиты Лев Витгенштейн, по показаниям подследственных, был членом не только Союза благоденствия, но и Южного общества, однако по официальному заключению следствия он принадлежал только к Союзу благоденствия и потому, как большинство членов этого союза, не подлежал

⁴ Неточность автора или перевода: речь идет не об осужденном, а о подследственном.

⁵ См. подробнее: [Ильин, 2004, с. 46–50].

ответственности. Привлеченный к единственному допросу не арестованным, Витгенштейн отрицал знание политической цели общества, в которое вступил, его оправдательная линия нашла отклик у следствия – в итоговых документах отразились только данные об участии в ранних декабристских союзах. Было признано, что Витгенштейн при допросе «оказался невинным», от дальнейшего расследования его освободили. 12 января 1826 г. последовала особая воля Николая I – «не считать его прикосновенным к делу» (Восстание декабристов, 2001, с. 444, 557–558). Дело Витгенштейна представляет яркий случай сворачивания расследования, несмотря на полученные уличающие показания; его участие в Южном обществе могло привести к обвинению в знании планов введения республики, что влекло за собой судебное или административное наказание [Ильин, 2004, с. 65–66].

В отношении участников событий 14 декабря прослеживаются сходные обстоятельства прощения «вины»: офицеры-конноартиллеристы А. Г. Вилламов и А. И. Гагарин, оказавшиеся в числе сопротивлявшихся присяге, принадлежали к близким к императорской фамилии семьям: отец Вилламова на протяжении многих лет был секретарем императрицы Марии Федоровны, а затем возглавил IV отделение Собственной канцелярии, отец Гагарина являлся обер-шталмейстером двора и сенатором. Несмотря на прямое участие в событиях «бунта», их сыновья получили прощение и были освобождены от привлечения к ответственности⁶.

Определяющую роль в актах прощения «вины» играла близость семей, представители которых оказались в числе арестованных, к императору и его окружению. Существуют прямые указания на участие влиятельных лиц, вплоть до членов царствующей семьи, в судьбе подследственных. В дневнике императрицы Александры Федоровны есть запись о встрече с А. Ф. Орловым, датированная 22 декабря 1825 г.: «Я просила его прийти, так как хотела спросить его о Федоре Барыкове и узнать, действительно ли он невинен... Сначала мы говорили о Федоре; слава богу, он чист – иначе это было бы ужасно для Varette (В. П. Ушакова, фрейлина Александры Федоровны, невеста Ф. В. Барыкова. – П. И.)» (Междусицствие, 1926, с. 92). Хотя акт прощения Барыкова уже состоялся, интерес императрицы к одному из помилованных нельзя сбрасывать со счетов при оценке результатов расследования по его делу. Участник Южного общества, ознакомленный с целями декабристского союза, был выведен из-под следствия и исключен из числа обвиняемых. Показательно, что «высочайшее прощение», как видно из дневника императрицы, приравнивало Барыкова к «невинным», «очищало» его от подозрений в участии в тайном союзе.

Единственный сын первого сановника империи, председателя Государственного совета и Комитета министров П. В. Лопухина, П. П. Лопухин, оказался одним из заметных деятелей декабристских обществ. Согласно собственным показаниям, он разделял «сокровенную цель» тайного общества, участвовал в учреждении и первых шагах Северного общества, знал о намерениях «бунта»⁷. Показания других лиц подтверждали это. Смягчал ситуацию отход Лопухина от Северного общества после 1822 г. Лопухин, как и другие руководящие члены Союза благоденствия, освобожденные от наказания (И. А. Долгоруков, И. П. Шипов), упоминались в характерном контексте в «донесении» Следственной комиссии, но без указания фамилий: «Еще три члена, кои потом в разные времена удалились от общества, прекратили всякие сношения с упорнейшими из бывших товарищей своих и тем заслужили, при милостивом прощении Вашего императорского величества, совершенное забвение кратковременного заблуждения, извиняемого и отменной их молодостью» (Восстание декабристов, 1980, с. 26). Сюжет раскрывался в необнародованном приложении к «донесению», предназначенном для сведения императора. «Секретное объяснительное прибавление» объясняло, кто

⁶ Об офицерах Конной артиллерии см.: [Ильин, 2004, с. 53–54]. Дневник Г. И. Вилламова открывает завесу над попытками родственников, прежде всего автора дневника, воздействовать на ситуацию с арестованным сыном (Вилламов, 1999, с. 221–226).

⁷ В записи допроса, снятого В. В. Левашовым, говорится, что Лопухин был участником разговоров о том, что «можно со временем, какими бы то средствами ни было, а особенно при перемене царствования, принудить правительство согласиться на представительное правление» (Восстание декабристов, 2001, с. 438).

и почему не упомянут в Донесении: «По высочайшей воле Вашего императорского величества комиссия в своем общем донесении не наименовала трех членов тайного общества, удостоившихся полного отеческого прощения Вашего, но о коих, однако же, по участвованию их в составлении сих обществ и в некоторых замечательных совещаниях, нельзя было умолчать вовсе. Они (князь Илья Долгорукий, Иван Шипов и князь Павел Лопухин) в докладе означенены как члены, искренним раскаянием заслужившие совершенное забвение своего кратковременного заблуждения, извиняемого и отменено их молодостью» (Восстание декабристов, 1980, с. 68). Особый порядок расследования, освобождение от ответственности руководящих деятелей тайного общества, участие которых в декабристской конспирации все же не могло быть скрыто, несомненно, санкционировалось волей Николая I. Принадлежность к родовитым фамилиям и семьям видных государственных и военных деятелей стала не последней причиной, определившей сокрытие этих фамилий в итоговом документе следствия.

Насколько существенным было «внешнее воздействие» на следственный процесс, может показать сопоставление обвинительных данных, полученных в отношении прощенных и освобожденных лиц, с системой обвинений, принятых на процессе декабристов. Разница между наказанием, соответствующим обнаруженной «виновности», и реальным вердиктом дает представление о том, какова могла быть роль освобожденных от наказания, если бы не влияние на следствие посторонних факторов⁸. Так, в отношении А. А. Суворова могло быть выдвинуто обвинение по пунктам «бунт» и «мятеж воинский», в связи с его осведомленностью о готовящемся восстании (по «бунту» – «полное знание умысла, но без всякого действия», по «мятежу» – «знание о приготовлениях к мятежу без личного действия со сведениями о сокровенной цели»); в совокупности по двум пунктам обвинения он подлежал ответственности наравне с осужденными по IX–X разрядам. Принадлежность Суворова к петербургскому филиалу Южного общества должна была вызвать подозрения в знании им планов покушений на императора и введения республики. В отношении Ф. В. Барыкова подобных данных не было, однако он знал о политической цели (введение конституции), что влекло за собой по крайней мере наказание несудебного характера. Серьезное обвинение могло быть выдвинуто против А. Г. Вилламова и А. И. Гагарина: формулировка «состава преступления» по пункту «мятеж воинский» могла звучать как «личное действие в мятеже с возбуждением низких чинов или возбуждение без личного действия», что соответствовало степени «вины» осужденных по IX–XI разрядам. «Состав преступления» П. П. Лопухина позволял выдвинуть обвинение по «второму пункту» («бунт»): «участие в умысле распространением тайных обществ, впоследствии сопровождаемое отступлением от оных». В совокупности с другими видами «вины» этот «состав преступления» соответствовал обвинению подсудимых, осужденных по V–VII разрядам, но, учитывая, что Лопухин не обвинялся по другим «родам преступлений», он должен был подвергнуться наказанию без суда. Следует добавить, что прощенные и избежавшие репрессий лица могли быть наказаны за недонесение о существовании тайного общества и готовящемся «мятеже», но в данном случае следствие предпочло закрыть на это глаза. Если бы верховная власть и следствие соблюдали систему обвинений, принятую на процессе, то значительная часть прощенных и освобожденных от наказания могла подвергнуться суду или внесудебным репрессиям.

Переходя к категории признанных непричастными к делу (невиновными), следует сказать о том, что случаи оправдания от обвинений в принадлежности к тайному обществу и заговору 1825 г. зачастую прямо коррелируют с наличием родственников из числа государственных деятелей и близких к императору лиц.

Характерным примером является расследование по делу А. М. Голицына, племянника члена Следственного комитета А. Н. Голицына, близкого к императорской семье. Спасти его младшего брата В. М. Голицына не было возможности: слишком серьезным было обвинение,

⁸ Сопоставление проводится на основе системы обвинений, отраженных в документах Верховного уголовного суда, см.: (Восстание декабристов, 1980, с. 103–109, 218–222).

включавшее осведомленность о политических целях Северного и Южного обществ (Восстание декабристов, 1980, с. 234). Ситуация со старшим племянником оказалась более благоприятной: А. М. Голицын отрицал свое участие в тайном обществе и знание политической цели, автор уличающих показаний Ф. В. Вольский отказался от первоначальных утверждений о приеме Голицына в декабристский союз, показания других лиц не были приняты во внимание. В итоге следствие пришло к благоприятным для Голицына выводам, он был оправдан и освобожден [Ильин, 2004, с. 250–256]. Наряду с «линией защиты» Голицына исследователь не может исключать заступничества влиятельного родственника в качестве одной из причин, способствовавших снятию первоначального обвинения.

В случае офицеров Конной гвардии М. Ф. Голицына, А. К. Ливена и А. А. Плещеева 2-го принадлежность их семейств к придворным кругам, очевидно, сыграла важную роль в скоротечном расследовании и оправдательном вердикте следствия: Голицын представлял близкий к императорской семье аристократический род, Ливен приходился родным внуком воспитательнице Николая I Ш. К. Ливен, крайне влиятельной в придворных кругах, а кроме того являлся родственником члена Следственного комитета А. Х. Бенкендорфа, Плещеев был сыном чтеца императрицы Марии Федоровны, камергера А. А. Плещеева⁹. М. В. Нечкина, касаясь расследования по делу Плещеевых, отмечала: «В смягчении хода следствия и в доверии к отрицательным показаниям чувствуется сильное влияние императрицы-матери... которая приняла меры для спасения двух сыновей своего любимого чтеца», в результате чего старший брат Алексей Плещеев отделался административным наказанием, причем расследование по его делу не было полноценным. «Все это касается и брата Алексея – Александра... Николай I не тронул и его, освободив перед судом без малейшего взыскания. Заметим, что во многих других случаях знание о существовании <тайного> общества и недонесение на него само по себе считалось тяжелой виной и подлежало взысканию», – заключает историк [Нечкина, 1984, с. 14]. Эти наблюдения указывают на важнейшие признаки «ослабления» следственных разысканий из-за влияния на ход расследования посторонних факторов: невнимание к уличающим сведениям, доверие к оправдательным показаниям (самого обвиняемого или свидетелей), «смягчение» хода следствия (отсутствие необходимых процедур, включая очные ставки), его скоротечность.

Еще одним показательным случаем является расследование по делу И. Ф. Львова – сына помощника статс-секретаря Государственного совета Ф. П. Львова, близкого к императорской семье. Сохранился документ, указывающий на прямое воздействие на ход следствия – и не кого иного, как самого императора. Речь идет об отношении начальника Главного штаба И. И. Дибича председателю Следственного комитета А. И. Татищеву, передающем волю Николая I об ускорении расследования дела Львова и скорейшем выяснении «меры прикосности» офицера¹⁰. Разумеется, последствия воли императора трудно переоценить, ее подоплека, благоприятная для привлеченного к процессу лица, не требует пояснений.

Нам осталось упомянуть участников декабристского движения, вовсе не привлекавшихся к следствию («оставленных без внимания»). Среди них тоже оказались родственники государственных деятелей, входивших в окружение царской семьи – С. Ю. Нелединский-Мелецкий (единственный сын близкого к императорской фамилии сенатора Ю. А. Нелединского-Мелецкого), А. А. Оленин (сын статс-секретаря Государственного совета и государственного секретаря А. Н. Оленина), В. А. Римский-Корсаков (сын литовского генерал-губернатора А. М. Римского-Корсакова). Отказ от привлечения к следственному процессу, возможно, был связан с заступничеством перед императором их родственников – во всяком случае во время заочного расследования от них не потребовали объяснений в связи с принадлежностью к тайным обществам.

⁹ О расследовании дел офицеров-конногвардейцев см.: [Ильин, 2004, с. 256–262; 20246].

¹⁰ Следствие по делу И. Ф. Львова и причины оправдательного решения освещены в наших работах [Ильин, 2004, с. 278–285; 2024a].

Продолжая сопоставление обвинительных показаний со «степенями виновности», принятыми на процессе декабристов – теперь уже в случае тех, кто был официально оправдан, следует отметить, что показания о А. М. Голицыне говорили о том, что он состоял в Северном обществе и, очевидно, знал его политическую цель; такая «виновность» могла повлечь за собой административное наказание. И. Ф. Львов, согласно первоначальным обвинениям, был посвящен в план 14 декабря, а значит, обнаруживалось «знание о предстоящем мятеже без действия» (по роду виновности «мятеж»). Помимо этого, имелись показания о том, что он состоял в тайном союзе и знал его политическую цель («полное знание умысла» по роду виновности «бунт»). Совмещение двух родов «вины» в других случаях влекло за собой предание суду (в пространстве от VIII до X разряда). Согласно полученным показаниям, М. Ф. Голицын, А. А. Плещеев 2-й и А. К. Ливен знали о политической цели тайного общества, а первые двое были осведомлены о готовящемся восстании. Совокупность двух родов «вины» приводила к преданию суду и наказанию в соответствии с VIII–X разрядами. Особенно тяжелым было обвинение по «первому пункту» (планы цареубийства). В этом мог подозреваться С. Ю. Нелединский-Мелецкий, против которого имелись свидетельства о присутствии при обсуждении намерения покуситься на жизнь императора. При подтверждении этих показаний Нелединскому грозило обвинение в «достоверном, но равнодушном» знании «умысла» цареубийства (последний вид виновности по «первому пункту»), что могло поставить его в число судившихся по VII разряду¹¹.

Представленные в статье примеры дают основание для вывода о значительном воздействии на ход следствия родственных связей арестованных. Факты говорят о том, что влиятельные ходатаи сыграли существенную роль при решении участия некоторых подследственных. Примеры влияния на ход расследования дают случаи родства привлеченных к следствию лиц с крупными фигурами государственного управления и ключевыми деятелями следственного процесса. Большие возможности для воздействия на расследование имели председатель Государственного совета и Комитета министров П. В. Лопухин, члены Следственного комитета А. Х. Бенкendorf и А. Н. Голицын, главнокомандующий 2-й армией П. Х. Витгенштейн, влиятельные придворные Г. И. Вилламов, И. А. Гагарин; в некоторых случаях заступничество осуществляли члены царской семьи.

Признаки влияния родственных связей прослеживаются при анализе результатов следствия: обнаруживается избирательность в отборе информации, тенденциозность выводов. Следователи не стремились довести до конца расследование степени причастности к тайным союзам, не учитывали обвинительные показания (случаи А. М. Голицына, И. Ф. Львова), полностью доверяли оправдательным показаниям, не проводили очных ставок в случае противоречий в показаниях; иногда сбор и анализ показаний просто прерывался (примеры «остановившегося расследования» – дела Л. П. Витгенштейна, А. А. Суворова). Уличающие данные об участии в декабристском обществе и заговоре 1825 г. не отражались в полной мере в итоговых документах следствия и записках, подаваемых на решение императора (случаи И. Ф. Львова, С. Ю. Нелединского-Мелецкого и др.).

Учитывая определяющую роль верховной власти в формировании политики следствия и вынесении наказаний по итогам процесса 1825–1826 гг., нельзя не заключить, что заступничество влиятельных, близких к трону ходатаев, повлекшее за собой смягчение репрессивных решений или полное освобождение от ответственности участников декабристских обществ и заговора 1825 г., проявлялось в форме различного рода просьб и обращений к императору и достигало успеха только с личного согласия Николая I. Вместе с тем, поскольку не все подобного рода обращения отразились в сохранившихся источниках, правомерно допустить, что родственные связи с лицами из императорского окружения могли учиться Николаем I и без обращений с их стороны; в этом случае смягчение репрессий или освобождение от наказания являлись средством повышения лояльности этого окружения, что

¹¹ Заочное расследование по делу С. Ю. Нелединского-Мелецкого рассмотрено в нашей работе [Ильин, 2004, с. 314–320].

было весьма актуально для императора, вступившего на престол в обстоятельствах междуцарствия и событий 14 декабря.

Список литературы

- Басков В. И.** Суд коронованного палача: кровавая расправа над декабристами. М.: Сов. Россия, 1980. 200 с.
- Декабристы. Биографический справочник. М.: Наука, 1988. 448 с.
- Ильин П. В.** Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб.: Нестор-История, 2004. 664 с.
- Ильин П. В.** Декабристы, оправданные на следственном процессе: случай И. Ф. Львова // Клио. 2024а. № 8 (212). С. 106–114. DOI 10.24412/2070-9773-2024-8212-106-114
- Ильин П. В.** Декабристы, оправданные на следственном процессе: офицеры-конногвардейцы М. Ф. Голицын, А. К. Ливен, А. А. Плещеев // Клио. 2024б. № 9 (213). С. 91–99. DOI 10.24412/2070-9773-2024-9213-91-99
- Нечкина М. В.** Движение декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 2. 506 с.
- Нечкина М. В.** Следственное дело А. С. Грибоедова. М.: Мысль, 1982. 102 с.
- Нечкина М. В.** Предисловие // Восстание декабристов. Документы. М., 1984. Т. 18. С. 7–16.
- Старк В. П.** Портреты и лица. СПб.: Искусство-СПб, 1995. 271 с.
- Федоров В. А.** «Своей судьбой гордимся мы». Следствие и суд над декабристами. М.: Мысль, 1988. 300 с.
- Эдельман О. В.** Следствие по делу декабристов. М.: Regnum, 2010. 356 с.

Список источников

- Ансело Ф.** Шесть месяцев в России. М.: НЛО, 2001. 286 с.
- Вилламов Г. И.** Из дневника // 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 221–226.
- Волконская М. Н.** Записки. СПб.: Эксп. загот. гос. бумаг, 1904. 252 с.
- Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1986. Т. 16. 400 с.; 1980. Т. 17. 296 с.; 1984. Т. 18. 368 с.; М.: РОССПЭН, 2001. Т. 20. 592 с.
- Завалишин Д. И.** Воспоминания о Грибоедове // Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 128–143.
- Лорер Н. И.** Записки декабриста. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 416 с.
- Междуречье 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 248 с.
- [**Яновский Н. Н.** Дневник]. Еще раз о восстании декабристов (документ из немецкого архива) // Одиссей: человек в истории. Русская культура как исследовательская проблема. М., 2001. С. 351–378.

References

- Baskov V. I.** Sud koronovannogo palacha: krovavaya rasprava nad dekabristami [The Trial of the Crowned Executioner: The Bloody Massacre of the Decembrists]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1980, 200 p. (in Russ.)
- Dekabristy. Biograficheskii spravochnik [The Decembrists. Biographical Reference-book]. Moscow, Nauka, 1988, 448 p. (in Russ.)
- Edelman O. V.** Sledstvie po delu dekabristov [The Investigation of the Decembrists' Case]. Moscow, Regnum, 2010, 356 p. (in Russ.)

- Fedorov V. A.** “Svoei sud’boi gordimsya my”. Sledstvie i sud nad dekabristami [“We Are Proud of Our Fate”. Investigation and Trial of the Decembrists]. Moscow, Mysl’, 1988, 300 p. (in Russ.)
- Ilyin P. V.** Novoe o dekabristakh. Proshchennye, opravdannye i neobnaruzhennye sledstviem uchastniki tainykh obshchestv i voennykh vystuplenii 1825–1826 gg. [New about Decembrists. Forgiven, Acquitted and Undetected Members of the Secret Societies and Revolt of 1825–1826]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2004, 664 p. (in Russ.)
- Ilyin P. V.** Dekabristy, opravdannye na sledstvennom processe: sluchai I. F. Lvova [Decembrists Acquitted during the Investigation: The Case of I. F. Lvov]. *Klio [Clio]*, 2024, no. 8 (212), pp. 106–114. (in Russ.) DOI 10.24412/2070-9773-2024-8212-106-114
- Ilyin P. V.** Dekabristy, opravdannye na sledstvennom protsesse: ofitsery-konnogvardeitsy M. F. Golitsyn, A. K. Liven, A. A. Pleshcheev [Decembrists Acquitted during the Investigation: Horse Guards Officers M. F. Golitsyn, A. K. Lieven, A. A. Pleshcheyev]. *Klio [Clio]*, 2024, no. 9 (213), pp. 91–99. (in Russ.) DOI 10.24412/2070-9773-2024-9213-91-99
- Nechkina M. V.** Dvizhenie dekabristov [The Decembrist Movement]. Moscow, Izdatel’stvo AN USSR, 1955, vol. 2, 506 p. (in Russ.)
- Nechkina M. V.** Sledstvennoe delo A. S. Griboedova [Investigation Case of A. S. Griboyedov]. Moscow, Mysl’, 1982, 102 p. (in Russ.)
- Nechkina M. V.** Predislovie [Preface]. In: Vosstanie dekabristov. Dokumenty [The Decembrist Revolt. Documents]. Moscow, 1984, vol. 18, pp. 7–16. (in Russ.)
- Stark V. P.** Portrety i litsa [Portraits and Faces]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb, 1995, 271 p. (in Russ.)

List of Sources

- Anselo F.** Shest’ mesyatsev v Rossii [Six Months in Russia]. Moscow, NLO, 2001, 286 p. (in Russ.)
- Lorer N. I.** Zapiski dekabrista [Memoirs of Decembrist]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1984, 416 p. (in Russ.)
- Mezhduzharstvie 1825 goda i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarakh chlenov tsarskoi sem’i [The Interregnum of 1825 and the Decembrist Uprising in Correspondence and Memoirs of Members of the Royal Family]. Moscow, Leningrad, GIZ, 1926, 248 p. (in Russ.)
- Villamov G. I.** Iz dnevnika [From the Diary]. In: 14 dekabrya 1825 goda: vospominaniya ochevidtsev [December 14, 1825: Memoirs of Eyewitnesses]. St. Petersburg, 1999, pp. 221–226. (in Russ.)
- Volkonskaya M. N.** Zapiski [Memoirs]. St. Petersburg, Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1904, 252 p. (in Russ.)
- Vosstanie dekabristov. Materialy [The Decembrist Revolt. Documents]. Moscow, Nauka, 1986, vol. 16, 400 p.; 1980, vol. 17, 296 p.; 1984, vol. 18, 368 p.; Moscow, ROSSPEN, 2001, vol. 20, 392 p. (in Russ.)
- [**Yanovsky N. N.** Dnevnik]. Eshche raz o vosstanii dekabristov (dokument iz nemetskogo arkhiva) [Once Again about the Decembrist Uprising (Document from the German Archive)]. In: Odissei: chelovek v istorii. Russkaya kul’tura kak issledovatel’skaya problema [Odysseus: Man in History. Russian Culture as a Research Problem]. Moscow, 2001, pp. 351–378. (in Russ.)
- Zavalishin D. I.** Vospominaniya o Griboedove [Memories of Griboedov]. In: Griboedov v vospominaniyakh sovremennikov [Griboedov in the Memoirs of his Contemporaries]. Moscow, 1980, pp. 128–143. (in Russ.)

Информация об авторе

Павел Владимирович Ильин, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57222087809

Information about the Author

Pavel V. Ilyin, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57222087809

*Статья поступила в редакцию 17.04.2025;
одобрена после рецензирования 30.05.2025; принята к публикации 16.06.2025
The article was submitted on 17.04.2025;
approved after reviewing on 30.05.2025; accepted for publication on 16.06.2025*

Научная статья

УДК 94(47).082/083(571)

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-101-110

Диалог Русской православной церкви и социума Западной Сибири в дискурсе служащих духовных миссий конца XIX – начала XX века

Михаил Константинович Чуркин

Омский государственный педагогический университет
Омск, Россия

Тобольская комплексная научная станция
Уральского отделения Российской академии наук
Тобольск, Россия

proffchurkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1122-0928>

Аннотация

Статья посвящена выявлению моделей и содержания диалога РПЦ с социумом Западной Сибири, в репрезентациях дискурса духовных миссий региона в конце XIX – начале XX вв. В работе охарактеризованы «площадки» дискурса православной церкви, функцию которых выполняли церковные периодические издания и личные тексты служащих духовных миссий. Установлено, что в строительстве диалога с инородцами, раскольниками и сектантами, церковь восполняла дефицит государственного участия в колонизационном деле и культурной политике на восточных окраинах империи. В то же время, представители сообщества миссионеров, находясь в тесном контакте с населением слабо вовлеченных в систему имперского управления районов, отдавали себе отчет в том, что имперская линия «культурного выравнивания», осуществляя средствами русификации коренных народов и преследования религиозных диссидентов, имеет малую эффективность.

Ключевые слова

Западная Сибирь, Российская империя, Русская православная церковь, духовные миссии, общество, диалог, периодическая печать, записки и дневники миссионеров

Для цитирования

Чуркин М. К. Диалог Русской православной церкви и социума Западной Сибири в дискурсе служащих духовных миссий конца XIX – начала XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 101–110. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-101-110

Dialogue of the Russian Orthodox Church and the Society of Western Siberia in the Discourse of the Employees of Ecclesiastical Missions of the Late 19th – Early 20th Century

Mikhail K. Churkin

Omsk State Pedagogical University
Omsk, Russian Federation

Tobolsk Complex Research Station of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Tobolsk, Russian Federation

proffchurkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1122-0928>

Abstract

The article reveals the models and content of the dialogue between the Russian Orthodox Church and the society of Western Siberia in the discourse of church's missions to the region in the late 19th – early 20th centuries. Through-out this study we established and characterized the “platforms” of the discourse of the Russian Orthodox Church,

© Чуркин М. К., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 101–110
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 101–110

which mainly included church periodicals and personal writings by clergy engaged in the missions. The church played a vital role in fostering dialogue with the indigenous population of Western Siberia, as well as with schismatics and sectarians, compensating for the state's lack of involvement in colonization and cultural policies in the eastern fringes of the empire. The clergy, particularly those from the missionary community, maintained close contact with the local population in remote areas that were minimally integrated into the imperial administrative system. They recognized that the imperial strategy of "cultural leveling", which relied on active Russification of indigenous peoples and harsh persecution of religious dissidents, had limited effectiveness. In the publications of the Orthodox Missionary Society, diocesan journals, and the notes and diaries of missionaries, a vision emerged for a project to foster dialogue between the church and the regional society. This project aimed to facilitate a relatively smooth integration of indigenous peoples into Russian society and promote peaceful coexistence with dissenting Christians. From the missionaries' perspective, as expressed in their writings and press contributions, a critical condition for achieving this goal was the creation of a positive image of the missionary as a proactive figure and a clear articulation of the moral rights of church officials as facilitators of interaction with various societal groups in Western Siberia.

Keywords

Western Siberia, Russian Empire, Russian Orthodox Church, ecclesiastical missions, society, dialogue, periodicals, notes and diaries of missionaries

For citation

Churkin M. K. Dialogue of the Russian Orthodox Church and the Society of Western Siberia in the Discourse of the Employees of Ecclesiastical Missions of the Late 19th – Early 20th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 101–110. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-101-110

В условиях модернизационных процессов, инициированных либеральными реформами 1860–1870-х гг., во второй половине XIX – начале XX в. Россия стала ареной социально-экономических и социокультурных трансформаций, а также выраженных перемен в политике населения в контексте колонизационного дела, предполагавших создание диалогового поля коммуникации власти (государственной и церковной) и общества. На рубеже XIX–XX вв. в границах Западной Сибири рельефно обозначилась тенденция сокращения колонизационного фонда и перенаправления переселенческих потоков в подтаежную и северную части региона (75 % от общего числа мигрантов с 1883 по 1900 г.) (Колонизация Сибири, 1900, с. 196). Этот процесс в значительной степени скорректировал имперскую политику «культурного выравнивания», обращенную к многочисленному коренному населению, придерживавшемуся языческих верований, а также к тем субъектам переселенческого движения, которые находились вне спектра идеологического влияния государства и Русской православной церкви (раскольники, сектанты, обращенные в ислам).

В рамках исследования принималось во внимание, что строительство диалога РПЦ с сибирским социумом разворачивалось в сложных и противоречивых социально-политических и культурных обстоятельствах, которые нашли отражение и в историографической традиции [Сибирь в составе Российской империи, 2007; Ремнев, 2015; Эткинд, 2016; Чуркин, 2021]. Исследователи проблемы коммуникации православной церкви с сообществами восточных окраин империи в целом демонстрируют коммуникативное согласие с некоторыми аксиоматическими выводами в историографии. Так, историки принимают тезис Р. Круза, считающего, что в процессе инкорпорации коренных народов в общеимперский социум границы религиозной терпимости выстраивались заново [Круз, 2020], что определяло специфику взаимоотношений церкви и социума [Сартори, 2022; Балин, 2022; Лысенко, 2022]. Не менее существенным является тезис, сообразно с которым строительство диалога РПЦ с различными социальными группами в Западной Сибири продолжительный период обеспечивалось близостью к Европейской России и длительным историческим опытом русской колонизации, стартовавшей еще в конце XVI в. Данное обстоятельство определило создание широкой русской поселенческой сети, численное преобладание русского населения над инородческим. Однако на стыке XIX–XX столетий, с активизацией переселенческого движения и смещением административно-управленческого аппарата империи в отдаленные местности с мозаичным в этническом и религиозном отношении населением, вновь приобрел черты актуальности вопрос о культуртрегерстве в отношении инородцев, нехристианского и отпавшего

от ортодоксального христианства сегментов социума [Дашковский, Шершнева, 2015; Чуркин, 2023], что обуславливает необходимость обращения к дискурсу РПЦ и ее действующих «агентов» на востоке страны.

Целью настоящего исследования стало выявление моделей и содержания диалога РПЦ с социумом Западной Сибири, репрезентируемого в дискурсе духовных миссий региона в конце XIX – начале XX в.

Источниковую базу исследования составили главные «площадки» презентации диалога РПЦ и западносибирского социума, функцию которых выполняли журналы Православного миссионерского общества (ПМО) – «Православный благовестник», «Миссионерское обозрение», издания епархий – Тобольские и Томские епархиальные ведомости, записки и дневники служащих Алтайской духовной миссии (АДМ). Показательно, что епархиальная пресса и журналы ПМО, учрежденные в конце XIX – начале XX в., стали своеобразной реакцией на кризис влияния РПЦ на паству в пореформенный период, а возросшая активность церковной прессы в начале XX столетия явилась ответом на объявление свободы вероисповеданий в России. Сужение поля влияния РПЦ с опорой на административный ресурс актуализировало значение пастырского слова в практиках взаимодействия церкви и общества в условиях географической отдаленности окраин.

В дневниках и записках служащих миссий, прежде всего Алтайской, образованной еще в первой половине XIX в. архимандритом Макарием (Глухаревым), конструировалось локальное сообщество миссионеров как инструмент практической реализации культурно-религиозного диалога церкви и регионального социума. В личных текстах сотрудников миссии обсуждались стратегии и практики взаимоотношений и взаимодействия православных пастырей с потенциальной паствой.

Методологические основания работы, а также выбор исследовательских методов – как инновационных (дискурс-анализ), так и традиционных (контент-анализ, историко-сравнительный и историко-типологический методы), отражают современные исследовательские практики «новой интеллектуальной истории», акцентирующющей внимание не столько на событиях, сколько на дискурсе – текстах, фиксирующих представления акторов того или иного процесса в системе координат текущей социокультурной и интеллектуальной ситуации.

Пространственное переформатирование колонизационного поля в условиях модернизационных изменений, повлекло за собой актуализацию представительства РПЦ как актора политики населения Российской империи на восточных окраинах, что находило выражение не только в традиционной для церковной институции благотворительной деятельности и выполнении стандартных служебных обязанностей, но и в интенсивной миссионерской работе, направленной на воцерковление нехристианского населения, моральную поддержку русской православной паствы, противоборство с конкурирующими «фирмами»: исламом, раскольничеством и сектантством.

Верbalная коммуникация РПЦ с обществом Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. осуществлялась путем презентации ряда принципиально важных сюжетов. Выстраивание диалога с различными социальными и этноконфессиональными группами региона, предполагало реализацию представителями православной церкви идентификационных действий, объясняющих легитимность ее представителей в формируемом диалоговом пространстве. Одним из методов демонстрации правомочности РПЦ как актора диалога являлось обращение к важной исторической функции, которую выполнила церковь в период военного приобретения края в конце XVI столетия. Празднование юбилея присоединения Сибири к России в 1882 г. сопровождалось массированными публикациями в епархиальной прессе Западной Сибири. Так, в опубликованной на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» статье И. Беляева, написанной по следам его юбилейного доклада перед представителями разных учреждений и сословий, отмечалось, что только военными усилиями присоединить огромный край было невозможно, и требовалась постоянный прирост христианского населения, строительство храмов, организация Сибирской епархии. По мнению Беляева, храмовое

строительство с организацией особой Сибирской епархии в 1621 г. позволили обрести г. Тобольску статус сибирской столицы (Беляев, 1887, с. 216). В кратком очерке истории Тобольска выделялась особая роль РПЦ в распространении гражданственности и градостроительства в Западной Сибири, подчеркивалась знаковая роль церкви в возведении храмов, организации православного населения, миссионерской работе в инородческой среде (Краткий исторический очерк..., 1887, с. 172).

Корреспонденты миссионерских журналов довольно редко использовали столь отдаленные исторические ассоциации в объяснении своих прав в организации диалога церкви и общества, предпочитая акцентировать внимание на особом статусе служащих миссии в дальнем крае. Пафос их публикаций был направлен на фиксацию моральных обоснований православной церкви «просвещать светом православного христианства иноверных инородцев в нашем отечестве» (Елеонский, 1893, с. 3–4). Не менее существенным аргументом авторов миссионерской прессы являлся мотив оправдания религиозно-просветительских действий миссионеров особыми качествами религиозных подвижников: беззаветностью служения, готовностью пренебречь материальной неустроенностью и т. д. Епископ Томской архиерейской кафедры о. Паревич, рассуждая о деятельности сибирских миссионерских станов, с горечью отмечал, что далеко не всем священникам было под силу нести тяжкое бремя миссионерства: «Что же касается до наших священников, то они очень понимают и видят всю безотрадность миссионерского служения, сравнительно с служением приходского священника, и ни за что не соглашаются принять на себя труды и лишения, и оскорблений, которые терпят миссионеры... Из настоящих миссионеров почти все – ревностные к делу и несут тяжкое иго...» (Прошлое сибирских миссий, 1893, с. 28–29).

Созвучность настроениям корреспондентов миссионерских изданий обнаруживается в записках и дневниках миссионеров Алтайской духовной миссии. Служащие миссии проявляли согласованность в представлениях о специфике своего служения. В одном из дневников был представлен краткий отчет о поездке по миссионерским станам преосвященного Анатолия, который в обращении к отцам-миссионерам, говорил: «Только братская любовь поможет безропотно нести иноческий подвиг в таком отдаленном kraю, только постоянное христианское с любовью настроение привлечет сердца бедных наследников Чулышманской долины» (Миссионерские записки и дневники, 2016, с. 33).

Формирование диалогового пространства Русской православной церкви и социума Западной Сибири определялось представлениями священников и миссионеров о цивилизующем характере аграрного освоения земель и прогрессивном значении переселенческого движения из европейских губерний России. В дискурсе православного подвижничества на восточных окраинах империи крестьянин-переселенец маркировался как значимый посредник в коммуникации церкви с языческими народами Западной Сибири, а в среде регионального священства и миссионеров были широко разлиты эволюционистские убеждения, свойственные образованному сообществу второй половины XIX столетия. Выражались таковые прежде всего в понимании неотвратимости перехода кочевников к оседлому состоянию под влиянием русской переселенческой культуры: «Переселенческий поток из России, как явление до некоторой степени стихийное, нет возможности остановить, и с азиатскими степями должно произойти то же, что сделалось с южно-русскими, которые давно уже самым точным образом разделены, заселены и распаханы» (Н. К., 1896, с. 155). Характерно, что миссионеры очень внимательно осваивали нюансы переселенческого процесса, используя в качестве инструмента диалога с кочевыми группами коренного населения иноэтнических мигрантов, а также принявших христианство инородцев. Так, на севере Западной Сибири, в Обдорске, миссионеры активно поддерживали и использовали в культуртрегерских целях зырян, пришедших в этот регион в общем переселенческом потоке из Архангельской губернии. По констатации корреспондента журнала «Православный благовестник», «зыряне, принявши от русских веру, тем самым как бы сроднились с русскими; перестали их чуждаться и, как жизнеспособный народ, начали перенимат от них все, что только могло оказать влияние

на улучшение их быта» (Из Обдорской миссии, 1903, с. 24–25). Ставка РПЦ на зырян как одно из средств выстраивания коммуникации с коренными народами (остяками, самоедами, vogulами) во многом оправдывалась тем, что в природно-климатических условиях сибирского севера русские переселенцы адаптировались с трудом. Настоятель Обдорской миссии иеромонах Иринарх отмечал, что главной причиной неуспеха русского дела и русской культуры на севере Сибири служит «...неспособность русского населения к акклиматизации при здешних условиях жизни, заставляющая его жить отдельными селениями вдали от инородческих кочевий и потому лишающая его силы к восприятию в себя слабых, умственно неразвитых народностей» (Там же, с. 24).

Формат диалога РПЦ и миссионерского сообщества с социумом на Алтае конструировался в логике двух сценариев.

Во-первых, посредством регулярных поездок миссионерских партий по инородческим селениям и прямых контактов с коренными народами. Следует отметить особую осторожность, с которой действовали проповедники Алтайской духовной миссии в исследуемый период, избегая насильственных методов крещения инородцев и делая акцент на возбуждении эмоциональной реакции автохтонов на красоту религиозного обряда, часто сопровождая обрядовые акты пением и демонстрацией визуальных образов православия: «картины волшебного фонаря алтайцев весьма интересуют и при том еще, если они сопровождаются объяснением каждой, и на такие беседы они идут весьма охотно» (Миссионерские записки и дневники, 2016, с. 20). Миссионер Татарского стана Ф. Дьяков в своих записках констатировал, учтывая, по всей видимости, негласные требования имперской политики «приласкания» инородцев: «Выезжая в степь, намечаешь себе известный пункт, обыкновенно какое-нибудь русское селение, и пробираешься туда через киргизские аулы, делая остановки в них якобы для отдыха и корма лошадей. Приходится маскировать миссионерские поездки, чтобы для киргизов наши посещения казались как бы случайными» (Записки миссионера Татарского стана, 1910, с. 42–43). В массе своей миссионеры считали своей главной задачей не совершение прямых актов христианизации коренных народов, а демонстрацию «красоты и величия православных служб» (Миссионерские записки и дневники, 2016, с. 46), рассчитывая достичь результатов путем воздействия на эмоциональную организацию инородцев.

Не менее существенную функцию в конструировании диалогового поля РПЦ и инородцев выполняли действия миссионеров в медико-санитарной и образовательной сферах, осуществляемые в процессе экспедиций. Медицинское просвещение рассматривалось как важный элемент христианизации, создавая условия для коммуникации православных миссионеров со своей потенциальной паствой. В записке священника АДМ Михаила Тырмакова приводятся любопытный эпизод из его разговора с язычником Чадаем (инородец жаловался, что ни доктор, ни камлание не помогли его больной жене, и получил совет: обязательно креститься), а также серия поучительных историй о чудесных излечениях в результате принятия христианства (Миссионерские записки и дневники, 2016, с. 57–58). Существовали и более гибкие и эффективные способы использования медицины как средства установления отношений с инородцами. Так, уже упоминавшийся в статье преосвященный Анатолий во время осмотра миссионерских станов, узнав о распространении среди детских приютов коклюша, распорядился, чтобы миссионерское начальство послало в Чулышманскую школу иеромонаха Пиония, который до принятия монашества был фельдшером, снабдив его необходимыми медикаментами (Там же, с. 33). Миссионер Тайнинского отделения священник Алексей Петровавловский писал: «...вместо грубых суеверий и невежества среди инородцев растет понятие о Боге, природе и человеке, в особенности это проявляется при заболеваниях, когда они обращаются прежде всего к миссионеру священнику за напутствием больного, а также просят лекарства... Что касается привития оспы детям, то они все, и крещеные и некрещеные, гораздо охотнее, чем русские, несут своих детей для сего даже издалека» (Там же, с. 47).

В оценке образования инородцев как средства реализации диалога в дискурсе алтайских миссионеров присутствовала однозначная уверенность в том, что настоящее просвещение

автохтонов-язычников возможно только силами церкви, поэтому образование, как они полагали, должно находиться исключительно в руках духовенства (Миссионерские записки и дневники, 2016, с. 30). Следует оговорить, что оптимизм деятелей церкви, связанный с эскалацией переселенческого движения и ростом влияния на коренные народы православной культуры, характерный для 1870–1880-х гг., на рубеже XIX–XX столетий значительно уменьшился. Массовые переселения крестьян на благодатные алтайские земли приводили к конфликтам аграрных мигрантов с инородцами, охватывавшим не только производственную, но и культурную сферу, что в значительной степени лимитировало возможности нормальной коммуникации РПЦ и миссионерства с населением, в том числе и в вопросах организации образования. Служащие Алтайской миссионерской дружины жаловались, что русские переселенцы захватывают инородческие участки, требуя открывать на территории кочевий русские школы. Наиболее состоятельные инородцы, в свою очередь, готовы вносить средства на учреждение школ для своих детей, но удовлетворить потребности тех и других, не представляется возможным, поскольку учителей катастрофически не хватает: «жатва много, а делателей мало» (Там же, с. 24–25).

Во-вторых, миссионерские общины, одним из надежных способов культурного влияния в диалоговом поле видели привлечение крещеных инородцев к просветительской работе среди своих соплеменников-язычников. Статистика свидетельствует, что из 93 человек служащих АДМ, упомянутых в дневниках и записках миссионеров за период с 1888 по 1917 г., согласно анкетным данным, 49 являлись выходцами из инородческой среды (Миссионерские записки и дневники, 2016, с. 176–187). В значительной мере вовлечение в миссионерскую деятельность крещеных инородцев являлось обратной стороной сравнительно невысокой результативности христианизации коренного населения и дефицита православных священников, готовых к работе на окраинах и при этом знавших инородческие языки. Биографии миссионеров – представителей коренных народов, свидетельствуют о неплохом уровне подготовки данной категории (выпускники катехизаторских училищ) и определенной ориентации на выполнение учительских функций в инородческом сообществе, что в ситуации широкого распространения педагогической системы Н. И. Ильминского и при активном включении местных языков в образовательную практику расширяло границы диалога РПЦ с коренными обитателями Западной Сибири. С точки зрения современников, прямо или косвенно задействованных в миссионерском деле, идеалом миссионера являлся священник, происходивший из инородческой среды. Н. И. Ильминский, писал, что такой миссионер, «движимый только врожденным инстинктом... может действовать на ум и сердце единоплеменных ему инородцев... К человеку своего племени инородцы имеют больше доверия, чем к человеку чужому» (Ильминский, 1869, с. 82).

Принятие закона о свободе вероисповедания в Российской империи в 1905 г. скорректировало диалоговое поле РПЦ и регионального социума, расширив круг акторов коммуникации за счет непризнанных религиозных объединений – уклонившихся в раскол и сектантов. По утверждению Л. Тихомирова, результаты переписи населения 1897 г., показавшие мизерный прирост православного населения за 30 лет (с 73,8 % в 1867 г. до 73,9 % в 1897 г.), соотносились с тенденцией к увеличению сторонников нехристианских вероисповеданий, а также раскольников и сектантов (прирост последних за 1867–1897 гг. составил 41 % (Тихомиров, 1902, с. 434). Общий принцип отношения к данным группам в законе о свободе вероисповедания (ст. 45) формулировался так: «Раскольники не преследуются за мнения о вере, но запрещается им совращать и склонять кого-либо в раскол свой, под каким бы то видом ни было, чинить какие-либо дерзости против православной церкви или против ее священнослужителей и вообще уклоняться почему-либо от соблюдения общих правил благоустройства, законом определенных» (Скоров, 1903, с. 95).

В дискурсе печатных материалов и эпистолярных текстов РПЦ и миссионеров в определении возможностей поддержания диалога церкви и населения происходило перераспределение акцентов, что было связано с аффилиацией и назначением изданий, а также задачами

авторов писем и дневников. Так, например, журналы ПМО, в частности «Православный благовестник», а также служащие миссий свою активность направляли в сферу отношений с инородческим населением, что было обусловлено частотой контактов и решением предметных задач: крещение язычников в условиях противоборства с мусульманскими проповедниками, необходимость регулярных акций религиозно-просветительного характера, деятельность в сфере образования и медико-санитарной поддержки коренных народов. Опыт диалога с раскольниками и сектантами репрезентировался в церковной прессе вариативно. Журнал «Миссионерское обозрение» (1896–1916 гг.) как официальное издание Синодального отдела РПЦ открыто позиционировал свою противосектантскую позицию, направленную на разоблачение заблуждений сообществ, отклонившихся от официального православия, опираясь на безоговорочную поддержку светской власти. Томские и Тобольские епархиальные ведомости, адресованные широкому кругу читателей Западной Сибири, в неофициальной своей части придерживались формата религиозной публистики. Авторитарность и наиздательность тона многочисленных публикаций, посвященных раскольникам и сектантам, амортизировалась на страницах журнала пониманием масштабности религиозного диссидентства, имеющего законодательную поддержку. Данное обстоятельство требовало от деятелей церкви и журналистов пластичности в трансляции представлений об «уклонистах» и формах взаимодействия с ними, что увеличивало число статей и сообщений, посвященных прецедентам позитивной коммуникации: организации противосектантских бесед, диспутов с участниками непризнанных религиозных объединений и т. д.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о включенности Русской православной церкви и миссионерства в строительство диалога с широкими слоями населения Западной Сибири, модели которого конструировались и обсуждались в материалах церковной периодической печати, личных текстах служителей церкви и миссионеров. Можно констатировать, что в условиях колонизации отдаленных, медленно включаемых в административный оборот фрагментов территории региона РПЦ выполняла функцию фронтального актора колонизации, отчасти компенсируя дефицит государственного присутствия на окраинах. Вместе с тем контактная близость с потенциальной паствой (инородцами) и неформальная коммуникация с представителями нетерпимых религиозных объединений способствовали внесению корректив в общую линию реализации имперской политики населения на востоке страны в конце XIX – начале XX в., которая постепенно освобождалась от практик доминирования и принуждения в пользу мирного культуртрегерства и учета интересов этнических и конфессиональных групп.

Список литературы

- Балин М. А.** Религиозная политика на восточных окраинах Российской империи: общественно-политический дискурс второй половины XIX – начала XX в. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: История. 2022. Т. 41. С. 31–40. DOI 10.26516/2222-9124.2022.41.31
- Дашковский П. К., Шершнева Е. А.** Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Народы и религии Евразии. 2015. № 8. С. 242–264.
- Круз Р.** За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: НЛО, 2020. 408 с.
- Лысенко Ю. А.** Государственная модель фронтальной модернизации центрально-азиатских окраин Российской империи // Астраханские Петровские чтения: Материалы VI Междунар. науч. конф. «Петр Первый и имперские практики фронтального пространства» (Астрахань, 24 ноября 2021 г.). Астрахань, 2022. С. 239–250.
- Ремнев А. В.** Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX века. Омск: Изд-во ОмГУ, 2015. 580 с.

- Сартори П.** Идеи о справедливости. Шариат и культурные изменения в русском Туркестане / Пер. с англ. А. Даур. М.: НЛО, 2022. 480 с.
- Сибирь в составе Российской империи. М.: НЛО, 2007. 368 с.
- Чуркин М. К.** «Переселенческое дело» во второй половине XIX – начале XX в. как сфера интеллектуальной рефлексии и коммуникации российской власти и общества досоветского периода // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: История. 2021. Т. 35. С. 6–13. DOI 10.26516/2222-9124.2021.35.6
- Чуркин М. К.** Русская православная церковь как инструмент имперской колонизации Азиатской России в дискурсе дневников и записок миссионеров Алтайской духовной миссии (конец XIX – начало XX в.) // Культурный код. 2023. № 3. С. 158–172. DOI 10.36945/2658-3852-2022-3-158-172
- Эткинд А.** Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: НЛО, 2016. 448 с.

Список источников

- Беляев И.** Речь, читанная в празднество 300-летия г. Тобольска // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 11–12. С. 212–234.
- Елеонский Н.** Наши миссионеры на севере Сибири // Православный благовестник. 1893. № 13. С. 3–9.
- Записки миссионера Татарского стана Киргизской миссии за 1909 г. // Омские епархиальные ведомости. 1910. № 9. С. 39–44.
- Из Обдорской миссии // Православный благовестник. 1903. № 1. С. 23–28.
- Ильминский Н. И.** Школа для первоначального обучения детей крещеных Татар в Казани // Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869. С. 53–84.
- Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб.: Гос. тип., 1900. 375 с.
- Краткий исторический очерк города Тобольска // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 9–10. С. 169–176.
- Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии: Сб. архивных документов. Барнаул: Барнаульская духовная семинария, Алтайский дом печати, 2016. 204 с.
- Н. К.** Содействие наших миссий к устройству оседлого быта кочевников // Православный благовестник. 1896. № 4. С. 152–157.
- Прошлое сибирских миссий // Православный благовестник. 1893. № 17. С. 27–33.
- Скоров А. Ф.** Законы о раскольниках и сектантах. М.: Типолит. Пашкова, 1903. 226 с.
- Тихомиров Л.** Вероисповедный состав России и обязательность для русского государства исторической вероисповедной политики // Миссионерское обозрение. 1902. № 4. С. 430–435.

References

- Balin M. A.** Religioznaya politika na vostochnykh okrainakh Rossiiskoi imperii: obshchestvenno-politicheskii diskurs vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Religious Policy in the Eastern Regions of the Russian Empire: Public and Political Discourse of the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoria [The Bulletin of Irkutsk State University. Series History], 2022, vol. 41, pp. 31–40. (in Russ.) DOI 10.26516/2222-9124.2022.41.31
- Churkin M. K.** “Pereselencheskoe delo” vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. kak sfera intellektual’noi refleksii i kommunikatsii rossiiskoi vlasti i obshchestva dosovetskogo perioda [“Resettlement Case” in the 2nd Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century as a Sphere of Intellectual Reflection and Communication of the Russian Government and Society of

the Pre-Soviet Period]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija [The Bulletin of Irkutsk State University. Series History]*, 2021, vol. 35, pp. 6–13. (in Russ.) DOI 10.26516/2222-9124.2021.35.6

Churkin M. K. Russkaya pravoslavnaya tserkov' kak instrument imperskoi kolonizatsii Aziatskoi Rossii v diskurse dnevnikov i zapisok missionerov Altaiskoi duchovnoi missii (konets XIX – nachalo XX v.) [The Russian Orthodox Church as a Tool of Imperial Colonization of Asiatic Russia in the Discourse of Missioners' Diaries and Notes of the Altay Ecclesiastical Mission (Late 19th – Early 20th Century)] *Kul'turnyi kod [Cultural Code]*, 2023, no. 3, pp. 158–172. (in Russ.) DOI 10.36945/2658-3852-2022-3-158-172

Crews R. Za proroka i tsarya. Islam i imperiya v Rossii i Tsentral'noi Azii [For the Prophet and the Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, 408 p. (in Russ.)

Dashkovsky P. K. Shershnyova E. A. Religioznaya politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii mu-sul'manskikh obshchin Zapadnoi Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [The Religious Politics of the Russian Empire in Relation to Muslim Population in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century]. *Narody i religii Evrazii [Nations and Religions of Eurasia]*, 2015, no. 8, pp. 242–264. (in Russ.)

Etkind A. Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii [Internal Colonization. Imperial experience of Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 448 p. (in Russ.)

Lysenko Yu. A. Gosudarstvennaya model' frontirnoi modernizatsii tsentral'no-aziatskikh okrain Rossiiskoi imperii [State Model of Frontier Modernization of the Central Asian Peripheries of the Russian Empire]. In: Astrakhanskie Petrovskie chteniya: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Petr Pervyi i imperskie praktiki frontirnogo prostranstva" [Astrakhan Peter's Readings: Proceedings of the 6th International Scientific Conference "Peter the First and Imperial Practices of Frontier Space"]. Astrakhan, 2022, pp. 239–250. (in Russ.)

Remnyov A. V. Sibir' v imperskoi geografii vlasti XIX – nachala XX veka [Siberia in Imperial Geography of Power of the 19th – early 20th Century]. Omsk, Izdatel'stvo OmGU, 2015, 580 p. (in Russ.)

Sartori P. Idei o spravedlivosti. Shariat i kul'turnye izmeneniya v russkom Turkestane [Visions of Justice: Sharī'a and Cultural Change in Russian Central Asia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 480 p. (in Russ.)

Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii [Siberia as a Part of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2007, 368 p. (in Russ.)

List of Sources

Belyaev I. Rech', chitannaya v prazdnestvo 300-letiya g. Tobol'ska [Speech, Read in the Celebration of the 300th Anniversary of Tobolsk]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti [Tobolsk Diocesan Vedomosti]*, 1887, no. 11–12, pp. 212–234. (in Russ.)

Eleonsky N. Nashi missionery na severe Sibiri [Our Missionaries in the North of Siberia]. *Pravoslavnyi blagovestnik [Orthodox Evangelist]*, 1893, no. 13, pp. 3–9. (in Russ.)

Ilminsky N. I. Shkola dlya pervonachal'nogo obucheniya detei kreshchenykh Tatar v Kazani [Early Education School for Children of Baptized Tatars in Kazan]. In: Sbornik dokumentov i statei po voprosu ob obrazovanii inorodtsev [Collection of Documents and Articles on the Education of Natives]. St. Petersburg, 1869, pp. 53–84. (in Russ.)

Iz Obdorskoi missii [From the Obdorsk Mission]. *Pravoslavnyi blagovestnik [Orthodox Evangelist]*, 1903, no. 1, pp. 23–28. (in Russ.)

Kolonizatsiya Sibiri v svyazi s obshchim pereselencheskim voprosom [Colonization of Siberia in Connection with the General Resettlement Issue]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografia, 1900, 375 p. (in Russ.)

- Kratkii istoricheskii ocherk goroda Tobol'ska [A Brief Historical Sketch of the City of Tobolsk], *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti* [Tobolsk Diocesan Vedomosti], 1887, no. 9–10, pp. 169–176. (in Russ.)
- Missionerskie zapiski i dnevniki sotrudnikov Altaiskoi dukhovnoi missii: Sbornik arkhivnykh dokumentov [Missionary Notes and Diaries of the Staff of the Altai Orthodox Mission: Collection of Archival Documents]. Barnaul, Barnaul'skaya dukhovnaya seminariya, Altaiskii dom pechati, 2016, 204 p. (in Russ.)
- N. K.** Sodeistvie nashikh missii k ustroistvu osedlogo byta kochevnikov [Assistance of Our Missions to the Arrangement of Settled Life of Nomads]. *Pravoslavnyi blagovestnik* [Orthodox Evangelist], 1896, no. 4, pp. 152–157. (in Russ.)
- Proshloe sibirskikh missii [The Past of the Siberian Missions]. *Pravoslavnyi blagovestnik* [Orthodox Evangelist], 1893, no. 17, pp. 27–33. (in Russ.)
- Skorov A. F.** Zakony o raskol'nikakh i sektantakh [Laws on Schismatics and Sectarians]. Moscow, Tipolitografiya Pashkova, 1903, 226 p. (in Russ.)
- Tikhomirov L.** Veroispovednyi sostav Rossii i obyazatel'nost' dlya russkogo gosudarstva istoricheskoi veroispovednoi politiki [The Religious Composition of Russia and the Obligation of Historical Religious Policy for the Russian State]. *Missionerskoe obozrenie* [Missionary Review], 1902, no. 4, pp. 430–435. (in Russ.)
- Zapiski missionera Tatarskogo stana Kirgizskoi missii za 1909 g. [Notes of the Missionary of the Tatar Camp of the Kirghiz Mission for 1909]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti* [Omsk Diocesan Vedomosti], 1910, no. 9, pp. 39–44. (in Russ.)

Информация об авторе

Михаил Константинович Чуркин, доктор исторических наук, профессор
 Scopus Author ID 57188640644
 WoS Researcher ID AAQ-8591-2021

Information about the Author

Mikhail K. Churkin, Doctor of Sciences (History), Professor
 Scopus Author ID 57188640644
 WoS Researcher ID AAQ-8591-2021

Статья поступила в редакцию 24.02.2025;
 одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 26.04.2025
*The article was submitted on 24.02.2025;
 approved after reviewing on 25.03.2025; accepted for publication on 26.04.2025*

Научная статья

УДК 94(470)«18/19»+625.1(571.6)+327(470:510)+339.177.4+94(510.1)
DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-111-122

Модернизация Уссурийской линии Китайско-Восточной железной дороги: Никольская ветвь в 1906–1919 годах

Михаил Викторович Ходяков

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
m.khodyakov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8469-2590>

Аннотация

Рассматривается процесс модернизации Никольской ветви Уссурийской железной дороги после ее вхождения в 1906 г. в состав Китайско-Восточной железной дороги. Техническое состояние существовавшей магистрали оценивалось как плачевное. Потребовалось осуществить замену подвижного состава, провести серьезную реконструкцию железнодорожных путей, земляного полотна, искусственных сооружений, пристаниционных зданий, организовать возведение постоянных мостов взамен временных. Значительные трудности в процессе модернизации Уссурийской дороги и ее Никольской ветви объяснялись наличием здесь горных участков. Увеличение пропускной способности магистрали должно было отвечать нуждам военного ведомства. Дополнительные пути и станционные здания требовались для усиления хлебных перевозок и транзита грузов военного назначения из Владивостока через Харбин в центральные районы России.

Ключевые слова

Уссурийская железная дорога, Китайско-Восточная железная дорога, Никольская ветвь, модернизация

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-48-00004 «Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система: история строительства, реконструкция и моделирование механизмов охраны культурного наследия», <https://rscf.ru/project/23-48-00004/>

Для цитирования

Ходяков М. В. Модернизация Уссурийской линии Китайско-Восточной железной дороги: Никольская ветвь в 1906–1919 годах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 111–122.
DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-111-122

Modernization of the Ussuri Line of the Chinese Eastern Railway: Nikolskaya Branch in 1906–1919

Mikhail V. Khodyakov

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation
m.khodyakov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8469-2590>

Abstract

The article, based on documents from Russian archives, examines the process of modernization of the Nikolskaya branch of the Ussuri railway following its incorporation into the Chinese Eastern Railway in 1906. The process of merging the two roads had both supporters and opponents. Nevertheless, Russia's defeat in the Russo-Japanese War of 1904–1905 strengthened the position of those who advocated the need to use the port of Vladivostok to transport various goods to the interior of the country. The Chinese Eastern Railway Society and its representatives sought to capitalize on this economic opportunity. The Nikolskaya railway branch connected the two roads and became an important strategic asset. However, its technical condition was far from ideal. Upgrades were needed, including the replacement of rolling stock and a comprehensive reconstruction of the railway tracks, roadbed, artificial structures, and

© Ходяков М. В., 2025

station buildings. Furthermore, constructing permanent bridges to replace temporary ones was imperative. The modernization of the Ussuri railway and its Nikolskaya branch faced considerable challenges due to the mountainous landscape of the region. Increasing the highway's capacity was essential to satisfy military needs, necessitating the addition of tracks and station buildings to improve grain transportation and facilitate the movement of military cargo from Vladivostok through Harbin to the central regions of Russia.

Keywords

Ussuri railway, Chinese Eastern Railway, Nikolskaya branch, modernization

Acknowledgements

This research was supported by the Russian Science Foundation grant no. 23-48-00004 “Chinese Eastern Railway as a trans-border socio-cultural system: studying its history, reconstructing and modeling mechanisms of cultural heritage protection”, <https://rscf.ru/project/23-48-00004/>

For citation

Khodyakov M. V. Modernization of the Ussuri Line of the Chinese Eastern Railway: Nikolskaya Branch in 1906–1919. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 111–122. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-111-122

В 1905–1906 гг. на различных уровнях власти активно обсуждался вопрос о целесообразности передачи под контроль Обществу Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) недавно проложенной Уссурийской железной дороги (УЖД). Сторонники и противники этого решения не переставали приводить свои аргументы и после того, как рассмотрение проблемы перешло на уровень Совета министров [Ходяков, 2024]. Стремясь довести до властных структур особую позицию части деловых кругов Дальнего Востока, уполномоченный Благовещенской и Хабаровской городских дум потомственный почетный гражданин П. В. Мордин подготовил отчет, главным итогом которого стала мысль «о не передаче» УЖД в ведение КВЖД. 24 июня 1906 г. отчет был зарегистрирован в канцелярии Приамурского генерал-губернатора¹. Пытаясь добиться важного для края решения вопроса, Мордин заручился поддержкой некоторых влиятельных столичных чиновников, включая А. П. Никольского, возглавлявшего в тот момент Главное управление землеустройства и земледелия. Телеграммы, направленные Мординым в десятки адресов, содержали призывы ходатайствовать «перед правительством не передавать Уссурийскую дорогу Китайской», поскольку это, по его мнению, могло привести к приостановке развития Амурской области².

Конец ожесточенным спорам о будущем Уссурийской дороги (несмотря на особую позицию ряда высокопоставленных военных чинов и представителей государственного контроля) был положен после высочайшего решения от 29 июня 1906 г. о временной передаче УЖД в эксплуатацию Общества КВЖД, которое и принимало на себя эксплуатацию дороги за счет казны до 1 января 1931 г.³

Состояние транспортной коммуникации между Владивостоком и Хабаровском со всеми соединительными ветвями товарищ председателя правления Общества КВЖД инженер А. Н. Вентцель назвал «запущенным». Министр финансов В. Н. Коковцов, после того как в сентябре 1906 г. ознакомился с его докладом, вынужден был констатировать: «Уссурийская дорога перешла к нам в самом печальном состоянии». Тогда же министр распорядился выяснить, «что и когда должно быть улучшено и переустроено»⁴. Одновременно с этим он признавал, что по причине ограниченности средств «улучшение дороги приходится проводить в известной постепенности...»⁵.

Объединенная дорога становилась своеобразным государством в государстве – происходило слияние дальневосточных магистралей в единую железнодорожную сеть. История строительства КВЖД и УЖД неоднократно освещалась в контексте широкого круга про-

¹ Отчет о деятельности П. В. Мордина по уполномочиям Благовещенской и Хабаровской думы по делу об Уссурийской железной дороге (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 716. Л. 1–52).

² Там же. Л. 6–18 об.

³ Дело о разрешении временной передачи эксплуатации Уссурийской ж. д. Обществу КВЖД (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 319. Л. 83).

⁴ О передаче Уссурийской ж. д. КВЖД (РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 543. Л. 152).

⁵ Об Уссурийской железной дороге (РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 545. Л. 61).

блем, которые рассматривались отечественными и зарубежными авторами [Нилус, 1923; Борзунов, 1972; Marks, 1991; Dukes, 2022; Урбански, 2023]. Функционирование соединительных ветвей КВЖД в Забайкалье (Кайдаловской ветви – от Читы до станции Маньчжурия) и Приморье (Никольской ветви – от Никольск-Уссурийска до станции Пограничная (Суйфэнхэ)) изучена в меньшей степени. Опубликованные документы (Отчет по постройке, 1905; Заветная мечта императора, 2011) позволили исследователям основательно проанализировать начальный этап строительства КВЖД и соединительных ветвей к ней. Обе упомянутые ветви, как отметили историки, сыграли важную стратегическую роль в период русско-японской войны, способствовали дальнейшему развитию межгосударственного сообщения. Но их сравнительно небольшая протяженность и малое количество крупных железнодорожных станций во многом объясняют слабое внимание к ним со стороны специалистов по истории Дальнего Востока и железнодорожного строительства [Дмитриева, 2023].

Изучение истории транспортных магистралей Дальнего Востока активизировалось уже в наши дни в связи с «поворотом России на Восток» [Бояхчян, 2014; Лисицын, 2017; Дмитриева, 2024; Сунь Ички, Гузей, 2024]. В последние годы стали появляться публикации, в которых железные дороги региона и их соединительные ветви рассматриваются в контексте социально-экономических и культурных процессов, происходящих на Дальнем Востоке [Деревянко, 1997; Буркова, 2012; Кротова, 2023; Глатоленкова, 2023]. Однако вопросам модернизации соединительных ветвей КВЖД, после того как в 1906 г. Уссурийская линия стала ветвию (отделением) Китайской дороги, внимание уделялось явно недостаточно. Лишь разделы монографии А. А. Лисицына, в которых затронуты вопросы реконструкции Уссурийской дороги, отчасти восполняют этот пробел [Лисицын, 2017, с. 218–247].

Движение по Никольской ветке УЖД, состоявшей первоначально из трех станций (Галёнки / Голенки, Хорватово, Греково) и четырех разъездов, на участке «станция Никольск – станция Греково» началось в январе 1900 г. Одновременно по ней осуществлялась перевозка грузов, шедших из Маньчжурии. Это сразу отразилось на хозяйственном освоении территории, где возникли станицы казаков-переселенцев. Общая протяженность полотна Никольской ветки в тот момент составила 105,94 версты, из которых 92 находились на российской территории (от ст. Никольская до ст. Греково), а оставшиеся 13,94 версты – на территории Китая (перегон «Греково – Пограничная») [Дмитриева, 2024, с. 258].

При сооружении Уссурийской дороги как первого звена Великого Сибирского пути, движение по которому предполагалось осуществлять «лишь в крайне ограниченном размере», допускались «облегченные технические условия»: земляное полотно уменьшенной ширины, тонкий слой балласта, укороченные шпалы, рельсы легкого типа, ограниченное количество искусственных сооружений и пристанционных зданий. Кредиты на ремонт и реконструкцию дороги отпускались в ограниченном объеме. Вследствие этого УЖД и ее ветви, как явствует из официальных правительственные источников, стали быстро приходить в упадок (Объяснительная записка, 1908, с. 11–12).

Архивные материалы, отложившиеся преимущественно в фондах РГИА, позволяют проследить процесс модернизации Уссурийской дороги и ее Никольской ветви, начавшийся в 1906 г., до момента революционных потрясений и Гражданской войны в России. Еще до высочайшего утверждения соглашения о временной передаче УЖД в эксплуатацию Общества КВЖД, 16 июня 1906 г. за подписью главного инспектора Министерства путей сообщения тайного советника инженера А. Н. Горчакова, была подготовлена ведомость на проведение «крайне необходимых» и «главнейших дополнительных работ» по Уссурийской дороге «в ближайшем будущем ввиду неотложности их». В нее вошло девять позиций на общую сумму 4,6 млн руб. Кроме того, дороге требовался кредит на оборудование подвижного состава дороги современными тормозами Вестингауза. Ведомость включала в себя: «досыпку недостающего балласта», замену рельс на участке «Владивосток – Кетрицево» (до 1903 г. – ст. Никольск, с 1907 г. – Никольск-Уссурийский. – M. X.), перестройку деревянных мостов через реки и возвведение металлических по проектам, рассмотренным и одобренным инже-

нерным советом, а также замену 34 временных мостов в местах «с пучинистым грунтом» на постоянные с каменными опорами, возведение недостающих жилых зданий со службами, переустройство водоснабжения ст. Кетрицево, окончание водоснабжения на ст. Первая Речка, расширение пассажирского здания ст. Владивосток⁶. Общая стоимость неотложных работ, необходимых «для упорядочения Уссурийской дороги» была определена в сумме «около 9 млн руб.» (Объяснительная записка, 1908, с. 12).

1 августа 1906 г. в циркулярной телеграмме управляющего КВЖД генерала Д. Л. Хорвата и управляющего УЖД полковника Н. И. Фон-Кремера начальники и управляющие российских железных дорог, а также управление железных дорог в Санкт-Петербурге и Китайскоеправление в Харбине извещались о том, что Уссурийская дорога передана в эксплуатацию Обществу КВЖД. По всем вопросам, относящимся к ведению УЖД, было «необходимо сноситься» исключительно с Правлением Общества КВЖД и управлением дороги⁷. Уссурийское отделение КВЖД возглавил инженер путей сообщения С. Ц. Офферберг, совмещавший должности начальника службы пути и председателя Совета служб Уссурийского отделения (службы пути, тяги, телографа, эксплуатации, материальную и сборов). Заведующим переустройством УЖД был назначен инженер путей сообщения В. И. Александров, начальником техотдела – А. В. Рудницкий [Лисицын, 2017, с. 227, 231].

В телеграмме от 3 августа 1906 г. о предстоящих расходах на эксплуатацию Уссурийского отделения дороги Д. Л. Хорват и его помощники сообщали, что осмотром линии установлено: «...искусственные сооружения, путь и подвижной состав находятся в неудовлетворительном состоянии, требуют весьма бдительного надзора и усиленного труда, и для постепенного приведения дороги в надлежащий порядок необходимо близкое руководительство на месте опытных старших агентов»⁸. Количество служащих, оставшихся на своих должностях после передачи УЖД в эксплуатацию Обществу КВЖД, составило 91 чел.: в службе пути – 20 чел.; в службе тяги – 19; в материальной службе – 5; в канцелярии управления дороги – 3; в службе движения – 18; в службе сборов с учетом счетоводов и конторщиков – 26 чел.⁹.

Для сдачи дел УЖД была образована специальная Ликвидационная комиссия, которая активно действовала в 1906–1907 гг. Ее председателем стал действительный статский советник, инженер Н. Т. Щепетов. Регулярно обсуждая возникавшие проблемы, иногда по несколько раз в месяц, комиссия вела журналы заседаний¹⁰. Однако столичное начальство торопило председателя, стремясь завершить передачу дел в кратчайшие сроки. 3 мая 1907 г. министр путей сообщения Н. К. Шауфус направил ему телеграмму с призывом «кончать скорее дело Ликвидационной Комиссии». В ней министр также сообщал Н. Т. Щепетову о награждении его орденом Святого Владимира 3-й степени¹¹. 26 сентября 1907 г. главным бухгалтером Ликвидационной комиссии И. А. Костецким и представителем КВЖД счетоводом Главной бухгалтерии М. Н. Нестерюком был подписан акт о передаче КВЖД дел и книг УЖД «за период по 1904 г. включительно». Затем, в октябре 1907 г., последовало подписание актов о передаче КВЖД помещений, занимаемых ранее Главной бухгалтерией УЖД, мебели и другого имущества¹².

⁶ Протоколы совещаний о передаче Уссурийской железной дороги в Общество КВЖД (РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 46. Л. 7 об.).

⁷ Протоколы совещаний о передаче Уссурийской железной дороги в Общество Китайско-Восточной железной дороги. 1906–1912 гг. (РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 46. Л. 19).

⁸ РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 46. Л. 19.

⁹ Там же. Л. 16 об. – 17.

¹⁰ Управление по постройке Уссурийской железной дороги. Дело с актами заложения основных гражданских сооружений (РГИА. Ф. 373. Оп. 2. Д. 27. Л. 19–176).

¹¹ Приказы и протоколы совещаний Ликвидационной комиссии, акты по передаче Уссурийской железной дороги в эксплуатацию Обществу КВЖД (РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 79. Л. 1).

¹² РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 79. Л. 42–49.

Вопросы ассигнования, планируемых работ и недоделок на УЖД рассматривались в январе 1907 г. в ходе нескольких совещаний правления Общества КВЖД. Председатель совещания А. Н. Вентцель сообщил присутствующим о своей поездке на Дальний Восток в декабре 1906 г. и о поданной министру финансов записке, в которой высказал мнение о необходимости принятия «капитальных систематических мер для приведения дороги в порядок». Представители МПС со своей стороны поставили вопрос о требованиях, предъявляемых к дороге, главным образом относительно ее пропускной способности для нужд военного ведомства. Полковник А. Н. Николаев при этом заявил, что настоящая пропускная способность Уссурийской дороги на участке «Пограничная – Кетрицево» (Никольск), составляющая 16 пар, «Кетрицево – Владивосток» – 15 пар и «Кетрицево – Хабаровск» – 12 пар «удовлетворяет нынешние потребности Военного ведомства»¹³. Участники совещаний «высказали затруднение» по главному вопросу – о распределении работ на дороге по годам. Было решено определять их последовательность ежегодно «по мере выяснения действительной надобности и в зависимости от возможных на них ассигнований»¹⁴.

Главной проблемой дороги и ее Никольской ветви оставались изношенность подвижного состава, путевое хозяйство и временные деревянные мости (для поддержания которых в рабочем состоянии приходилось содержать штат плотников). Общий свод расходов службы пути по новым работам и ассигнованиям Уссурийской линии КВЖД, отпущенными Ликвидационной комиссией с 1 августа 1906 г. по 1 января 1910 г., исчислялся суммой 3,8 млн руб. При этом расходы на работы по сооружениям, начатым до 1 августа 1906 г., составили всего 275 тыс. руб., а на работы, которые были начаты и закончены в 1906–1910 гг., достигали 1,6 млн руб. Расходы же по работам на дороге, которые не были закончены к 1910 г., должны были составить 1,8 млн руб.¹⁵ О масштабах преобразований, начатых на линии, можно судить по тому, что расходы службы пути по новым работам за 1907–1909 гг. превысили 3,1 млн руб. В частности, только на повышение полотна и перестройку мостов между разъездами на р. Таловой и ст. Гродеково в 1907 г. было ассигновано 156 тыс. руб., в 1908 г. – 50 тыс., а в 1909 г. – 115 тыс. руб. На окончание работ по замене рельс легкого типа на участке «Владивосток – Никольск» тяжелыми рельсами нового типа в 1907 г. оказалось потрачено 267 тыс. руб.¹⁶

По расценочной ведомости «новых работ по улучшению и усилению Уссурийской дороги, предположенных к исполнению в 1908 г.», требовалось около 1,7 млн руб., включавших в том числе продолжение земляных работ, повышение полотна и перестройку мостов между разъездом «Таловый» и ст. Гродеково на участке «Кетрицево – Пограничная» (50 тыс. руб.), постройку паровозного здания на ст. Кетрицево на 9 стойл (58 тыс. руб.), возведение жилых домов и мастерских при депо на Первой Речке, замену временных деревянных мостов каменными, а также постройку пассажирского здания на ст. Владивосток (100 тыс. руб.)¹⁷.

Модернизация Никольской ветви включала комплекс работ по водоснабжению станций и разъездов, а также их техническому переоборудованию. Устройство по одному водосборному колодцу на ст. Евгеньевка и Хорватово потребовало в 1908 г. 12 тыс. руб., водоснабжение ст. Гродеково в том же году обошлось в 9,8 тыс. руб., а переоборудование Никольских Главных мастерских новыми станками – в 15 тыс. руб. в 1908 г. и 38 тыс. руб. в 1909 г. Одновременно строилась столовая для мастеровых на ст. Никольск-Уссурийский, расходы на ее сооружение 1908 г. составили 10 тыс. руб., а в 1909 г. – 2 тыс. руб. На обустройство при Никольских Главных мастерских трех отхожих мест «с промывкой и отоплением» в 1908 г. бы-

¹³ Журнал № 1 совещания 23 января 1907 г. по рассмотрению вопроса о работах на Уссурийской ж. д. (РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 4Б. Л. 31 об.).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Общие сведения о расходах службы пути из ассигнований ликвидационной комиссии Уссурийской линии за 1906–1910 годы (РГИА. Ф. 323 Оп. 6. Д. 13. Л. 1).

¹⁶ Там же. Л. 2 – 2 об.

¹⁷ Журнал совещания о новых работах и недоделках, подлежащих исполнению на Китайско-Восточной железной дороге и по Уссурийскому отделению в 1907 году (РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 4Б. Л. 27–28).

ло ассигновано 2 тыс. руб., а в 1909 г. – 4 тыс. руб. «Перестройка водоснабжения» на другой станции Никольской ветви, ст. Галёнки, в 1909 г. обошлась казне в 10,3 тыс. руб.¹⁸

Как отмечал журнал «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке», до момента перехода УЖД в ведение Общества КВЖД на перегоне между разъездом «Галовой» и ст. Гродеково почти ежегодно ливнями размывало главный путь, что приводило к перерывам в движении поездов. Причиной разрушения полотна становились малая высота насыпи, недостаточное количество отверстий в мостах, отсутствие укреплений откосов полотна у искусственных строений и отсутствие сооружений, регулирующих приток воды к мостам (Переустройство Уссурийской железной дороги, 1916, с. 5). Было принято решение перестроить мосты на 44, 47, 48, 72 и 77-й верстах Никольской ветви и осуществить подъем полотна дороги. В 1911 и 1913 гг. на эти нужды был отпущен кредит 133,3 тыс. руб. К 1913 г. работы по подъему полотна были выполнены на 60 %, а по постройке мостов – на 25 %.¹⁹

На «значительность и сложность работ по усилению Уссурийской железной дороги» указывал в письме от 1 марта 1913 г. председателю Государственной думы министр путей сообщения С. В. Рухлов. Отмечая необходимость завершения первоочередных работ на дороге к 1916 г., он предлагал «немедленно приступить» к их выполнению. Кредит на 1913 г. по смете чрезвычайных расходов МПС должен был составить 1 млн руб.²⁰

В рапорте управляющего КВЖД генерала Д. Л. Хорвата, составленном в сентябре 1913 г. и направленном А. Н. Вентцелю, указывалась протяженность Никольской ветви от ст. Никольск-Уссурийский до границы с КВЖД. Тогда она составляла 112,89 версты²¹. Именно на этом участке, на 115-й версте соединительной ветви с КВЖД, между ст. Никольск-Уссурийский и Пограничная, отмечалось наибольшее возвышение полотна железной дороги над уровнем Тихого океана (1497,30 фута²²). Здесь же фиксировались максимальная высота насыпи (16,39 сажени²³), на 112-й версте, и наибольшая глубина выемки (12,45 сажени), на 105-й версте. Если участок дороги от Никольск-Уссурийска до Гродеково (90,52 версты) считался равнинным, то остальная часть ветви, от ст. Гродеково до ст. Пограничная (22,37 версты), была одним из девяти наиболее сложных горных участков УЖД²⁴. Он проходил через горный перевал, шесть тоннелей и большие насыпи.

Д. Л. Хорват отмечал ряд трудностей в процессе эксплуатации Никольской ветви. В частности, Уссурийская дорога была построена в одну колею. Тоннели на 106, 108, 111, 112 и 113-й верстах соединительной ветви к КВЖД проектировались на два пути. Один оказался уложен, а на месте второго были оставлены неразработанные породы, так называемые штросы: на 106-й версте длиной 60 погонных саженей, на 108-й версте – 32 и 18, на 111-й – 100, на 112-й – 35, на 113-й – 35.²⁵

В августе 1913 г. управление УЖД получило уведомление Правления Общества КВЖД об утверждении расценочных ведомостей по переустройству и модернизации Уссурийской дороги на сумму 29,3 млн руб. В счет этой суммы по сметам Министерства путей сообщения было решено выделить на текущий год 1 млн руб. Правление Общества разрешило приступить к выполнению запланированных работ, утвердив разработанную программу 1913 г. Однако, учитывая, что времени для проведения запланированных работ оставалось очень мало, было решено большую часть ассигнований перенести на будущий год. Предполагалось, что

¹⁸ Общие сведения о расходах службы пути из ассигнований Ликвидационной комиссии (РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 13. Л. 7 об. – 10 об.).

¹⁹ Общие технические сведения по Уссурийской дороге (ГАРФ. Ф. 6081. Оп. 1. Д. 145. Л. 14).

²⁰ Утверждение строительной стоимости работ по усилению Уссурийской ж. д. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 762. Л. 3).

²¹ Общие технические сведения по Уссурийской дороге (ГАРФ. Ф. 6081. Оп. 1. Д. 145. Л. 9).

²² Фут – 0,3 м.

²³ Сажень – 2,13 м.

²⁴ Общие технические сведения по Уссурийской дороге (ГАРФ. Ф. 6081. Оп. 1. Д. 145. Л. 9 об.).

²⁵ Там же. Л. 10.

в 1914 г. на работы по «улучшению» УЖД будет выделено еще 6 млн руб.²⁶, в 1915 и 1916 гг. – по 8 млн руб., в 1917 г. – 5 млн, в 1918 г. – 3 млн, а в 1919 г. – 781 тыс. руб. Меры по модернизации УЖД в 1913–1915 гг., по мнению министра путей сообщения, должны были быть отнесены к «работам первой очереди», в 1916 г. – первой и второй очереди, в 1917–1919 гг. – второй очереди²⁷.

После вхождения в структуру Общества КВЖД Уссурийская дорога на протяжении нескольких лет оставалась убыточной. И только с 1911 г. она стала приносить доход (К 25-летию Уссурийской железной дороги, 1916, с. 13). Значительную часть грузов составляли хлебные перевозки – зерно, мука, крупа, солод, отруби и выжимки, масличные семена. С 1903 по 1914 г. доля перевезенных хлебных грузов увеличилась с 26,9 до 33,9 %. Общий объем перевозок за это время вырос в 5,8 раза. Вторым по значимости грузом на УЖД был уголь (16,4 %). Его перевозки к 1914 г. возросли в 8,3 раза по сравнению с 1903 г., а доля увеличилась на 7,4 %. Объем перевозок лесных строительных материалов за те же годы вырос на 118,5 %, достигнув пика в 1912 г. Эти грузы перевозились в местном сообщении, и их вывоз с территории Дальнего Востока по железной дороге не предполагался. Несмотря на то что доля в общем объеме перевозок сократилась с 18,6 до 8,9 %, в местном сообщении она осталась прежней и в период 1903–1914 гг. колебалась на уровне 15–18 % [Бояхчян, 2014, с. 8, 19].

Несмотря на начавшуюся Первую мировую войну, работы по реорганизации Уссурийской дороги продолжались, хотя и получили при этом определенную специфику. С 1914 г. по настоящему заведующего Уссурийским отделом местного контроля Общества КВЖД Э. В. Левицкого должны были составляться отчеты «отдельно по эксплуатации и отдельно по переустройству Уссурийской железной дороги». В отчеты требовалось включать сведения о ходе работ по переустройству дороги, цифровые данные о количестве произведенных работ и наличии на работах людей (в среднем за целый месяц), количество лошадей, вагонеток, тачек, машин, насосов и пр.²⁸

На 31 декабря 1914 г. общая протяженность путей УЖД по расчету одиночного пути составляла по линии «Владивосток – Хабаровск» 898,70 версты (главных – 726,68, станционных – 172,02), а по линии «Никольск-Уссурийский – Пограничная» – 127,45 версты (главных – 112,89, станционных – 14,56)²⁹. В перечне работ, которые планировалось провести на ст. Никольск-Уссурийский в 1914–1915 гг., среди прочего значились укладка тупикового пути для стоянки 25 паровозов, устройство телефонного сообщения между Главной конторой и цехами, сооружение «теплого ватерклозета в конторе Материального склада», мощение подъездной дороги от вокзала до товарного двора, возведение каменного дома для притча, увеличение площади церкви с переустройством купола, постройка недостающих зданий при больнице и организация там «теплого отхожего места», окончание работ по расширению ст. Никольск-Уссурийский³⁰.

Станции и разъезды Никольской линии также подлежали реконструкции. В 1915 г. планировались работы на разъездах «Таловый» и «Воздвиженский» (окончание работ по устройству жилого дома, организация железнодорожного переезда и колодца при сторожевом доме), «Липовцы» («добавочное ассигнование» на постройку пассажирского здания площадью 26 кв. саженей³¹, постройки жилых помещений со службами для станционных агентов площадью 10 кв. саженей). На ст. Хорватово планировалось «уложить 4-й путь», построить жи-

²⁶ Общие технические сведения по Уссурийской дороге (ГАРФ. Ф. 6081. Оп. 1. Д. 145. Л. 14 об.).

²⁷ Утверждение строительной стоимости работ по усилению Уссурийской ж. д. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 762. Л. 4 об.).

²⁸ Переписка по переустройству Уссурийской железной дороги о расходах, о служащих и рабочих, необходимых для проведения работ. 20 июля 1914 – 31 декабря 1914 (РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 29. Л. 25).

²⁹ Журнал о рассмотрении новых работ по Уссурийской железной дороге (РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 372. Л. 19 об.).

³⁰ Поверстные ведомости новых работ по участкам Уссурийской линии. 1914–1915 (РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 25. Л. 3 об. – 7 об.).

³¹ 1 кв. сажень = 4,55 кв. м.

лой дом, «уложить тупик для больных вагонов». В пассажирском здании на ст. Гродеково производилась «замена полов в буфете 1 и 2 класса плиточными», устраивался «выгреб и вантерклозет при станции с водопроводом», проводился водопровод к одному из домов, был построен сарай при школе для дров и инвентаря, возведено сгоревшее «паровозное здание на 4 стойла». В том же 1915 г. предполагалось заменить деревянные фермы мостов на железобетонные³².

Журнал Особого совещания от 27 сентября 1915 г., а также расценочные ведомости на проведение новых работ на 1916 г., утвержденные министром финансов, свидетельствовали о продолжении планов переустройства УЖД «первой и второй очереди». На модернизацию участка «Никольск-Уссурийский – Пограничная» было ассигновано 80,1 тыс. руб. Предполагалось завершить работы по устройству разъездов на 9, 24, 52 и 85-й верстах. Новые разъезды требовались в период усиленных хлебных перевозок, поскольку в 1912 г. они были устроены с одним разъездным путем. Для полного окончания работ требовалась укладка третьего пути и постройка станционных зданий со службами. Одновременно с этим планировалось окончить строительство больницы в Никольск-Уссурийском, провести наружный водопровод с водоразборной теплой будкой и электрическое освещение в помещение больницы³³.

А. Н. Вентцель, побывав на Дальнем Востоке в ноябре 1915 г., заметил, что работы по переустройству Уссурийской дороги «идут вполне успешно» (К пребыванию А. Н. Вентцеля на Дальнем Востоке, 1915, с. 11–12). Между тем финансирование ряда работ на Никольской ветке в годы Первой мировой войны утверждалось с трудом. В частности, была отклонена «как не вызываемая необходимостью» перестройка неохраняемых переездов для превращения их в охраняемые на участке «Никольск-Уссурийский – Пограничная». Устройство открытого навеса при материальном складе на ст. Никольск-Уссурийский также было отложено «как излишнее». Окончание работ по подъему полотна дороги и постройка мостов на 44–77-й верстах участка «Пограничная – Никольск-Уссурийский», требовавшее дополнительно 56 тыс. руб., откладывалось «до представления отчета». Не получили поддержки и работы по «подвеске дополнительного телеграфного провода» на участке между ст. Пограничная и Никольск-Уссурийский со следующей формулировкой: «...с проведением Амурской дороги число депеш по этому направлению уменьшится». В итоге были отклонены все работы второй очереди «как могущие быть отложенными»³⁴.

Революционные события 1917–1918 гг. в России не могли не отразиться на состоянии железных дорог страны. Финансовый отчет о содержании ст. Пограничная, открывавшей путь от КВЖД по Никольской ветви Уссурийской дороги, свидетельствует о том, что в 1918 г. все заботы начальника службы пути и сооружений были направлены на поддержании дороги в рабочем состоянии. Финансовые расходы по содержанию станции, которая считалась «объединенной», должны были делиться поровну между УЖД и КВЖД. Максимальные траты в 1918 г. пришлись на содержание земляного полотна станции, искусственных сооружений, очистку путей от снега, а также «переездов с механизмами для их управления». Общий финансовый расход по ст. «Пограничная» в этот год составил около 316 тыс. руб.³⁵

За годы Гражданской войны на Уссурийской дороге был поврежден 171 мост, не считая разрушенных сооружений и сожженных зданий [Лисицын, 2017, с. 248]. Это было обусловлено спецификой противостояния сторон, которые вели боевые действия вдоль железнодорожных магистралей.

³² Поверстные ведомости новых работ по участкам Уссурийской линии. 1914–1915 (РГИА. Ф. 323 Оп. 6. Д. 25. Л. 61 об. – 67).

³³ Журнал о рассмотрении новых работ по Уссурийской железной дороге. 1915 г. (РГИА. Ф. 323. Оп. 5 Д. 372. Л. 1 об. – 5).

³⁴ Там же. Л. 3.

³⁵ Отчет о расходах службы пути и сооружений по содержанию станции Пограничная. 1919 г. (РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 47. Л. 8).

В конце 1918 г. начальник Уссурийского отделения Службы пути Общества КВЖД информировал начальника Службы пути и сооружений о той сумме, которая требовалась «для восстановления разрушенных искусственных сооружений». По его оценкам, ремонт шести поврежденных участков УЖД должен был обойтись в 1,2 млн руб.³⁶ В журнале Совета управления КВЖД от 5 февраля 1919 г. записано, что во время военных действий в 1918 г. на участках Уссурийской линии отмечены многочисленные «разрушения и повреждения». Было принято решение начать восстановление пути, зданий и искусственных сооружений. В протоколе заседания правления Общества КВЖД от 14 апреля 1919 г. также фигурирует сумма 1,2 млн руб. для проведения восстановительных работ на УЖД³⁷. По всей видимости, средств для этого было потрачено больше, поскольку указанная сумма не учитывала затрат на восстановление «сожженных красноармейцами» за период с 24 июня по 5 июля 1919 г. деревянных мостов на Никольской ветви³⁸. Лишь в 1919 г. в сметах на «усиление УЖД» стали появляться дополнительные разделы. Так, расходы по ст. Пограничная составили 33 тыс. руб. (графа «работы по улучшению дороги»). Содержание в 1919 г. только этой станции обошлось УЖД в 803 тыс. руб.³⁹

Уссурийская железная дорога и ее Никольская ветвь имели большое значение в экономической жизни России. Уже в путеводителе по Великой Сибирской железной дороге, изданном в 1914 г., отмечалось, что недавно пустынный край, «...призванный к новой жизни под влиянием железнодорожного пути, постепенно делается культурным, служа проводником Православия и Русской народности на Азиатском Востоке» (Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге, 1914, с. 516). Роль дороги усилилась с началом Первой мировой и военных действий на Русском фронте. Владивосток превратился в важнейший перевалочный пункт страны. К 1915 г. порт был буквально «завален грузами». Сюда доставлялись снаряжение, боеприпасы, медикаменты, металлы, станки, автомобили, подводные лодки, техническое оборудование. Нехватку подвижного состава пытались восполнить поставкой паровозов, которые прибывали из Америки морским путем в разобранном виде во Владивосток, а затем направлялись в Харбин, где и осуществлялась их сборка. Реконструкция южного участка УЖД «Гродеково – Никольск-Уссурийский – Владивосток» была начата своевременно. По нему на КВЖД, через Харбин в центральные районы России шел значительный поток транзитных грузов. Однако в полной мере завершить процесс модернизации Никольской ветви УЖД и железных дорог Дальнего Востока помешала Гражданская война. В марте 1920 г. Временное правительство Приморской областной земской управы расторгло договор 1906 г. об аренде Уссурийской железной дороги Обществом КВЖД.

Список литературы

- Борзунов В. Ф.** История создания Транссибирской железнодорожной магистрали XIX – начала XX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1972. 40 с.
- Бояхчян А. Г.** Направления и объемы перевозок грузов по Уссурийской ж. д. в начальный период эксплуатации (в начале XX века) // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 4 (36). URL: <https://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/420143>. DOI 10.12731/2218-7405-2014-4-3
- Буркова В. В.** Дальневосточная (Уссурийская) и Харбинская (Китайско-Восточная) железные дороги // Железнодорожный транспорт. 2012. № 2. С. 68–73.
- Глатоленкова Е. В.** Наследие Уссурийской железной дороги в Дальнереченске // Урбанистика. 2023. № 3. С. 1–13. DOI 10.7256/2310-8673.2023.3.43423

³⁶ Переписка с Уссурийским отделением службы пути о повреждении мостов и искусственных сооружений на участке «Никольск-Уссурийск – Хабаровск» во время 1918 года (РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 46. Л. 1).

³⁷ Там же. Л. 5 об. – 6, 13.

³⁸ Там же. Л. 32.

³⁹ Отчет о расходах службы пути и сооружений по содержанию станции Пограничная. 1919 г. (РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 47. Л. 13 об.).

- Деревянко А. П.** Сооружение Уссурийской железной дороги (1891–1897 гг.) // КВЖД и ее влияние на развитие политических, социально-экономических и культурных процессов в Северо-Восточной Азии: Междунар. науч. конф.: тез. докл. и сообщений. Владивосток, 1997. С. 105–107.
- Дмитриева Н. В.** На пути к КВЖД: финансовая составляющая истории строительства Кайдаловской железнодорожной ветви // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 4. С. 861–874. DOI 10.21638/spbu24.2023.410
- Дмитриева Н. В.** Между двух империй: железнодорожное строительство на Дальнем Востоке в позднеимперский период // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12, № 1. С. 254–267. DOI 10.15826/qr.2024.1.877
- Кротова М. В.** Из Европы в Азию: КВЖД как часть транзитного пути // Новое прошлое. 2023. № 4. С. 270–279. DOI 10.18522/2500-3224-2023-4-270-279
- Лисицын А. А.** Дальневосточная железная дорога в период ее становления (1891–1917). Хабаровск: Пресс-премьера, 2017. 254 с.
- Нилус Е. Х.** Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги 1896–1923 гг. Харбин: Тип. КВЖД и Тов-ва «Озо», 1923. Т. 1. 690 с.
- Сунь Ичжи, Гузей Я. С.** Модернизация транспортной инфраструктуры Китайско-Восточной железной дороги: создание почтово-телеграфной системы вдоль Кайдаловской ветви на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Моск. ун-та. Серия 8: История. 2024. Т. 65, № 1. С. 70–85. DOI 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-1-70-85
- Урбански С.** За степным фронтиром: история российско-китайской границы. М.: НЛО, 2023. 480 с.
- Ходяков М. В.** Документы Российского государственного исторического архива о передаче в начале XX в. Уссурийской железной дороги в управление Обществу КВЖД // Отечественные архивы. 2024. № 3. С. 47–56.
- Dukes P.** Russia in Manchuria. A Problem of Empire. L.: Routledge, 2022. 174 p.
- Marks S. G.** Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asia Russia, 1850–1917. Ithaca, NY: Cornell Uni. Press, 240 p.

Список источников

- Заветная мечта императора. К 120-летию начала строительства Уссурийской железной дороги: док. и материалы / Сост. и ред. Н. А. Троицкая. Владивосток: Дальнаука, 2011. 155 с.
- К пребыванию А. Н. Вентцеля на Дальнем Востоке // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. 1915. № 45. С. 11–12.
- Объяснительная записка к § 1 ст. 1 сметы чрезвычайных расходов Департамента железнодорожных дел на 1908 год: об отпуске Обществу Китайской Восточной железной дороги средств на подлежащие производству в 1908 году работы по достройке и улучшению названной дороги и по Уссурийской железной дороге. СПб.: Пушкинская Скоропечатня, 1908. 30 с.
- Отчет по постройке Никольской ветви Уссурийской железной дороги. СПб.: Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1905. 131 с.
- Переустройство Уссурийской железной дороги // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. 1916. № 11. С. 5.
- Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге от С.-Петербурга до Владивостока / Под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова, А. Ф. Здзярского. 12-е изд. СПб.: Тип. И. Шурухей, 1914. 548 с.

References

- Borzunov V. F.** Istoriya sozdaniya Transsibirskoi zheleznodorozhnoi magistrali XIX – nachala XX v. [History of the Construction of the Trans-Siberian Railway in the 19th – Early 20th Centuries]. Thesis Diss. ... Dr. Hist. Sci. Moscow, 1972, 40 p. (in Russ.)

- Boyakhchyan A. G.** Napravleniya i ob'emy perevozok gruzov po Ussuriiskoi zh. d. v nachal'nyi period ekspluatatsii (v nachale XX veka). [The Freight Steams and Volumes of Ussuri Railroad in the Beginning of Its Exploitation (the Beginning of the 20th Century)]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Research of Social Problems], 2014, no. 4 (36). (in Russ.) URL: <https://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/420143>. DOI 10.12731/2218-7405-2014-4-3
- Burkova V. V.** Dal'nevostochnaya (Ussuriiskaya) i Kharbinskaya (Kitaisko-Vostochnaya) zheleznye dorogi [Far Eastern (Ussuri) and Harbin (Chinese Eastern) Railways] *Zheleznodorozhnyi transport* [Railway Transport], 2012, no. 2, pp. 68–73. (in Russ.)
- Derevyanko A. P.** Sooruzhenie Ussuriiskoi zheleznoi dorogi (1891–1897 gg.). [Construction of the Ussuri Railway (1891–1897)]. In: KVZhD i ee vliyanie na razvitiye politicheskikh, sotsial'no-ekonomicheskikh i kul'turnykh protsessov v Severo-Vostochnoi Azii: mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya: tezisy dokladov i soobshchenii [CER and Its Influence on the Development of Political, Socio-economic and Cultural Processes in North-East Asia: International Scientific Conference: Abstracts of Reports and Messages]. Vladivostok, 1997, pp. 105–107. (in Russ.)
- Dmitrieva N. V.** Mezhdu dvukh imperii: zheleznodorozhnoe stroitel'stvo na Dal'nem Vostoke v pozdneimperskii period [Between Two Empires: Railway Construction in the Far East in the Late Imperial Period]. *Quaestio Rossica*, 2024, vol. 12, no. 1, pp. 254–267. (in Russ.) DOI 10.15826/qr.2024.1.877
- Dmitrieva N. V.** Na puti k KVZhD: finansovaya sostavlyayushchaya istorii stroitel'stva Kaidalovskoi zheleznodorozhnoi vetvi [On the Way to the Chinese Eastern Railway: Financial Aspects of the History of Kaidalovo Line Construction]. *Noveishaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2023, vol. 13, no. 4, pp. 861–874. (in Russ.) DOI 10.21638/spbu24.2023.410
- Dukes P.** Russia in Manchuria. A Problem of Empire. London, Routledge, 2022, 174 p.
- Glatolenkova E. V.** Nasledie Ussuriiskoi zheleznoi dorogi v Dal'nerechenske [The Heritage of the Ussuri Railway in Dalnerechensk]. *Urbanistika* [Urban Studies], 2023, no. 3, pp. 1–13. (in Russ.) DOI 10.7256/2310-8673.2023.3.43423
- Khodyakov M. V.** Dokumenty Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva o peredache v nachale XX v. Ussuriiskoi zheleznoi dorogi v upravlenie Obshchestvu KVZhD [Documents of the Russian State Historical Archive on the Transfer of the Ussuri Railway to the Management of the CER Society at the Beginning of the 20th Century]. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic Archives], 2024, no. 3, pp. 47–56. (in Russ.)
- Krotova M. V.** Iz Evropy v Aziyu: KVZhD kak chast' tranzitnogo puti [From Europe to Asia: CER as Part of the Transit Route]. *Novoe proshloe* [New Past], 2023, no. 4, pp. 270–279. (in Russ.) DOI 10.18522/2500-3224-2023-4-270-279
- Lisitsyn A. A.** Dal'nevostochnaya zheleznyaya doroga v period ee stanoljeniya (1891–1917) [Far Eastern Railway during its Formation (1891–1917)]. Khabarovsk, Press-Prem'era, 2017, 254 p. (in Russ.)
- Marks S. G.** Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asia Russia, 1850–1917. Ithaca, NY, Cornell Uni. Press, 240 p.
- Nilus E. H.** Istoricheskii obzor Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi 1896–1923 gg. [Historical Review of the Chinese Eastern Railway 1896–1923]. Harbin, Tipografiya KVZhD i tovarishchestva Ozo, 1923, 690 p. (in Russ.)
- Sun Yizhi, Guzey Ya. S.** Modernizatsiya transportnoi infrastruktury Kitaisko-Vostochnoi zheleznoi dorogi: sozdanie pochtovo-telegrafnoi sistemy vdol' Kaidalovskoi vetvi na rubezhe XIX–XX vv. [Modernization of the Transport Infrastructure of the Chinese Eastern Railway: Establishment of a Postal and Telegraph System along the Kaidalovskaya Line at the Turn of the 19th – 20th Centuries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Iстория* [Moscow University Bulletin. Series 8: History], 2024, vol. 65, no. 1, pp. 70–85. (in Russ.) DOI 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-1-70-85

Urbansky S. Za stepnym frontirom: istoriya rossiisko-kitaiskoi granitsy [Beyond the Steppe Frontier: The History of the Russian-Chinese Border]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2023, 480 p. (in Russ.)

List of Sources

- K preby'vaniyu A. N. Ventselya na Dal'nem Vostoke [On the Stay of A. N. Ventzel in the Far East]. *Zheleznodorozhnaya zhizn' na Dal'nem Vostoke* [Railway Life in the Far East], 1915, no. 45, pp. 11–12. (in Russ.)
- Ob'yasnitel'naya zapiska k § 1 st. 1 smety chrezvychainykh raskhodov Departamenta zhelezno-dorozhnykh del na 1908 god: ob otpuske Obshhestvu Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi sredstv na podlezhashchie proizvodstvu v 1908 godu raboty po dostroike i uluchsheniyu nazvannoj dorogi i po Ussuriiskoi zheleznoi doroge [Explanatory Note to § 1 of Article 1 of the Estimate of Extraordinary Expenses of the Department of Railway Affairs for 1908: On the Allocation of Funds to the Chinese Eastern Railway Company for Work to be Carried out in 1908 on the Completion and Improvement of the Said Road and on the Ussuri Railway]. St. Petersburg, Pushkinskaya Skoropечатnya, 1908, 30 p. (in Russ.)
- Otchet po postroike Nikol'skoi vetyi Ussuriiskoi zheleznoi dorogi [Report on the Construction of the Nikolskaya Branch of the Ussuri Railway]. St. Petersburg, Elektro-tipografiya N. Ya. Stoikovo, 1905, 131 p. (in Russ.)
- Pereustroistvo Ussuriiskoi zheleznoi dorogi [Reconstruction of the Ussuri Railway]. *Zheleznodorozhnaya zhizn' na Dal'nem Vostoke* [Railway Life in the Far East], 1916, no. 11, p. 5. (in Russ.)
- Putevoditel' po Velikoi Sibirskoi zheleznoi doroge ot S.-Peterburga do Vladivostoka [Guide to the Great Siberian Railway from St. Petersburg to Vladivostok]. St. Petersburg, Tipografiya I. Shurukhei, 1914, 548 p. (in Russ.)
- Zavetnaya mechta imperatora. K 120-letiyu nachala stroitel'stva Ussuriiskoi zheleznoi dorogi: dokumenty i materialy [The Emperor's Cherished Dream. On the 120th Anniversary of the Beginning of Construction of the Ussuri Railway: Documents and Materials]. Vladivostok, Dal'nauka, 2011, 155 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Михаил Викторович Ходяков, доктор исторических наук, профессор
 Scopus Author ID 57188810645
 WoS Researcher ID J-2620-2013

Information about the Author

Mikhail V. Khodyakov, Doctor of Sciences (History), Professor
 Scopus Author ID 57222092708
 WoS Researcher ID Y-1069-2018

Статья поступила в редакцию 24.11.2024;
 одобрена после рецензирования 18.12.2024; принята к публикации 12.01.2025
*The article was submitted on 24.11.2024;
 approved after reviewing on 18.12.2024; accepted for publication on 12.01.2025*

Научная статья

УДК 94(47).083

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-123-138

От войны к революции: векторы социального предчувствия и пути развала Российской империи

Владимир Прохорович Булдаков

Институт российской истории Российской академии наук
Москва, Россия

kuroneko@list.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8459-016X>

Аннотация

Автор доказывает, что для дальнейшего изучения предреволюционной ситуации в России необходима смена исследовательской парадигмы. При этом требуется качественное изменение и расширение источников базы за счет этого-документов, исходящих прежде всего от творческих элит. Исследователи до сих пор не обращали внимания на то, что предвоенное и предреволюционное время было насыщено смутными ожиданиями, предсказаниями и прогнозами в их среде. Анализ соответствующих документов показывает, что российские культурные элиты пребывали в ожидании мировых и российских потрясений. Их страхи и ожидания постепенно стали резонировать с массовой психологией. Таким образом, предпосылки революции оказались связаны с деструктивной психологией, зародившейся задолго до нее. Соответственно ход дальнейших событий оказался неуправляемым.

Ключевые слова

Россия, Первая мировая война, культурные элиты, правящие верхи, эмоции, предсказания, предчувствия, ожидания

Для цитирования

Булдаков В. П. От войны к революции: векторы социального предчувствия и пути развала Российской империи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 123–138. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-123-138

From War to Revolution: Vectors of Social Premonition and the Paths of Collapse of the Russian Empire

Vladimir P. Buldakov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

kuroneko@list.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8459-016X>

Abstract

The author contends that existing approaches to studying the pre-revolutionary situation in Russia have become insufficient. This is especially true concerning the underlying conditions that led to the revolution. For an extended period, researchers have neglected the psychosocial state of Russian society. As a result, there is a pressing need for a qualitative shift and an expansion of the source material, particularly through ego-documents from the creative elites. Historians have yet to fully grasp that the pre-war and pre-revolutionary periods were characterized by vague expectations, predictions, and forecasts circulating within society. It is also crucial to analyze the extensive correspondence that genuinely captured the sentiments of the time. An examination of these ego-documents reveals that the Russian cul-

© Булдаков В. П., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 123–138
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 123–138

tural elite anticipated significant upheavals, both globally and domestically. Their fears and anticipations began to resonate with the broader masses, contributing to a decline in mutual trust within society. This breakdown fostered a tense social climate that profoundly affected the mindset of the ruling class. The nature of the autocratic system inherently stifled initiative, which led to a sense of irresponsibility among its leaders. This engendered a tendency toward imitative behavior, resulting in what can be described as a “demonstration” type of social conduct. The so-called “crisis at the top” produced a perception of administrative paralysis. The situation was further complicated by the actions of Nicholas II and his wife. Thus, the roots of the revolution were closely linked to the destructive psychology influencing both the upper and lower classes. Consequently, the unfolding events became increasingly unpredictable. Some contemporaries recognized that the so-called revolution was, in reality, a result of the self-dissolution of the autocratic system.

Keywords

Russia, World War I, cultural elites, ruling elites, emotions, predictions, premonitions, expectations

For citation

Buldakov V. P. From War to Revolution: Vectors of Social Premonition and the Paths of Collapse of the Russian Empire. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 123–138. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-123-138

Всякая революция порождает обилие конспирологических «открытий». Россия не составляет исключения. В дополнение к этому в последнее время получила распространение «назидательная» литература: всякая революция есть зло [Митрополит Тихон (Шевкунов), 2024; Барыкин, 2025]. Правда, в начале XX в. редко кто так думал, причем не только в России.

Очевидно, бесполезно анализировать революцию в России изолированно от мировых проблем, ограничиваясь политической или социально-экономической историей. Постепенно становится ясно, что под влиянием индустриально-технологического прогресса в начале XX в. подходила к концу эпоха Просвещения. Это не могло не обернуться невиданной смутой в умах. Увы, сегодняшние конспирологи «тонких материй» людского бытия либо не замечают, либо ложно их трактуют.

Во взгляде на предреволюционную ситуацию в России назрела смена исследовательской парадигмы. Соответственно, требуется качественное изменение и расширение за счет эгодокументов, исходящих из *неполитических* сфер. Поскольку всякая власть является далеко не тем, чем она пытается казаться, для оценки ее устойчивости особое значение приобретает фактор *веры* в нее. Это позволяют сделать материалы перлюстрации, широко практиковавшейся в самодержавной России.

Дурные предчувствия стали имманентной характеристикой европейского сознания в целом. Считается, что в XIX в. сознание западного человека «расщепилось»: вере в прекрасное будущее противостоял ужас перед развертывающейся бездной, от которой нет спасения» [Ясперс, 2008, с. 16]. Т. Манн признавал: «...Нашему времени удалось извратить очень многое: национальность, социализм <...> миф, жизненную философию, иррациональность, веру, молодость, революцию и что угодно» [Манн, 2009, с. 294]. Впрочем, еще в 1916 г. Л. М. Рейнер писала, что «эстеты XX века... обнаружили тление и безнадежность на вершинах духовной жизни, в самом творчестве и его проявлениях» (Рудин, 1916, № 8, с. 10). Своего рода «онтологическая амбивалентность» сказалась на тогдашних предчувствиях.

Европейское сознание терзали сомнения: что принесут успехи науки, техники, промышленности, как будет меняться мир? С одной стороны, прогресс индустриализма, средств сообщения и новых технологий, повлек за собой материальное изобилие и «информационную революцию». Это завораживало. С другой стороны, демографический бум, усиление мобильности населения и неупорядоченная урбанизация сулили невиданные социальные коллизии. Отсюда заразительный интерес к всевозможным фантазиям, предсказаниям и пророчествам.

В России кое-кто предчувствовал дурной исход еще до войны. Выдающийся мыслитель П. А. Флоренский уверял, что его отец «был убежден в неизбежности... потрясения государства, и его мысли рационального порядка впоследствии сплелись с предчувствием грозящей катастрофы и болезненными ощущениями черной тоски» (Флоренский, 1998, с. 761–462).

Известный скульптор С. Т. Коненков утверждал, что после 1905 г. в среде художественной интеллигенции царило убеждение «в абсолютной непригодности и даже преступности существующего царского режима» (Коненков, 2003, с. 69).

На Западе ждали войны, в России – революции. «Вихрь этот чуялся еще перед грозой, в годы гнетущего затишья, когда тяжелая свинцовая пелена давила заветные волны русской жизни и литературы, – писал литературовед Иванов-Разумник – ибо вечно-текущая жизнь эта искони шла под знаком грозы и бури...» (Иванов-Разумник, 1922, с. 8).

Обычно историки прислушиваются к политикам, а не к художникам. Между тем некоторые исследователи связывали «один из самых неясных вопросов истории» с тем, что «талантливые дизайнеры, явно не отличающиеся склонностью к анализу, иногда могут предугадать форму вещей завтрашнего дня лучше, чем профессиональные аналитики» [Хобсбаум, 2004, с. 195]. Чтобы понять это, следовало бы отталкиваться от эмоциональной природы человека, отраженной в литературе и искусстве.

В России тропосы творчества приобретают особое значение. Именно они соединяют экзистенциальные реалии, проникая в «коллективное бессознательное» эпохи, тогда как наука в силу своей эмпирической праосновы расчленяет их. Нелепо с помощью позитивистской методологии изучать стохастически-синергетические процессы, связанные с войнами и революциями. Поскольку человеческий талант обладает той «сверхчувствительностью», которой лишены исследователи-профессионалы, не следует пренебрегать творческими «фантазиями».

Уже после революции некоторые литераторы настаивали на «пророчественности искусства», связанной с особой «светочувствительностью» ее представителей. При этом отмечалось, что высшую «чувствительность обнаруживают поэзия, живопись, скульптура, музыка; низшую же – философия». Последняя «всегда запаздывает и только осмысливает уже пройденный путь – настолько же искусство задолго вперед сигнализирует о надвигающейся перемене». Поэтому, когда впоследствии «с позиций философского ретроспективизма изучаешь и оцениваешь эти сигнальные знаки, они и в самом деле становятся предвещаниями, сбывающимися с неумолимой роковой точностью» (цит. по: (От символизма до «Октября», 1924, с. 240)). Действительно, разум может все «объяснить», но предугадать может только искусство; историю невозможно постичь умозрительно, надо почувствовать на себе ее неумолимый ход. В особой степени это касается империи, особенно тогда, когда она, вопреки информационной «перегрузке», по-прежнему управляет из центра.

В России предчувствие катастрофы связывали с творчеством Л. Н. Андреева, популярность которого была невероятно велика. «Он был сыном своего времени, он был весь в предчувствии катастрофы», – писал о нем Г. И. Чулков (поклонник «мистического анархизма»). К этому он многозначительно добавлял: «А ведь наши малые исторические катастрофы, падение того или иного социального порядка, крушение той или иной формы государственности всегда отражают в себе общую катастрофичность истории и мира... Много у нас было растревоженных людей». На этом фоне Андреев пребывал «в какой-то лихорадке, как будто ожидая чего-то страшного и последнего» (Чулков, 1999, с. 127). А. Блок считал, что Андреев «не человек, не личность, а сплав очень близких мне ужасов мистического порядка» (Блок, 2018, с. 151). Увы, многих пугали «метафизические» пророчества самого Блока.

Очень многие деятели культуры испытывали неясную тревогу: «Еще задолго до катастрофы 14-го года на сознание европейского человечества мрачной и жуткой тенью легло предчувствие грозящей гибели. Старый мир молодился и изо всех сил торопился жить». Результат закономерен: он «рухнул, сраженный своею же рукой» (Искусство старое и новое, 1921, с. 19). Это сказывалось на всех отраслях творчества. Так, В. В. Кандинский выступил с лекцией «об основных теоретических посылках нашего искусства – искусства отрицания». Действительно, общество жило духом отрицания всего старого (Коненков, 2003, с. 74). Аналогичным образом высказывались о творчестве А. Н. Скрябина: оно было «безусловным разрывом не только со всеми художественными навыками и предрассуждениями, заветами и запретами прошлого, но и со всем душевным строем, воспитавшим эти навыки... Отсюда

неудержимый, неумолимый прорыв в неведомые дотоле миры духа» (Иванов, 1991, с. 75). М. Врубель также «сознавал свою пророческую миссию» (Чулков, 1922, с. 92).

«Поэты предугадывали события, – утверждал Г. Чулков – Лирика, как лакмусовая бумажка, тотчас меняет свой цвет, когда еще простым глазом не увидишь в пробирке совершившуюся химическую реакцию. В воздухе носился сладостный и смертоносный запах, как будто запах горького миндаля. Эпитет “предсмертный” стал привычным и необходимым». А. Блока Чулков считал «сейсмографом, свидетельствующим, что близко землетрясение» (Чулков, 1999, с. 145, 153). Нечто подобное писал о другом поэте философ Ф. А. Степун: Андрей Белый «сам себя охотно называл сейсмографом». Однако к этому он добавлял долю скептицизма: «Все предчувствия и пророчества Белого – лишь пророчества и предчувствия хаоса и взрыва. Образа будущей России он не провидит и не предсказывает» (Степун, 1998, с. 160, 177). Сложилась ситуация, когда жизненным ориентиром становилась утопия, totally отрицающая прежний миропорядок, – в данном случае это был призрак социализма.

Всему этому есть объяснение. Чрезмерная этатизация российского социального пространства порождала кумулятивный психологический эффект. Авторитарно-патерналистская власть, сдерживая склонность человека к самостоятельным «национальным» действиям, тем самым перегружала сферу воображаемого и подсознательного. Отсюда гипертрофия эмоциональной сферы, что воплотилось в феномене великой русской литературы XIX в.

Однако предчувствие не есть прогноз. Но оно может приобрести характер «самореализующегося пророчества» – эмоции элиминируют сложившиеся бытийственные формы, в результате «где тонко, там и рвется». Впрочем, для практической политики это ничего не значило. «В том-то <...> и коренится трагедия истории, главная причина ее величественного самоистязания и ее метафизического безобразия, что образ будущего, иногда чаемый пророками и художниками, дольше всего остается скрытым от его фактических творцов» (Степун, 1994, с. 291), – отмечал Ф. Степун. Весьма презрительно отзывался о политиках А. Блок: «Кому и чему здесь верить?.. Все – круговая порука, одна путаница, в которой сам черт ногу сломит» (Блок, 2018, с. 22).

В предвоенные годы «пророчествами» неслучайно увлеклись футуристы. Весной 1914 г. в Москве В. Хлебников начал «уверенно предсказывать, что будто летом должна разразиться мировая война». Со своей стороны, В. Маяковский предрекал грядущую развязку: «Мы сбрасываем одеяло времени и обнажаем истину – летом разразится война, а через два года совершиится уничтожение русской монархии» (Каменский, 2014, с. 199). Правда, тогда ни тому, ни другому не поверили. Однако со временем стало понятно значение футуризма и прочих предвоенных «измов»: «Футуризм, с его проповедью вечного динамизма, перманентного сдвижения всех частей предметов, разрыва всех органических форм – предвещал не остановившийся по сей день процесс смещения всех пластов личной и общественной жизни <...>. Социально-историческая значимость измов была однородна с их художественно-формальными особенностями; *приемы* разложения и сдвигов сочетались с *темами* разрушения и смерти; упрощение, примитивизация, разрыв, смещение, сдвиг, распыление старых *форм* поэзии и искусства соединялись с изображением *моментов* войны, мятежей, схваток, восстаний, окопов, баррикад, взрывов, развала, окостенения» (От символизма до «Октября», 1924, с. 241–242). Со временем этот феномен разглядели многие, тогда как ранее казалось (и не только марксистам), что социальные катастрофы порождаются материальными, а не духовными кризисами.

Всякое художественное творчество тяготеет к системно-образному и вместе с тем к существенному мировосприятию. Напротив, научная мысль XIX в., включая гуманитарную сферу, базировалась на позитивистских основаниях и, соответственно, на упрощенных причинно-следственных зависимостях. К тому же тогдашние представления о прогрессе поддерживались «экспонентными» данными из материально-производственной сферы. Все это провоцировало, с одной стороны, веру в «светлое будущее», с другой – боязнь «опоздать», что особенно негативно сказывалось на поведении политиков.

На этом фоне российские консерваторы по традиции готовились к худшему. «С непонятной жаждой новизны стремились мы вступить в новый, ХХ-й век, – уверял небезызвестный С. А. Нилус¹. – Точно некая незримая сила толкала нас разорвать <...> цепи, связующие наше настоящее со всеми заветами прошлого» (Нилус, 2017, с. 76). На низовом уровне механизм предчувствий получал вульгарные воплощения. «Старые бабы пророчествуют пришествие Антихриста и Анчутки беспятого, свержение царств и “бедствия народные”» (Записки сестры милосердия, 2014, с. 115), – отмечали летом 1915 г. в Твери. За два года до этого Г. Чулков написал роман «Сатана», главным героем которого был Фалалей Григорьевич Беспятов² – «зачинатель всей нашей черной смуты» (Чулков, 1915, с. 8). Словно комментируя все это, Н. А. Бердяев писал: «Пророческая русская душа чувствует себя пронизанной мистическими токами. В народной жизни это принимает форму ужаса от ожидания антихриста» (Бердяев, 1990, с. 31).

Люди – и низы, и элиты – бессознательно воспринимают мир через знакомые нарративы, а пророчества о последних временах – едва ли не самые убедительные из них. На деле исследования по прогнозированию показывают, насколько мала людская способность предугадывать будущее; напротив, простое внимание к «базовой ставке» прошлых исторических событий позволяет предсказывать будущее гораздо точнее. «Психологи доказали, что люди “скучы на познание”, что мы чураемся строгого анализа и предпочитаем эвристику <...>» [Бернстайн, 2024, с. 48, 50]. Поэтому недостаточно констатировать событийную «преемственность»: надежнее ориентироваться на *цикличность* происходящего, исходя из неизменности человеческих качеств (Полибий). Увы, эпоха Просвещения перечеркнула познавательные практики античности.

Тем не менее, некоторые предчувствовали дурной исход с самого начала войны. «Эта война была необыкновенная – нехорошая, страшная, не такая, как все предыдущие войны, – писал композитор Л. Л. Сабанеев. – И я это чувствовал, и, сдавалось мне, и многие это же самое чувствовали. В воздухе повисла какая-то обреченность – и это была не апатия, и это не было отсутствием веры в успех – нет, это было смутное историческое предчувствие» (Сабанеев, 2004, с. 15). Впрочем, задним умом все крепки; мемуаристы склонны опровергивать современные представления в прошлое.

Существует точка зрения, что накануне войны наиболее реалистично указал на грозящую опасность от столкновения с Германией лидер группы правых Государственного совета П. Н. Дурново. В феврале 1914 г. этот германофил предупреждал, что война выгодна только Англии, которая всегда решала свои задачи чужими руками. А поскольку основная тяжесть европейской борьбы ляжет на Россию, возникнет ситуация, известная по русско-японской войне: активизируется оппозиция, провоцирующая революционную стихию. В результате «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению» (Дурново, 1922, с. 187–188, 196). Нечто подобное писал П. А. Столыпин в июле 1911 г.: война будет гибельна для России и династии (Столыпин, 2004, с. 425). Бывший премьер С. Ю. Витте считал, что «нынешняя война – это единоборство Великобритании и Германии за мировую гегемонию <...> остальным державам суждено сыграть роли статистов в этой схватке» (Барк, 2017, с. 274–275). А уже в начале войны немецко-российский авантюрист А. Парвус (И. Л. Гельфанд), считавший себя истинным социал-демократом, предлагал услуги кайзеру по «революционированию России», также опираясь на опыт 1905 г.

«Боюсь, что мои предположения начинают оправдываться, и война, чем бы она для нас ни кончилась – победой или поражением, – разразится великой революцией, которая сметет бюрократию, но вместе с тем уничтожит много памятников культуры, – писал военный юрист, монархист А. Жиркевич. – И во мне крепнет убеждение, что Родина моя – на краю гибели» (Жиркевич, 2007, с. 275). Это было сказано в июле 1916 г., когда, казалось, ситуация на фронте улучшилась. В 31 декабря он отметил: «Последний день старого умирающего

¹ Пропагандист «Протоколов сионских мудрецов».

² Согласно народному поверью чёрт был лишен пяток.

1916 года ничем хорошим Россия не помянет» (Жиркевич, 2007, с. 289). Так и случилось, причем причины этого лежат именно в сфере общественной психологии.

Люди не верили власть предержащим, а затем перестали верить во власть. По самой своей природе самодержавная система продуцировала безынициативность, порождавшую, в свою очередь, безответственность. Отсюда склонность к имитации деятельности, формирующая «показушный» тип поведения. Врожденные черты псевдоморфности системы получали гипертрофированное выражение в экстремальных обстоятельствах, что стимулировало процессы саморазрушения. «Кризис верхов» порождал, в свою очередь, подобие административного ступора.

В условиях войны управляемая система должна была измениться. Теоретически следовало усилить централизации управления, но при одновременном расширении сферы общественной самодеятельности. Общественная самодеятельность должна была подпитывать решения власти. Получалось с точностью до наоборот: Николай II отдался от своих естественных обязанностей, в общественной среде плодились «говорильни».

Как известно, в связи с войной самодержавие вынуждено было уступить общественности, дозволив образование Земского и Городского союзов для помощи фронту, а также Особых совещаний, призванных мобилизовать промышленность, хозяйственную инфраструктуру и логистику. Между тем в правительстве предпринимателей не любили. Государственный контролер П. А. Харitonov заявлял: «Наши заводчики – шайка, с которой надо действовать решительно» (Совет министров, 1999, с. 119). Вспоминали недобрым словом и «грабителей-спекулянтов», именуемых обычно «мародерами тыла».

Событиями во все большей степени правила взаимная подозрительность. Известно, что ни одна система, включая авторитарную, не может существовать без некоторого минимума человеческого доверия. Однако царь был склонен доверять лишь министрам; парламентское большинство, напротив, настаивало на создании «правительства доверия», ответственного перед Думой. И это происходило в атмосфере бездумно нагнетаемой – и сверху, и снизу – шпиономании и германофобии. Во власть должны были прийти профессионалы, способные работать в экстремальных обстоятельствах, поддерживая связь с оппозицией. Таковых не находилось. В результате управляемая вертикаль строилась привычным «назначенческим» способом. Если верить военному министру В. А. Сухомлинову, ставшему жертвой общественного недовольства, то император при выборе всякого ответственного лица задавался лишь одним вопросом: «будет интриговать и подкапываться?» (Сухомлинов, 2021, с. 337).

Интенсивность отставок и назначений, ротаций и рокировок в верхах породила образ «чехарды». Одни искали ее причины в «пропастиях» министров, другие – во влиянии «темных сил». Все было проще: потеряв ориентацию, император метался в поиске людей, которым он мог бы абсолютно доверять, не опасаясь ущемления своих «богоданных» прерогатив.

Постепенно предчувствие дурного конца передалось от людей творчества к высшим администраторам: те и другие впитывали в себя плоды единого культурного наследия, не говоря уже о миазмах массовой культуры сумбурного времени. Их общее гипертрофированное представление о «безобразиях» в верхах передавалось в «темные» низы через всевозможные слухи и наветы. Все это не могло не сказать на судьбе династии.

В войну Совет министров работал в аврально-сituационном режиме: всякое решение принималось с учетом пожеланий царя, требований Ставки, позиции Думы, международного общественного мнения, не говоря уже о настроениях масс. «Я чувствую бремя и горе ответственности, – заявлял в июле 1915 г. А. В. Кривошеин, считавшийся «либеральным» министром. – Несем свою голову на блоде» (Совет министров, 1999, с. 208). Это было преувеличением: ничем, кроме своего поста, министры не рисковали.

Авторитарная власть, особенно российская, боязлива и самонадеяна одновременно. Война усугубила ее врожденные качества. Вместо эффективных управленцев система интенсивно порождала царедворцев. Рассчитывать на искреннюю преданность таких сановников

не приходилось. В конечном счете император шаг за шагом стал уступать им свои прерогативы. Соответственно его личные слабости стали преувеличиваться – сначала в верхах, затем в низах.

К этому добавлялся социокультурный фактор. Управленческая вертикаль в силу своей авторитарной инерционности выстраивалась по архаичному принципу. При этом ей приходилось управлять промышленностью и торговлей, базировавшимися на рыночно-конкурентных (пусть недоразвитых) основах. По своему духу управленческие структуры оставались «антибуржуазными», а так называемая деловая буржуазия еще не созрела до понимания общегосударственных интересов.

Ситуация усугублялась монаршими слабостями. Даже сугубо лояльные мемуаристы отмечали, что у Николая II «не было дара повелителя», который мог бы «покорять сердца и вести за собой людей» (Лукомский, 2012, с. 719). В спокойных условиях он мог оставаться бесцветной ритуальной фигурой. Но в критических ситуациях даже «безликая» власть обязана показать достойное национальное *лицо*. Между тем против власти стала оборачиваться германофobia. Уже в ноябре 1914 г., во время визита на Кавказ, местная элита обратила внимание на то, что «веселилась прислуга государя: лилась немецкая речь – все немцы»³. Николай II подобных «мелочей» не замечал.

В августе 1915 г. император совершил роковой шаг – объявил себя Верховным главнокомандующим. «Больше нет правительства», – такую реакцию на это событие приписывали председателю Думы М. В. Родзянко. Действительно, присутствие в столице императора несколько гасило взаимные претензии Совета министров и Ставки, Совета министров и Думы, не говоря уже о взаимоотношениях между министрами. В его отсутствие уровень взаимного недовольства возрос. Так, попытку членов Думы и Госсовета самостоятельно разобраться в положении дел в стране А. В. Кривошеин воспринял как «выпад против власти». Другой министр Н. Б. Щербатов высказался еще резче: «Полная анархия и безвластие. Упразднение власти нормальной на руку революции» (Совет министров, 1999, с. 218, 221).

Всякая власть старается излучать уверенность. На деле «бумаги А. Н. Яхонтова» (фактически дневник), помощника управляющего делами Совета министров, рисовали иную картину: министры грызлись между собой, то и дело впадали в панику. Правительственные назначения вызывали изумление. Характерно впечатление министра земледелия А. Н. Наумова о состоянии управленческой структуры: «машина неслаженная», «произвол отдельных министров», « злоупотребление волей и именем государя». Отсюда вывод: общий ход управления «во многих случаях зависел от воздействия на государя того или другого отдельного ministra» (Наумов, 1954, с. 358). В ноябре 1915 г. министр просвещения П. Н. Игнатьев недоумевал: «А. Трепов – министр путей сообщения... Человек никогда в жизни двумя курицами не управлял» (цит. по: [Россия..., 2014, с. 669]). Тем не менее, со временем А. Ф. Трепов стал премьер-министром. С ним не считались ни министры, ни камарилья: «Получалось такое впечатление, что на посту премьера нет премьера» (Клячко, 1930, с. 66, 69).

И здесь не обошлось без преувеличений: соблюдение внешней политкорректности компенсировалось внутренним злословием. Создавалось впечатление «клубка змей». Это стало замечаться за пределами правительственные сфер. Соответственно, даже умный и порядочный человек в глазах общественности мог представить в роли дурака и негодяя.

Поражала амбивалентность представлений сановников о власти и своей роли в ней. В августе 1915 г. у Сазонова вырвалось: «Управлять страной не можем. Мы бессильны служить и вредны». Н. Б. Щербатов «пояснил»: «Правительство за собою не имеет армии, города, земства, купцов, дворян – не может существовать» (Совет министров, 1999, с. 234). Тем не менее, министра иностранных дел «антантофила» и «либерала» С. Д. Сазонова в июле 1916 г. сменил Б. В. Штюрмер. Он имел репутацию «если не готового предателя, то готового предать». Говорили, что в июне 1916 г. он готовил распуск не только Государственной думы,

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 42.

но и Государственного совета [Пушкарева, 1982, с. 107]. «У страны нет доверия к правительству, а армия надеется на Думу и военно-промышленный комитет», – признавал государственный контролер П. А. Харитонов в августе 1915 г. (Совет министров, 1999, с. 215).

Начальник штаба Ставки генерал М. В. Алексеев, полагал, что смена министра иностранных дел во время войны – верх нелепости (цит. по: [Черменский, 1976, с. 185]). Генерал был честным, но наивным человеком: он мечтал «примирить» главу Земского союза Г. Е. Львова с царем (Мельгунов, 1964, с. 202, 208). Со временем конспирологи сделали его одним из заговорщиков против династии.

М. В. Родзянко пытался добиться от императора кадровых изменений в правительстве. Характерна реакция императора. В письме Александре Федоровне от 25 июня 1916 г. он сообщал, что Родзянко болтал всякую «чепуху» (Переписка Николая и Александры Романовых, 1926, с. 342). Фактически власть отрезала себе пути к отступлению.

Назначение в сентябре 1916 г. на ключевой пост министра внутренних дел октябриста А. Д. Протопопова также приобрело деструктивное значение. Поначалу общественность возлагала на него некоторые надежды. Между тем его назначение предопределил фактор иного порядка: будучи товарищем председателя Думы во время визита российской парламентской делегации в Великобританию он заслужил одобрение королевского двора. Возможно, Николай II надеялся также, что это назначение поможет навести связи и с российской общественностью. На деле думцы посчитали Протопопова ренегатом. Получалось, что царьвольно или невольно одурачил оппозицию, мечтавшую объединить все общественные организации под эгидой Прогрессивного блока.

Протопопов свое назначение понял по-своему, решив, что для начала обязан доказать свою преданность самодержцу. Последовал нелепейший поступок: былой «представитель общественности» явился в Думу в жандармском мундире! Некоторое время Протопопов маялся между двором и оппозицией, но в итоге круто повернулся вправо. Так, он выступил за скорейший распуск Думы. «Япония одиннадцать раз распускала парламент, и мы распустим», – так он мотивировал свое намерение (Падение царского режима, 1924, с. 110, 259). Люди, неожиданно подброшенные к авторитарной власти, в полном смысле слова «теряли себя».

Впрочем, управляемый хаос усиливался независимо от сплетен и слухов. В принятие ключевых решений все чаще вмешивалась императрица. Она всякий раз стремилась избавиться от «либералов», а однажды предложила уволить всех министров разом, оставив лишь безвредного, но и бесполезного «старика» И. Г. Горемыкина. А пока Александра Федоровна регулярно принимала министров, император объяснял им: «Если вам что[-то] нужно передать, то скажите государыне. Она мне каждый день пишет». Говорили, что Штюрмер регулярно являлся к ней с докладами – на еженедельных визитах якобы настоял Распутин [Россия..., 2014, С. 651–652]. Самодержавная власть словно опошлилась до власти «семейной». Общественность воспринимала это по-своему: «Министерские портфели переходили из рук в руки, мелочные назначения поражали своей неожиданностью и как будто преследовали одну определенную цель – дразнить Государственную думу»⁴, – считал предводитель московского дворянства П. А. Базилевский.

В каждом из премьеров стали видеть очередного «калифа на час», связывая его назначение с Распутиным. «Феномен Распутина» нагнетал напряжение не только в верхах, но и в стране. Происходящее «мыслимо только в воспаленном русском воображении. Это из Достоевского и страшных сказок» («Война стала противна...», 2014, с. 141), – считал С. И. Вавилов – будущий выдающийся ученый. Однако дело было не в Распутине и «темных силах». Разваливалась система управления, генетически настроенная на застой, но пытавшаяся практиковать диктат. Естественно, современники – как сознательно, так и бессознательно – гипертрофировали слабости и пороки старого режима. В общем, это была «стан-

⁴ НИОР РГБ. Ф. 15. П. 4. Д. 1. Л. 46 – 46 об.

дартная» ситуация. «Судьбоносная роль, которую лицемерие и страсть к его разоблачению стали играть в последние годы французской революции, – исторически зафиксированный факт, хоть это и не перестает вызывать удивление историков», – писала Х. Арендт [2011, с. 132]. Так было и перед падением Романовых.

Всякое действие власти воспринималось как «кошибочное». «Покровского⁵ посадили на то место, куда он не годится. Но как чиновник он за все берется: прикажут – завтра акушером будет, – писал в декабре 1916 г. видный кадет Ф. И. Родичев. – Эти назначения <...> показывают <...> каким малым количеством ума управляет мир»⁶. Архиепископ Антоний (Храповицкий) в январе 1917 г. писал: «Государь меняет министров с небывалой и зловещей быстротой, наводящей на самые мрачные опасения... России угрожает революция... Обидно, что войну мы проигрываем»⁷.

Действенность системы, построенной по авторитарно-патерналистскому принципу, прямо пропорциональна энергии и решительности направляемых сверху директив. При этом эффективность последних должна быть очевидна. В противном случае «тонкие материи» имперского бытия рвутся. Коррупция, со своей стороны, морально выхолащивает систему управления, а затем лишает ее государственной осмысленности.

В значительной степени это оказалось связано с деятельностью железных дорог. Бесконтрольность местных властей порождала злоупотребления железнодорожных агентов, систему подкупа. Порой доходило до абсурда. «Некоторые гласные предлагали ассигновать деньги на “толкачей” грузов по железной дороге <...>, – отмечали в Сибири в декабре 1916 г. – Вот она, купеческая матушка Россия, и глупая, и невежественная, и склонная к коррупции» (Серебренников, 2008, с. 285). Управляющий Одесским отделением Дворянского государственного банка в декабре 1916 г. писал либералу Ф. Н. Шипову в Москву: «Видя хищения, мы не только не ловим хищников, но сторонимся, так как боимся быть запачканы ими <...> Вернутся солдатики и революция неизбежна. Ведь все солдаты озлоблены и озверели. Ужас <...> Жутко перед будущим»⁸.

В январе 1916 г. в Совете министров рассматривался вопрос об усилении наказаний за «мздоимство и лихоимство», а также за задержки в исполнении правительственных военных заказов. Репрессивные меры оказались недостаточными. Профессор В. И. Савва в ноябре 1916 г. сообщал генералу Ф. А. Келлеру: «То, что у нас делается, может делать болван или предатель <...> Причина безобразий в том, что берут мелкую рыбу, а не крупную». Далее он отмечал: «Одним война принесла наживу, другие за войну потому, что подозревают правительство в желании заключить предварительно мир; слишком привыкли быть в оппозиции к правительству. Толки, что оно покровительствует евреям, сделали многих юдофобами»⁹. Смятение умов продолжилось.

«В нынешние времена только дурак в убытке», – такие разговоры можно было услышать в московском трамвае (Городцов, 2019, с. 21). «В деревне изобилие, а в городах – нужда <...> Мы все живем в осажденной стране, – писали в ноябре 1916 г. из Думы известному правому деятелю А. С. Вязгину. – Все ропщут не на войну, а на безнаказанность хищников, предателей, на безвластие»¹⁰. Как выразился герой романа Г. Чулкова, «я человек не суеверный <...> но, право, мне чудилось порою, что какие-то дьяволы направляют иных особ <...> на деяния гнусные» (Чулков, 1915. с. 39).

Было бы неверным связывать организационный развал с индивидуальной некомпетентностью людей, призванных принимать те или иные решения. При ослаблении центра управления противоречия ведомственных интересов обострялись автоматически. Отставные минист-

⁵ Н. Н. Покровский – последний министр иностранных дел Российской империи.

⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1445.

⁷ Там же. Д. 1068. Л. 71.

⁸ Там же. Д. 1066. Л. 1723.

⁹ Там же. Д. 1061. Л. 1130.

¹⁰ Там же. Д. 1059. Л. 979.

ры невольно оказывались в положении оппозиционеров, потерявших надежду на самодержавие. Весь правящий слой утратил волю к защите монархии.

К способностям императора руководить армией отношение было более чем скептическое. Французский военный наблюдатель при Ставке майор Ж. Ланглуа 2 января 1916 г. докладывал: «Империей больше никто не управляет. Правительство и двор подталкивают Николая II к реакции, тогда как либеральное движение в Москве под влиянием Гучкова доходит в своей критике до враждебности. На самом деле армиями командует только генерал Алексеев...» (цит. по: [Война, революция, мир, 2019, с. 21]). Другой француз – посол М. Палеолог, по словам А. Н. Бенуа, «мрачно смотрел на положение дел». Он пророчил «в будущем у нас анархию, а для всего мира *une longue période de guerres!*¹¹» (Бенуа, 2003, с. 17).

Тем временем обострялась проблема подвижного состава железных дорог, осенью-зимой 1916 г. произошло несколько крушений [Сенин, 2009, с. 162]. В начале февраля 1917 г. из Новочеркасска писали о нехватке паровозов – использование «угля дурного качества» ведет к быстрому изнашиванию их механизмов. А между тем «хороший уголь распродавался по грабительским ценам обывателям и вывозился». «Что же будет с Россией, если движение по железным дорогам совсем прекратится?» – беспокоился автор письма¹². Сегодня трудно вообразить, что на судьбе громадной империи мог столь основательно оказаться прозаический «угольно-паровозный» фактор.

Безнадежность положения в верхах улавливалась даже в глубокой провинции. «Наши паршивые правители уж очень зазнались и в ус себе не дуют; ну, наверно, и им скоро будет крышка», – писали в ноябре 1916 г. из Пермской губернии¹³.

Последние акты министерской «чехарды» вызвали изумление. Нового премьера Н. Д. Голицына характеризовали так: «Фигура очень неприятная, надменная, ни особого ума, ни талантов». Были и другие отзывы. «Голицын, дряхлый и неумный, будет ширмой, – писали из Петрограда в январе 1917 г. – Про него сам министерский швейцар говорит: “Какой уж он председатель, когда в галоши сам влезть не может?”»¹⁴.

Позднее находящийся в эмиграции один из последних деятельных министров А. А. Риттих, ознакомившись с записями хода правительенных заседаний, сделал вывод: «Совет министров как-то замыкался в самом себе <...>. Желания действовать за свой личный страх... мало чувствуется. Российская способность быть очень умным и не иметь никакой воли к действию... видна вовсю. Причины революции ясны в этих заседаниях за два года до катастрофы» (Совет министров, 1999, с. 429). Безволием оказался поражен не только самодержец, но и его министры. Хуже того, они разучились имитировать волю к действию. Язык власти стал непонятен.

Уже после падения монархии известный публицист Е. Поселянин (Е. Н. Погожев) опубликовал статью с характерным названием «Обвал трона». По его мнению, самодержавие выродилось в «злейшую форму олигархии». Высшая власть, которая вроде бы «держала в плена всю страну», на деле «сама находилась в плена у малой кучки придворных дельцов, и придворный комендант <...> стал невидимой шестерней механизма, к которой присоединились еще и тайные безответственные влияния» (Новое время. 1917. 8 марта). Впрочем, таков удел любой авторитарной власти, которая по мере внутреннего оскудения замыкается на самой себе.

Удивительно, до какой степени в народе перестали стесняться в выражениях, характеризуя «помазанника Божьего». Возникали перверсии царственного образа. Слова о «предательском» и «шпионском» окружении царя повторялись во всех слоях общества – в армии и тылу. Ветеран русско-турецкой войны, 62-летний крестьянин Курской губернии высказался так: «Как мы воевали, то с нами на позициях был сам ГОСУДАРЬ с Князьями, мы тогда бра-

¹¹ Длительный период войн (фр.).

¹² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 17.

¹³ Там же. Д. 1061. Л. 1167.

¹⁴ Там же. Д. 1068. Л. 16.

ли и побеждали, а этот ГОСУДАРЬ <...> только гуляет в саду с немцами». Некий мещанин из Стародуба заявил: «Вот Вильгельм победит, потому что у него сыновья в армии, и он сам в армии со своими солдатами, а где нашему дураку ЦАРИЮ победить» [Колоницкий, 2010, с. 103–104]. Массовое сознание требовало визуального подтверждения близости к царю, способному лично вести к победе, но удовлетворения оно не получало. Анонимный автор из Скопина (Рязанская губерния), сравнивая царя с кайзером, писал в январе 1917 г.: «У врагов наших распоряжается один человек с большим умом и громадной волей, а... царь наш слаб и безволен. Министры его затравлены Думой и меняются чуть не каждый день, а Дума заботится о нас столько же, сколько о прошлогоднем снеге, – ей милы поляки, финляндцы, еще более немцы, а еще более евреи.... Мы никому не верим и менее всего верим Думе»¹⁵.

Люди интеллигентные замечали, что мужики «высказывали мысли, страшные по своей типичности; они думают, не лучше ли было бы, если бы Вильгельм нас завоевал?» Крестьян привлекало то, что у немцев «все такое хорошее, машины, порядок – вера одна, Бог один» (Художники в Первой мировой войне, 2013, с. 356). В критические моменты истории в граждански недоразвитых обществах просыпается своего рода коммуникативный инстинкт – следуют бестиаризация врага. Но со временем может последовать характерная перверсия: свой становится чужим, чужой – своим. Это таит в себе поистине роковую угрозу патерналистской системе.

По некоторым данным, в 1914 – середине 1915 г. Николая II сравнивали в низах то с дурной деревенской бабой, то с нерадивым крестьянином; со временем к этому добавились обвинения в вовлечении страны в ненужную войну. Неэффективность руководства объясняли по-крестьянски: «У Царя пять дочерей, целый бардак, им всем нужно приданое, и вот он и пьет из нас кровь» (цит. по: [Белов, 2017, с. 84]). Самый образ царя в массе населения тускнел.

Некоторые исследователи, отталкиваясь от публичной визуализации образа Романовых, считают, что десакрализация царской четы происходила постепенно и ненамеренно, при этом пагубную роль сыграло подражание британским репрезентациям монарших особ. В результате облик царской семьи слишком опростился и даже «обуржуазился»; создалось впечатление, что императора больше занимают семейные, нежели государственные дела [Rowley, 2009, р. 125–152]. Так или иначе, ни поведением, ни манерой держаться Николай II не подтверждал способности быть подлинным «Хозяином Земли Русской».

Как было замечено, «властитель должен видеть все насквозь, но не позволять смотреть в себя». Это обусловлено тем, что «уважение к диктатурам» связано с их способностью к «концентрации тайны» [Канетти, 1997, с. 314]. Напротив, фигура царя сделалась не просто «прозрачной», но и «пустой». Сам же Николай II не видел вокруг себя ничего, кроме камарильи и химер собственного воображения.

Самодержавный принцип изживал себя на глазах у всех. В конце декабря 1916 – начале января 1917 г. великий князь Александр Михайлович писал Николаю II: «Нельзя править страной, не прислушиваясь к голосу народному, не идя навстречу его нуждам, не считая его способным иметь собственное мнение». В начале февраля великий князь отмечал, что «недовольство растет с большой быстротой», и все шире становится пропасть между императором и народом (Письма и доклады, 2016, с. 465, 468). Однако любые предостережения были бесполезными.

Для многих зрелище распада становилось невыносимым. «Виделся с управленскими индюками-недоносками, высаживающими свое недомыслие с протиранием штанов на канцелярских стульях..., – записывал в дневнике военный врач, побывавший в столице. – Карьерный пафос, протекционистское засилье без разбора средств достижения идут во всю ширь российского бесстыдства». Он отмечал, что «на всем видны следы исконного холуйски-хамского самодержавного режима, дающего радостную жизнь всем плутам, шулерам, миро-

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068. Л. 30.

едам и разного рода штукмейстерам» (Кравков, 2016, с. 282–283). Так же было в провинции. «Настроение прескверное. Газетные известия с войны плохие, кругом казнокрадство, бессовестная спекуляция и массовое уклонение от воинской повинности..., – писали в ноябре 1916 г. из Киева. – А тут еще думские дрязги, породившие пропасть самых невероятных слухов. Словом, Россия совершенно провалилась на экзамене»¹⁶.

Событиями управляли страхи и ожидания. Дело было не только в людском недовольстве. Иерархия рушилась, империя становилась неуправляемой.

«Собственно говоря, у нас в России не революция. Все так устали, что рады были броситься в объятия всему новому, обещавшему не возвращение к прежнему, – записывал А. Жиркович. – Все сразу и на все согласились. Если бы не это единодушие и общества, и армии, и народа, то разве Россия в три дня признала бы Временное правительство» (Жиркович, 2007, с. 294). «Царь, сам свалившийся с престола, – не царь» (Блок, 2001, с. 655) – считал А. Блок. Н. М. Мендельсон, некогда изучавший демонологические образы XVIII в., а позднее сочинивший биографию Н. М. Салтыкова-Щедрина, в 1917 г. выразился и того проще: «Революции не было, самодержавия никто не свергал. А было вот что: огромный организм заболел каким-то сверх-сифилисом. Отгнила голова – говорят: “Мы свергли самодержавие!” Вранье: отгнила голова и отвалилась»¹⁷.

К сожалению, современные историки игнорируют то, что некоторым проницательным людям было ясно более столетия назад. Революция изучается в парадигме, заданной обанкротившимися доктринерами, используя при этом их политическую логику. Однако русская революция имела куда более сложное – психоментальное и аксиологическое – измерение. Без осознания этого факта историческое сознание так и будет безвольно бродить по замкнутому кругу, вовлекая общество в новый цикл идейных заблуждений.

Список литературы

- Арендт Х.** О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.
- Белов С. Б.** Патриотизм 1915 года. Н. Новгород: Изд-во ВГУВТ, 2016. 41 с.
- Барыкин Ю. М.** Большевики: криминальный путь к власти. М.: Родина, 2025. 462 с.
- Бернстайн У.** Заблуждения толпы. Почему люди коллективно сходят с ума. М.: АСТ, 2024. 672 с.
- Война, революция, мир: Россия в международных отношениях: 1915–1925. М.: Аспект Пресс, 2019. 491 с.
- Канетти Э.** Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997. 527 с.
- Колоницкий Б. И.** «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: НЛО, 2010. 657 с.
- Манин Т.** Аристократия духа. Сборник очерков, статей, эссе. М.: Культурная революция, 2009. 368 с.
- Митрополит Тихон (Шевкунов).** Гибель империи. Российский урок. М.: Вольный странник, 2024. 396 с.
- Россия в годы Первой мировой войны: Экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю. А. Петров. М.: РОССПЭН, 2014. 982 с.
- Пушкарева И. М.** Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М.: Наука, 1982. 320 с.
- Сенин А. С.** Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). М.: Транспортная книга, 2009. 316 с.
- Хобсбаум Э.** Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Независимая газета, 2004. 632 с.
- Черменский Е. Д.** IV Государственная дума и свержение царизма в России. М.: Мысль, 1976. 318 с.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1190.

¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 165. Карт. 1. Д. 1. Л. 8 – 8 об.

- Ясперс К.** Власть массы // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М., 2008. С. 10–185.
Rowley A. Monarchy and the Mundane: Picture Postcards and Images of the Romanovs: 1890–1917 // Revolutionary Russia. 2009. Vol. 22 (2). P. 125–152. DOI 10.1080/09546540903274618

Список источников

- Барк П. Л.** Воспоминания последнего министра финансов Российской империи: 1914–1917. М.: Кучково поле, 2017. Т. 1. 492 с.
- Бенуа А. Н.** Мой дневник. 1916–1917–1918. М.: Русский путь, 2003. 704 с.
- Бердяев Н. А.** Судьба России. М.: Сов. писатель, 1990. 346 с.
- Блок А. А.** Записная книжка. М.: T8RUGRAM, 2018. 474 с.
- Блок А. А.** Интеллигенция и революция // Блок А. А. Собр. соч. М., 2001. С. 9–20.
- «Война стала противна, исчезло всякое представление о ее нужности»: Из военных дневников С. И. Вавилова: 1914–1916 гг. // Исторический архив. 2014. № 4. С. 115–143.
- Дурново П. Н.** Записка // Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 178–199.
- Городцов В. А.** Дневники ученого: 1914–1918. М.: Исторический музей, 2019. Кн. 2. 380 с.
- Жиркевич А.** Потревоженные тени... Симбирский дневник. М.: Этерна-принт, 2007. 638 с.
- Записки сестры милосердия Анны Ждановой. Тверь: Триада, 2014. 240 с.
- Иванов В.** Предчувствия и предвестия. Сборник. М.: Гос. ин-т театрального искусства, 1991. 102 с.
- Иванов-Разумник.** Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912–1913 гг. Пг.: Эпоха, 1922. 171 с.
- Искусство старое и новое / Под ред. К. Эрберга. Пг.: Алконост, 1921. 186 с.
- Каменский В. В.** Жизнь с Маяковским. Пермь: Пушка, 2014. 276 с.
- Клячко Л. М.** Повести прошлого. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 176 с.
- Коненков С. Т.** Пророчества о войне. Письма Сталину. М.: Родина, 2003. 240 с.
- Кравков В. П.** Великая война без ретуши: Записки корпусного врача. М.: Вече, 2016. 432 с.
- Лукомский А. С.** Очерки из моей жизни: Воспоминания. М.: Айрис-пресс, 2012. 750 с.
- Мельгунов С. П.** Воспоминания и дневники. Париж: Les Éditeurs Réunis, 1964. Вып. 1. 246 с.
- Наумов А. Н.** Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк: Изд. А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой, 1954. Кн. 2: 1869–1917. 377 с.
- Нилус С. А.** Близ есть, при дверех. 2-е изд. М.: Ин-т русской цивилизации, Родная страна, 2017. 576 с.
- Новое время. 1917. 8 марта.
- Особые журналы Совета министров Российской империи: 1916 год. М.: РОССПЭН, 2008. 758 с.
- От символизма до «Октября» / Сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. М.: Новая Москва, 1924. 303 с.
- Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. 2-е изд., испр. М.; Л.: Госиздат, 1924. Т. 1. 432 с.
- Переписка Николая и Александры Романовых. М.: Госиздат, 1926. Т. 4. 438 с.
- Письма и доклады великого князя Александра Михайловича императору Николаю II: 1889–1917. М.: Кучково поле, 2016. 652 с.
- Рудин. 1916. № 8.
- Сабанеев Л. Л.** Воспоминания о России. М.: Классика-XXI, 2004. 268 с.
- Серебренников И. И.** Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск: Издатель Сапронов, 2008. 592 с.
- Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А. Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 560 с.
- Степун Ф. А.** Встречи. М.: Аграф, 1998. 256 с.

- Степун Ф. А.** Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 1994. 644 с.
- Столыпин П. А.** Переписка. М.: РОССПЭН, 2004. 702 с.
- Сухомлинов В. А.** Воспоминания. М.: Прозаик, 2021. 588 с.
- Флоренский П.** Имена: Сочинения. М.; Харьков: ЭКСМО-Пресс, Фолио, 1998. 912 с.
- Художники в Первой мировой войне: В. А. Фаворский – М. В. Фаворская. И. С. Ефимов – Н. Я. Симонович-Ефимова: Письма. М.: Б. и., 2013. 461 с.
- Чулков Г.** Годы странствий. М.: Эллис Лак, 1999. 861 с.
- Чулков Г.** Наши спутники. 1912–1922. М.: Изд-во И. В. Васильева, 1922. 199 с.
- Чулков Г.** Сатана. М.: Жатва, 1915. 185 с.
- Шидловский С. И.** Воспоминания. Берлин: О. Кирхнер и К°, 1923. Ч. 2. 212 с.

References

- Arendt H.** O revolyutsii [On the Revolution]. Moscow, Evropa, 2011, 464 p. (in Russ.)
- Barykin Yu. M.** Bol'sheviki: kriminal'nyi put' k vlasti [Bolsheviks: the Criminal Path to Power]. Moscow, Rodina, 2025, 462 p. (in Russ.)
- Belov S. B.** Patriotizm 1915 goda [Patriotism of 1915]. Nizhny Novgorod, Izdatel'stvo VGUVT, 2016, 41 p. (in Russ.)
- Bernstein W.** Zabluzhdeniya tolpy. Pochemu lyudi kollektivno skhodyat s uma [Elusions of the Crowd. Why People Go Collectively Mad]. Moscow, AST, 2024, 672 p. (in Russ.)
- Canetti E.** Massa i vlast' [Crowd and Power]. Moscow, Ad Marginem, 1997, 527 p. (in Russ.)
- Chermensky E. D.** IV Gosudarstvennaya duma i sverzhenie tsarizma v Rossii [The IV State Duma and the Overthrow of Tsarism in Russia]. Moscow, Mysl', 1976, 318 p. (in Russ.)
- Hobsbawm E.** Epokha krainostej: korotkii dvadtsaty vek (1914–1991) [The Age of Extremes: The Short Twentieth Century (1914–1991)]. Moscow, Nezavisimaya gazeta, 2004, 632 p. (in Russ.)
- Jaspers K.** Vlast' massy. In: Jaspers K., Baudrillard J. Prizrak tolpy [The Phantom of the Crowd]. Moscow, 2008, pp. 10–185. (in Russ.)
- Kolonitsky B. I.** “Tragicheskaya erotica”: Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny [“Tragic Erotica”: Images of the Imperial Family during the First World War]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 657 p. (in Russ.)
- Mann T.** Aristokratiya dukha. Sbornik ocherkov, statei, esse [Aristocracy of the Spirit. Collection of Essays, Articles and Reports]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2009, 368 p. (in Russ.)
- Metropolitan Tikhon (Shevkunov).** Gibel' imperii. Rossiiskii urok [The Death of an Empire. Russian Lesson]. Moscow, Vol'nyi strannik, 2024, 396 p. (in Russ.)
- Petrov Yu. A.** (ed.). Rossiya v gody Pervoi mirovoi voiny: Ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'-nye protsessy, politicheskii krizis [Russia during the First World War: Economic Situation, Social Processes, and Political Crisis]. Moscow, ROSSPEN, 2014, 982 p. (in Russ.)
- Pushkareva I. M.** Feval'skaya burzhuazno-demokratischevskaya revolyutsiya 1917 g. v Rossii [The February Bourgeois-Democratic Revolution of 1917 in Russia]. Moscow, Nauka, 1982, 320 p. (in Russ.)
- Rowley A.** Monarchy and the Mundane: Picture Postcards and Images of the Romanovs: 1890–1917. *Revolutionary Russia*, 2009, vol. 22 (2), pp. 125–152. DOI 10.1080/09546540903274618
- Senin A. S.** Zhelezodorozhnyi transport Rossii v epokhu voin i revolyutsii (1914–1922 gg.) [Railway Transport in Russia during the Era of Wars and Revolutions (1914–1922)]. Moscow, Transportnaya kniga, 2009, 316 p. (in Russ.)
- Voina, revolyutsiya, mir: Rossiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: 1915–1925 [War, Revolution, Peace: Russia in International Relations: 1915–1925]. Moscow, Aspekt Press, 2019, 491 p. (in Russ.)

List of Sources

- Bark P. L.** Vospominaniya poslednego ministra finansov Rossijskoi imperii: 1914–1917 [Memories of the Last Minister of Finance of the Russian Empire: 1914–1917]. Moscow, Kuchkovo pole, 2017, vol. 1, 492 p. (in Russ.)
- Benoit A. N.** Moi dnevnik. 1916–1917–1918 [My Diary. 1916–1917–1918]. Moscow, Russkii put', 2003, 704 p. (in Russ.)
- Berdyaev N. A.** Sud'ba Rossii [The Fate of Russia]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1990, 346 p. (in Russ.)
- Blok A. A.** Intelligentsiya i revolyutsiya [Intelligentsia and Revolution]. In: Blok A. A. Sobranie sochinenii [Collected Works]. Moscow, Klassika, 2001, pp. 9–20. (in Russ.)
- Blok A. A.** Zapisnaya knizhka [Notebook]. Moscow, T8RUGRAM, 2018, 474 p. (in Russ.)
- Brodsky N. L., Sidorov N. P. (comp.)** Ot simvolizma do "Oktyabrya" [From Symbolism to "October"]. Moscow, Novaya Moskva, 1924, 303 p. (in Russ.)
- Chulkov G.** Gody stranstvii [Years of Displacement]. Moscow, Ellis Lak, 1999, 861 p. (in Russ.)
- Chulkov G.** Nashi sputniki. 1912–1922 [Our Satellites. 1912–1922]. Moscow, Izdatel'stvo I. V. Vasilyeva, 1922, 199 p. (in Russ.)
- Chulkov G.** Satana [Satan]. Moscow, Zhatva, 1915, 185 p. (in Russ.)
- Durnovo P. N.** Zapiska [Note]. *Krasnaya nov'* [Red New], 1922, no. 6 (10), pp. 178–199. (in Russ.)
- Erberg K.** (ed.). Iskusstvo staroe i novoe [Art Old and New]. Petrograd, Alkonost, 1921, 186 p. (in Russ.)
- Florensky P.** Imena: Sochineniya [Names: Works]. Moscow, Kharkov, EKSMO-Press, Folio, 1998, 912 p. (in Russ.)
- Gorodtsov V. A.** Dnevniki uchenogo: 1914–1918 [Diaries of a Scientist: 1914–1918]. Moscow, Istoricheskii muzei, 2019, book 2, 380 p. (in Russ.)
- Ivanov V.** Predchuvstviya i predvestiya. Sbornik [Premonitions and Portents. Collection]. Moscow, Gosudarstvennyi institut teatral'nogo iskusstva, 1991, 102 p. (in Russ.)
- Ivanov-Razumnik.** Zavetnoe. O kul'turnoi traditsii. Stat'i 1912–1913 gg. [Cherished. On the Cultural Tradition. Articles 1912–1913]. Petrograd, Epokha, 1922, 171 p. (in Russ.)
- Kamensky V. V.** Zhizn' s Mayakovskim [Life with Mayakovsky]. Perm', Pushka, 2014, 276 p. (in Russ.)
- Khudozhniki v Pervoi mirovoi voine: V. A. Favorsky – M. V. Favorskaya. I. S. Efimov – N. Ya. Simonovich-Efimova: Pis'ma** [Artists in the First World War: V. A. Favorsky – M. V. Favorskaya. I. S. Efimov – N. Ya. Simonovich-Efimova: Letters]. Moscow, 2013, 461 p. (in Russ.)
- Klyachko L. M.** Povesti proshlogo [Stories of the Past]. Leningrad, Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade, 1930, 176 p. (in Russ.)
- Konenkov S. T.** Prorochestva o voine. Pis'ma Staliniu [Prophecies of War. Letters to Stalin]. Moscow, Rodina, 2003, 240 p. (in Russ.)
- Kravkov V. P.** Velikaya voyna bez retushi: Zapiski korpusnogo vracha [The Great War Without Retouching: Notes of a Corps Doctor]. Moscow, Veche, 2016, 432 p. (in Russ.)
- Lukomsky A. S.** Ocherki iz moei zhizni: Vospominaniya [Essays from My Life: Memories]. Moscow, Airis-press, 2012, 750 p. (in Russ.)
- Melgunov S. P.** Vospominaniya i dnevnniki [Memories and Diaries]. Paris, Les Éditeurs Réunis, 1964, iss. 1, 246 p. (in Russ.)
- Naumov A. N.** Iz utselevshikh vospominanii [From the Surviving Memoirs]. New York, Izdatel'stvo A. K. Naumovo i O. A. Kusevitskoi, 1954, book 2. 1869–1917, 377 p. (in Russ.)
- Nilus S. A.** Bliz est', pri dverekh [Nearby, at the Door]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii, Rodnaya strana, 2017, 576 p. (in Russ.)
- Novoe vremya [New Time], 1917, March 8. (in Russ.)
- Osoby zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii: 1916 god [Special Journals of the Council of Ministers of the Russian Empire: 1916]. Moscow, ROSSPEN, 2008, 758 p. (in Russ.)

- Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannykh v 1917 g. v Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva [The Fall of the Tsarist Regime. Verbatim Reports of Interrogations and Testimony Given in 1917 at the Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924, vol. 1, 432 p. (in Russ.)
- Perepiska Nikolaya i Aleksandry Romanovykh [Correspondence of Nicholas and Alexandra Romanov]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926, vol. 4, 438 p. (in Russ.)
- Pis'ma i doklady velikogo knyazya Aleksandra Mikhailovicha imperatoru Nikolayu II: 1889–1917 [Letters and Reports of Grand Duke Alexander Mikhailovich to Emperor Nicholas II: 1889–1917]. Moscow, Kuchkovo pole, 2016, 652 p. (in Russ.)
- Rudin, 1916, no. 8. (in Russ.)
- Sabaneev L. L.** Vospominaniya o Rossii [Memories of Russia]. Moscow, Klassika-XXI, 2004, 268 p. (in Russ.)
- Serebrennikov I. I.** Preterpev sudeb udary. Dnevnik 1914–1918 gg [Having Endured the Blows of Fate. Diary 1914–1918]. Irkutsk, Izdatel' Sapronov, 2008, 592 p. (in Russ.)
- Shidlovsky S. I.** Vospominaniya [Memoirs]. Berlin, O. Kirchner and Co., 1923, pt. 2, 212 p. (in Russ.)
- Sovet ministrov Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi voiny: Bumagi A. N. Yakhontova (Zapisи заседаний и переписка) [Council of Ministers of the Russian Empire during the First World War: Papers of A. N. Yakhontov. (Recordings of Meetings and Correspondence)]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 1999, 560 p. (in Russ.)
- Stepun F. A.** Byvshee i nesbyvsheesya [What Was and What Never Came to Be]. St. Petersburg, Aleteiya, 1994, 644 p. (in Russ.)
- Stepun F. A.** Vstrechi [Meetings]. Moscow, Agraf, 1998, 256 p. (in Russ.)
- Stolypin P. A.** Perepiska [Correspondence]. Moscow, ROSSPEN, 2004, 702 p. (in Russ.)
- Sukhomlinov V. A.** Vospominaniya [Memoirs]. Moscow, Prozaik, 2021, 588 p. (in Russ.)
- “Voina stala protivna, ischezlo vsyakoe predstavlenie o ee nuzhnosti”: Iz voennykh dnevnikov S. I. Vavilova: 1914–1916 gg. [“The war became disgusting, all sense of its necessity disappeared”: From the War Diaries of S. I. Vavilov: 1914–1916]. *Istoricheskii arkhiv [Historical Archive]*, 2014, no. 4, pp. 115–143. (in Russ.)
- Zapiski sestry miloserdiya Anny Zhdanovoi [Notes of Nurse Anna Zhdanova]. Tver, Triada, 2014, 240 p. (in Russ.)
- Zhirkevich A.** Potrevozhennye teni... Simbirskii dnevnik [Disturbed Shadows... Simbirsk Diary]. Moscow, Eterna-print, 2007, 638 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Владимир Прохорович Булдаков, доктор исторических наук
Scopus Author ID 5494056080

Information about the Author

Vladimir P. Buldakov, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 5494056080

Статья поступила в редакцию 02.07.2025;
одобрена после рецензирования 13.07.2025; принятая к публикации 24.07.2025
The article was submitted on 02.07.2025;
approved after reviewing on 13.07.2025; accepted for publication on 24.07.2025

Историография. Источниковедение

Научная статья

УДК 930+94(47)

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-139-150

Предисловия к томам документальной серии «Полярная звезда» как историографический источник

Наталья Петровна Матханова

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

nmatkhanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2155-2982>

Аннотация

Рассматриваются вступительные статьи к документальной серии «Полярная звезда», в которой публиковались памятники публицистического, мемуарного, эпистолярного и иного наследия декабристов. Предметом анализа стали предисловия к томам, напечатанным в позднесоветский период. В них освещались биографии декабристов, давалась характеристика публикуемых текстов, иногда содержались серьезные источниковедческие наблюдения. Особое внимание обращено на вступительные статьи С. В. Житомирской и С. В. Мироненко к первому и второму томам сочинений и писем М. А. Фонвизина и к первому тому материалов о жизни и деятельности С. П. Трубецкого (автор – В. П. Павлова). Показано значение предисловий как историографических источников для изучения истории декабристоведения, значения цензурных условий и общей идеологической и историографической ситуации, роли личностного фактора – профессионализма и характера авторов, влияния редакции и главного редактора, академика М. В. Нечкиной.

Ключевые слова

историографические источники, история декабристоведения, серия «Полярная звезда», предисловия, М. А. Фонвизин, С. П. Трубецкой, М. В. Нечкина, В. П. Павлова

Благодарности

Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» № FWZM-2024-0006

Для цитирования

Матханова Н. П. Предисловия к томам документальной серии «Полярная звезда» как историографический источник // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 139–150. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-139-150

Introductory Articles to the Volumes of the Documentary Series “Polar Star” as a Historiographic Source

Natalia P. Matkhanova

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

nmatkhanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2155-2982>

Abstract

The study focuses on the introductory articles to the documentary series “Polar Star”, published from 1979 to 1993, which documented the biographies of the Decembrists. It aims to evaluate their significance as historiographic sources. The analyses conducted by S. V. Zhitomirskaya and S. V. Mironenko elucidate the previously overlooked

© Матханова Н. П., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 139–150
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 139–150

role of Fonvizin within secret societies. The introductory article authored by V. P. Pavlova examines the Siberian period of Trubetskoy's works, thereby revealing the unique constraints experienced by Soviet historians. Notably, she was compelled to revise her original conceptual framework due to the pressures exerted by the editorial board under the leadership of Academician M. V. Nechkina. Moreover, several introductory articles reflect on the emotional and psychological conditions of the Decembrists and explore aspects of their private lives – an approach that was relatively uncommon in the historiography of that era. The majority of the introductory articles to the “Polar Star” also discuss the evolution of the Decembrists' views towards revolutionary democracy in the mid-19th century, reflecting the prevailing interpretations of Russian history at that time. These publications provide comprehensive descriptions of the published sources, with many offering significant insights into these materials. The findings have made valuable contributions to modern historical scholarship, particularly by illuminating the participation of various Decembrists in the movement and uncovering their scientific, journalistic, and epistolary contributions, which have now been incorporated into academic discourse. Additionally, these articles have provided clarification on the correct spellings of names such as A. F. Brigen and V. I. Steinheil. They serve as important historiographic sources for studying Decembrist history, highlighting the impact of censorship and the broader ideological and historiographic context. Overall, the articles capture the personalities of their authors, showcasing their professionalism, erudition, scientific perspectives, deep understanding, broad outlook, perseverance in information gathering, and commitment to defending their positions.

Keywords

historiographic sources, history of Decembrist studies, “Polar Star” series, introductory articles, M. A. Fonvizin, S. P. Trubetskoy, M. V. Nechkina, V. P. Pavlova

Acknowledgements

The research was carried out within the state assignment, on the topic “The Past in the Manuscript Sources of the 16th – 20th centuries: preservation and development of traditions” no. FWZM-2024-0006

For citation

Matkhanova N. P. Introductory Articles to the Volumes of the Documentary Series “Polar Star” as a Historiographic Source. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 139–150. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-139-150

Декабристы остаются в исторической памяти и в историографии, хотя отношение к ним менялось неоднократно. Декабристских исследований сравнительно меньше коснулось произошедшее в постсоветский период общее падение общественного и научного интереса к историко-революционной тематике, советская история декабризма «не столь сильно нуждается в переоценке» [Эдельман, 2019, с. 157]. И все же необходимо научное осмысление истории декабристоведения.

Несмотря на многочисленность и разнообразие декабристоведческих работ, истории отечественного декабристоведения последних советских лет как самостоятельной темы практически не существует, в отличие от периода 1930–1950-х гг. Правда, есть обстоятельные главы в монографиях [Андреева, 2009, с. 12–84] и статьи (см. [Цамутали, Белоусов, 2015; Ильин, Шкерин, 2021; Туманик, 2024] и др.). И чаще всего о работах советских лет говорится с удивительным для историков отсутствием исторического подхода, учета условий и прочих азбучных обстоятельств. В историографических текстах о документальной серии «Полярная звезда», хорошо известной многим профессиональным историкам и любителям истории, если и упоминается, то лишь о ее значении для расширения круга источников. Нечто похожее мною уже высказывалось в мемуарном очерке, посвященном истории серии и собственному опыту участия в ней [Матханова, 2012]. С тех пор ситуация изменилась ненамного. Появились статья П. В. Ильина, в которой указано, что «сопроводительные статьи <...> представляют собой развернутые биографические и, во многих случаях, цельные монографические исследования, первый опыт научной реконструкции биографии декабриста» [Ильин, 2013], книга В. А. Шкерина [2016], содержащая высокую оценку работы О. С. Тальской над биографией А. Ф. Бригена, может быть, есть еще что-то, прошедшее мимо моего внимания.

Каждый том серии открывался вступительной статьей / предисловием. Это тексты, выполняющие служебные функции и одновременно являющиеся исследованиями. «Характер вступительной статьи, – гласила Памятка составителю, – определяется прежде всего личностью декабриста, которому посвящен том, – степенью изученности в науке его жизни и творчества, особенностями его наследия и состава тома» (Нечкина, Коваль, 2025, с. 197–198).

Поскольку предисловия к томам являются исследованиями, они могут рассматриваться как историографический источник.

Полемика о содержании понятия «историографический источник» велась в течение многих десятилетий. Не пытаясь охарактеризовать позиции дискутантов, которые достаточно подробно освещены в ряде обзорных статей (см. [Ипполитов, 2013; Маловичко, 2015] и др.), замечу, что придерживаюсь принятого большинством историков мнения С. О. Шмидта, считавшего, что «историографическим источником можно признать всякий источник познания историографических явлений» [Шмидт, 1980, с. 112]. Близкое определение давал Л. Н. Пушкиров: «<...> под историографическим источником следует подразумевать любой исторический источник, содержащий данные по истории исторической науки. И если мы обратимся к практике непосредственно исследовательской работы, то мы увидим, что историография широко пользуется источниками всех типов, видов, родов, разновидностей». При этом «главным и основным типом историографического источника являются письменные исторические источники», хотя могут использоваться исторические источники других типов [Пушкиров, 1980, с. 102–103]. Понятно, что «для историографии как науки главным, основным источником является историческое исследование» [Там же, с. 106].

В настоящей статье рассмотрение проблемы ограничено периодом 1979–1993 гг. Хотя он несколько выходит за рамки советской эпохи, но книги готовились в течение нескольких лет, работа велась в соответствии со сложившейся практикой.

За 14 лет было подготовлено более 20 (четыре или пять готовых томов долго не выходили по финансовым обстоятельствам) написанных в соответствии с едиными требованиями биографических очерков, в них нередко воссоздан живой образ декабриста, его мировоззрение, его индивидуальные черты, взаимоотношения с товарищами.

Большая часть вступительных статей являются серьезными исследованиями, но некоторые имеют особое значение и как важные историографические источники. Прежде всего это предисловия к первому и второму томам сочинений и писем М. А. Фонвизина (Житомирская, Мироненко, 1979) и к первому тому материалов о жизни и деятельности С. П. Трубецкого (Павлова, 1983).

Предисловие к первому тому серии, в который вошли дневник и письма М. А. Фонвизина, задавало тон, его структура повторялась. А. Г. Тартаковский подчеркивал, что «по типу вступительной статьи» издание «может быть признано образцовым» [Тартаковский, 1980, с. 163]. Рассказ о жизни и деятельности декабриста органично включал характеристику его мировоззрения в разные годы жизни, был вписан в исторический контекст эпохи и в историю движения декабристов, в нем был «прояснен ряд затемненных до сих пор моментов истории тайных обществ» [Там же, с. 166]. Так, впервые указывалось на близость, даже «единодущие» М. А. Фонвизина и С. И. Муравьева-Апостола в «признании долгого еще пути развития тайного общества», на необходимость учитывать непрерывность развития тайных обществ и нецелесообразность резкого разделения Союза спасения и Союза благоденствия. Главное же, было установлено, что деятельность Фонвизина в тайном обществе была гораздо более значительной, чем это считалось ранее (Житомирская, Мироненко, 1979, с. 25–26). В предисловии ко второму тому «Сочинений и писем» М. А. Фонвизина представлен глубокий анализ творчества декабриста, сущности его взглядов и их эволюции. Впервые выявлена «сквозная тема всего написанного Фонвизиным – особенности исторического развития России, ими определяемое место ее в современном мировом историческом процессе и из них вытекающие поиски путей изменения общественного строя страны» (Житомирская, Мироненко, 1982, с. 7).

В предисловиях к последующим томам не только воспроизводилась структура первого, для многих авторов оно служило своеобразным эталоном.

Особое место в истории декабристоведения занимает вступительная статья к первому тому, посвященному С. П. Трубецкому, и ее судьба. В. П. Павлова впервые представила столь

обстоятельную и основанную на источниках биографию Трубецкого¹, проследила эволюцию его взглядов в контексте истории движения, дала убедительную его характеристику как одного из руководителей практически всех декабристских обществ и, что она особенно подчернула, уважаемого товарищами человека (Павлова, 1983, с. 19). Подробно рассказывается о событиях декабря 1825 г., подчеркивается решимость Трубецкого, убежденность его и его товарищей в осуществимости намеченного плана. Автор уверена, что именно понимание безнадежности восстания после срыва «самых ответственных элементов плана» сделало неизбежным отказ Трубецкого (Там же, с. 40–42). Главной причиной, побудившей Трубецкого не присоединиться к находившимся на Сенатской площади, Павлова называет «то, что он считал преступлением возглавить восстание, заранее обреченное, по его убеждению², на поражение» (Там же, с. 45). Хотя она допускает, что эта мысль была ошибочной, но уверена в том, что в тех условиях Трубецкой не мог видеть иного исхода событий, кроме напрасного кровопролития. Приводя различные мнения и оценки декабристами поведения Трубецкого, Павлова подчеркивает, что они, даже порицая сам поступок, никогда не называли его изменой (Там же, с. 47). Павлова не согласна и с замечанием Д. И. Завалишина о том, что Трубецкой не обладал политическим мужеством, несмотря на свою очевидную отвагу в боевых условиях (Там же, с. 49). В этом она выступает против позиции М. В. Нечкиной, которая считала, что «неявку диктатора на площадь» можно рассматривать «лишь как измену делу восстания», и соглашалась с оценкой его Завалишиным [Нечкина, 1975а, с. 184, 187]. Павлова оправдывает поведение своего героя на следствии, основная ее мысль заключается в том, что «жестокая, унизительная для Трубецкого характеристика его как политического предателя родилась в ходе следствия и впервые была пущена в ход» лично императором, «стремившимся прежде всего к его нравственной, моральной дискредитации» (Павлова, 1983, с. 52). Она отвергает существование просьбы Трубецкого о помиловании и считает выдумкой сцену его падения к ногам монарха (Там же, с. 54–55). «Оправдательный тон», «подчеркивание своего раскаяния» и т. п. Павлова считает неизбежным и допустимым средством борьбы за жизнь (Там же, с. 59–60).

Концепция В. П. Павловой подверглась критике современных историков за непоследовательность. М. А. Белоусов считал, что «в работе Павловой эклектически объединяются постулаты двух противоречащих друг другу концепций. В. П. Павлова предприняла попытку <...> встроить наблюдения Я. А. Гордина в концепцию движения декабристов М. В. Нечкиной» [Белоусов, 2014, с. 27]. Таким образом, публикатору крупнейшего по полноте и значению комплекса источников, глубоко изучившему и тексты самого Трубецкого, и другие источники, отказывается вправе не только на собственное мнение, но даже и на собственные наблюдения – она ведь всего лишь «встроила» чужие наблюдения в чужую концепцию. Тем нелепее подобные утверждения, что эти наблюдения Я. А. Гордина были высказаны в печати двумя годами позже публикации тома Трубецкого. И сам он ссылался на выводы «внимательной исследовательницы» судьбы Трубецкого Павловой [Гордин, 1985, с. 176]. К сожалению, подобное непонимание условий, в которых работали историки советской эпохи, неисторический подход к их трудам встречаются чаще, чем хотелось бы.

Обращение к протоколам обсуждения предисловия редакторской серии позволяет частично прояснить ситуацию. На Павлову было оказано серьезное давление, главный редактор серии и лидер советского декабристоведения академик М. В. Нечкина даже угрожала снятием своего имени: «Автор имеет право на свою точку зрения, но я как редактор не могу ее принять и поддержать своим именем». Нечкина категорически настаивала: «Я решительно не могу согласиться с попыткой не только объяснить, но и оправдать то, что избранный по именным голосованием диктатор <...> не явился на площадь. Это <...> самым гибельным образом сказалось на исходе восстания» (Нечкина, Коваль, 2025, с. 214). Однако заместитель главного редактора С. Ф. Коваль отметил: «Из 30 более или менее существенных замечаний

¹ Статья Н. Ф. Лаврова была основана на ограниченном круге источников [Лавров, 1926].

² Слова «по его убеждению» были добавлены по настоянию редакторской коллегии (Нечкина, Коваль, 2025, с. 218).

всех участвовавших в обсуждении статьи <...> автор-составитель большинство заслуживающих внимания принял и сделала соответствующую корректировку в тексте <...> По двум принципиальным возражениям, касающимся трактовки содержания “диктаторства” Трубецкого и его роли в восстании, автор-составитель справедливо не согласилась ни с оппонентами, ни с ответственным редактором. Это ее мотивированное убеждение и главная суть ее концепции, которую следует уважать с точки зрения научного подхода к исследованию данной, да и любой другой проблемы» (Нечкина, Коваль, 2025, с. 220). Обсуждение конфликта и концепции Павловой велось в ее переписке с С. Ф. Ковалем, А. В. Глюк, ответственным редактором тома И. В. Порохом и рецензентом Э. А. Павлюченко [Пашко, 2018, с. 187–189]. Смелыми поступками стали заявление иркутской части редколлегии: «Считать работу над вступительной статьей к тому “С. П. Трубецкой”, проделанную автором-составителем В. П. Павловой, завершенной», и слова С. Ф. Кovalя: «Если главный редактор серии М. В. Нечкина найдет необходимым высказать свою точку зрения, она может воспользоваться правом выступить с послесловием к тому» (Нечкина, Коваль, 2025, 220–221). Нечкина не воспользовалась этим предложением и не сняла своего имени как главного редактора, пойдя таким образом на компромисс. Но и Павлова признала, что «объективно нейвка Трубецкого на Сенатскую площадь нанесла восстанию невосполнимый урон», хотя отстаивала необходимость «снять с него незаслуженное клеймо изменника» и повторяла: «Изучение, анализ источников, позволивших проследить жизненный путь Трубецкого, подсказывают вывод о незаслуженной, резкой и подчас предвзятой оценке его личности и его роли в восстании 14 декабря» (Павлова, 1983, с. 51, 67). Дискуссия продолжалась после выхода в свет томов серии, посвященных С. П. Трубецкому, позиция В. П. Павловой нашла сторонников [Курскова, 1984; Ремизова, 1986] и оппонентов [Даревская, 1990].

Эта история представляет особый интерес для характеристики историографического быта того времени. В 1982 г. ленинградская архивистка и иркутские историки («не обремененные» степенями и званиями) проявили смелость, отстаивая право на авторскую концепцию и решительно возражая такому авторитетному и влиятельному ученому, каким была М. В. Нечкина. Важна она и для характеристики самой Нечкиной, которая все же пошла на компромисс, согласилась с предложенным вариантом, хотя он и содержал основные тезисы Павловой.

В ряде предисловий содержались обстоятельные, впервые основанные на источниках, исследовательские биографии не только М. А. Фонвизина и С. П. Трубецкого, но А. Ф. Бригена (Тальская, 1986), В. И. Штейнгейля (Зейфман, 1985; Шахеров, 1992). Впервые были детально освещены сибирский и послесибирский периоды жизни и деятельности этих и других декабристов – таких, как М. А. Назимов (Попов, 1985), В. Ф. Раевский (Брегман, Федосеева, 1983) и др. Приведенные в них факты, наблюдения и оценки стали общеупотребительными. То же можно сказать и о правильных написаниях фамилий декабристов – не Штейнгель, а Штейнгейль (Зейфман, 1985, с. 54), не Бригген, а Бриген (Тальская, 1986, с. 66). Все вступительные статьи являются ценными историографическими источниками благодаря тому, что содержат новые факты, освещают ранее неизвестные или малоизвестные эпизоды, а порой даже периоды жизни ряда декабристов.

Порой в предисловиях содержатся моменты, нетипичные для отечественной историографии рассматриваемого периода. Для ряда авторов характерен особый интерес к эмоционально-психологическому облику своих героев. Так, о письмах А. М. Муравьева (книга вышла в 1999 г., но была подготовлена много раньше) говорилось, что они «раскрывают нам <...> облик их автора – человека, надломленного пережитыми потерями» (Лисицына, Филиппова, 1999, с. 55). Публикаторы текстов М. А. Фонвизина сумели дать содержательную и эмоциональную формулировку: «Со страниц писем М. А. Фонвизина предстает их автор – человек, ни в каких обстоятельствах не изменявший своим понятиям о чести, добре, правде <...> исполненный скромности, отзывчивости и справедливости» (Житомирская, Мироненко, 1979, с. 76).

Некоторые авторы уделяли довольно много внимания частной жизни своих героев – эти сюжеты сравнительно редко встречались в советской историографии, несмотря на известнейшие работы Ю. М. Лотмана и Н. Я. Эйдельмана. В предисловии к первому тому сочинений и писем Фонвизина авторы довольно подробно осветили историю взаимоотношений с Н. Д. Апухтиной, рассказали о его семейной жизни и хозяйственных делах (Житомирская, Мироненко, 1979, с. 54–56). Нашлось место и для самой Натальи Дмитриевны, кратко освещена ее биография, ее роль в жизни мужа и его товарищей. Найдены редкие для 1979 г. слова об «особом психологическом облике» этой незаурядной женщины: «религиозность – не внешняя, обрядовая, а окраивающая весь ее внутренний мир, державшая ее в состоянии напряженной духовной жизни» (Там же, с. 55). В предисловии к запискам и письмам А. М. Муравьева авторы писали об «особой атмосфере муравьевского дома, с ее высокой духовностью, культурой, добротой и милосердием <...> нравственнымиисканиями и стремлениями к справедливости» (Лисицына, Филиппова, с. 50). Сопоставляя предисловие к изданию мемуаров Н. В. Басаргина в серии «Полярная звезда» и в сборнике «Мемуары декабристов. Южное общество», осуществленные одним и тем же историком с разницей в шесть лет, замечу, что в более позднем подробнее характеризуется частная жизнь, рассказывается о браках Басаргина и его семейной жизни (Порох, 1988, с. 17–19; 1982). Такой подход был характерен не для всех авторов: О. С. Тальская и Н. В. Зейфман лишь упоминали о «сибирских» семьях и незаконных детях А. Ф. Бригена (Тальская, 1986, с. 56–58) и В. И. Штейнгейля (Зейфман, 1985, с. 45).

Обращение к вступительным статьям позволяет конкретизировать важное изменение, произошедшее в историографии. М. В. Нечкина в конце 1974 г. поставила задачу вписать тему о декабристах в Сибири «в рамки огромной проблемы – общественного движения и революционной борьбы в России этих же лет» [Нечкина, 1975б, с. 8–9]. Явно выполняя наказ Нечкиной, авторы подчеркивали прогрессивный характер деятельности своих героев в предреформенные и пореформенные годы. Характеризуя взгляды Фонвизина в последние годы жизни, С. В. Житомирская и С. В. Мироненко писали, что, «продвинувшись далеко вперед от дворянской революционности 1820-х гг., он не дошел до революционного демократизма в его сложившемся к тому времени виде – хотя мысль его развивалась в том же направлении». В то же время они отмечали близость идей Фонвизина (особенно по крестьянскому вопросу) и А. И. Герцена (Житомирская, Мироненко, 1982, с. 45). Аналогичным образом И. В. Порох подчеркивал схожесть тех или иных высказываний и позиций Н. В. Басаргина с герценовскими – и в краткой оценке амнистии 1856 г., и в развернутой характеристикике положения в стране (Порох, 1988, с. 20). О. С. Тальская также подчеркивала связи А. Ф. Бригена с Герценом (Тальская, 1986, с. 59–63). А. А. Брегман выразила согласие с мнением А. П. Бородавкина и Г. П. Шатровой, со свойственным им и уже отмечавшимся в литературе преувеличением революционных надежд Батенькова и намеками на его атеистические убеждения (Брегман, 1989, с. 81–83). Признавая эволюцию его мировоззрения «от декабризма к революционной демократии», она все же указывала на опасность «впасть в преувеличение» и необходимость «определить степень этой эволюции» (Там же, с. 85). В. П. Павлова в предисловии ко второму тому Трубецкого утверждала, что «в сибирский период своей жизни и после амнистии 1856 г. С. П. Трубецкой значительно демократизировал свои идеинные позиции, особенно в крестьянском вопросе. Его радикальные антикрепостнические взгляды <...> во многом сближались с революционно-демократической платформой А. И. Герцена» (Павлова, 1987, с. 57). Примерно так же писал В. П. Шахеров: «Эволюция взглядов Штейнгейля шла в общем направлении передовой общественной мысли России от идеологии декабризма к революционному демократизму» (Шахеров, 1992, с. 16). Об «идеологических перехлестах» в некоторых вступительных статьях справедливо писала В. М. Бокова [2001, с. 503]. Ясно, что на эти выводы повлияла господствовавшая в советской историографии концепция.

Авторы предисловий прослеживали историю создания и издания публикуемых текстов. Так, И. В. Порох пришел к выводу, что записи Н. В. Басаргина «по содержанию и жанровой специфике отдельных частей объединяют в себе разнохарактерные с источниковой точки зрения тексты <...> Первый, второй и третий отделы представляют собой типичную мемуаристику, в которой историографический элемент сведен до минимума», а четвертый отдел и приложение носят историографический и публицистический характер (Порох, 1988, с. 28). Г. Г. Лисицына и Э. Н. Филиппова, сравнив «Мой журнал» А. М. Муравьева и сочинения М. С. Лунина, отметили «общность идей, некоторых мыслей и приводимых фактов», а также «текстуальные совпадения», но подчеркивали наличие в тексте «Моего журнала» «множества иных трактовок и дополнений». Они доказывают: «Муравьев не пользовался при создании записок лунинскими сочинениями», и в то же время, вероятно, существовал общий источник, скорее всего, в виде не устной традиции, а рукописи (Лисицына, Филиппова, 1999, с. 62–72).

Публиковавшиеся в серии источники относительно широко использовались исследователями. Однако далеко не всегда историки указывали имена публикаторов (есть исключения: [Бокова, 2003, с. 127, 130, 408 и др.; Андреева, 2009, с. 121, 122 и др.]) – это, к сожалению, общая проблема недооценки, а то и игнорирования публикаторской деятельности, относящаяся не только к декабристоведению. Вклад авторов-составителей недостаточно оценен, хотя О. В. Эдельман уважительно подчеркивала значение вступительных статей к некоторым томам [Эдельман, 2010, с. 9, 12 и др.], В. А. Шкерин отдал дань заслугам О. С. Тальской и как автора «обстоятельного биографического очерка» о Бригене, и как публикатора [Шкерин, 2016, с. 6].

Изучение опубликованных в «Полярной звезде» биографических очерков позволяет утверждать, что в ряде случаев они являлись подлинными «интеллектуальными биографиями», опережая таким образом достижения отечественной исторической науки. Поскольку в каждой вступительной статье так или иначе освещалась история движения декабристов и общественно-политической мысли России на большом промежутке времени, что делает предисловия источником для изучения истории декабристоведения. Разумеется, на их содержании неизбежно оказывается историческая эпоха, цензурные условия (и самоцензура), а значит, они могут служить источником для изучения влияния подобных факторов. Предисловия к томам серии могут служить историографическим источником еще и потому, что в них отражались представления авторов о задачах подобного текста, понимание степени изученности биографии и наследия декабриста, которому был посвящен том. Научные тексты, хотя и менее явственно, чем это-документы, несут отпечаток личности авторов – их профессионализма, эрудиции, глубины понимания проблем, широты кругозора, личного интереса к отдельным сюжетам, настойчивости в поиске информации и отстаивании своей позиции, эмоционального отношения к герою повествования. Многое зависело от ответственного редактора и рецензентов, мнения членов редколлегии, а также определялось общей историографической ситуацией.

Список литературы

- Андреева Т. В.** Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009. 912 с.
- Белоусов М. С.** «Предательство» С. П. Трубецкого: pro et contra // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. 2014. Вып. 4. С. 15–30.
- Бокова В. М.** Эпоха тайных обществ. М.: Реалии-Пресс, 2003. 656 с.
- Бокова В. М.** «Больной скорее жив, чем мертв»: заметки об отечественном декабристоведении 1990-х гг. // 14 декабря 1825 года: источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2001. Вып. 4. С. 497–561.
- Гордин Я. А.** События и люди 14 декабря. М.: Сов. Россия, 1985. 288 с.

- Даревская Е. М.** Завершен ли спор о С. П. Трубецком? // История СССР. 1990. № 5. С. 151–160.
- Ильин П. В.** 30 лет документальной серии «Полярная звезда»: достижения и перспективы // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. М., 2013. С. 25–36.
- Ильин П. В., Шкерин В. А.** Междуцарствие и петербургское восстание декабристов в зеркале постсоветской историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66, вып. 2. С. 655–671. DOI 10.21638/11701/spbu02.2021.220
- Ипполитов Г. М.** Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2013. Т. 15, № 1. С. 184–195.
- Курскова Г. Ю.** Неизвестное об известном // Сибирь. 1984. № 6. С. 95–98.
- Лавров Н. Ф.** Диктатор 14 декабря // Бунт декабристов: юбилейный сборник, 1825–1925. Л., 1926. С. 129–222.
- Маловичко С. И.** Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. История. 2015. № 2. С. 36–44.
- Матханова Н. П.** Из опыта работы в серии «Полярная звезда» // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: История. 2012. № 1 (2). С. 200–205.
- Нечкина М. В.** День 14 декабря 1825 года. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Мысль, 1975а. 398 с.
- Нечкина М. В.** Несколько слов о сибирском трехтомнике. Вместо предисловия // В сердцах Отечества сынов. Иркутск, 1975б. С. 5–10.
- Пашко И. В.** Архив В. П. Павловой в Иркутском музее декабристов // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. 2018. Вып. 4. С. 183–194.
- Пушкарев Л. Н.** Определение, систематизация и использование историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С. 101–108.
- Ремизова Н. Г.** Декабрист С. П. Трубецкой в русской и советской историографии // Проблемы историографии общественно-политического движения в России XIX – начала XX в. Иваново, 1986. С. 3–33.
- Тартаковский А. Г.** [Рец.] М. А. Фонвизин. Сочинения и письма. Том 1. Дневник и письма. Иркутск, 1979 // История СССР. 1980. № 6. С. 163–166.
- Туманик Е. Н.** Движение декабристов в трудах С. Ф. Коваля // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: История. 2024. Т. 47. С. 116–123. DOI 10.26516/2222-9124.2024.47.116
- Цамутали А. Н., Белоусов М. С.** 190-летие восстания декабристов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2015. Вып. 4. С. 5–20.
- Шкерин В. А.** Уральский след декабриста Бригена. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. 314 с.
- Шмидт С. О.** О некоторых общих проблемах истории исторической науки // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С. 109–117.
- Эдельман О. В.** Следствие по делу декабристов. М.: Модест Колеров, 2010. 354 с.
- Эдельман О. В.** Разговор о декабристах // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 156–160.

Список источников

- Брегман А. А.** Декабрист Гавриил Степанович Батеньков // Батеньков Г. С. Сочинения и письма / Изд. подгот. А. А. Брегман и Е. П. Федосеевой. Иркутск, 1989. Т. 1: Письма. С. 3–88.
- Брегман А. А., Федосеева Е. П.** Владимир Федосеевич Раевский в Сибири // Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности / Подгот. А. А. Брегман и Е. П. Фе-

- досеевой. Иркутск, 1983. Т. 2: Материалы судебного процесса и документы о жизни и деятельности в Сибири. С. 5–58.
- Житомирская С. В., Мироненко С. В.** Декабрист Михаил Фонвизин // Фонвизин М. А. Сочинения и письма. / Изд. подгот. С. В. Житомирской и С. В. Мироненко. Иркутск, 1979. Т. 1: Дневник и письма. С. 7–84.
- Житомирская С. В., Мироненко С. В.** От Союза благоденствия к «русскому социализму». (Идейный путь декабриста М. А. Фонвизина) // Фонвизин М. А. Сочинения и письма / Изд. подгот. С. В. Житомирской и С. В. Мироненко. Иркутск, 1982. Т. 2: Сочинения. С. 3–67.
- Зейфман Н. В.** Декабрист Владимир Иванович Штейнгейль // Штейнгейль В. И. Сочинения и письма / Изд. подгот. Н. В. Зейфман и В. П. Шахеровым. Иркутск, 1985. Т. 1: Записки и письма. С. 3–54.
- Лисицына Г. Г., Филиппова Э. Н.** Декабрист Александр Михайлович Муравьев // Муравьев А. М. Записки, письма / Изд. подгот. Г. Г. Лисицыной, Э. Н. Филипповой. Иркутск, 1999. С. 3–78.
- Нечкина М. В., Коваль С. Ф.** Переписка декабристоведов (1974–1985 гг.) / Изд. подгот. Н. П. Матхановой (Приложение к серии «Полярная звезда»). Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2025.
- Павлова В. П.** Декабрист С. П. Трубецкой // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности / Изд. подгот. В. П. Павловой. Иркутск, 1983. Т. 1: Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. С. 4–69.
- Павлова В. П.** Декабрист Сергей Петрович Трубецкой // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности / Изд. подгот. В. П. Павловой. Иркутск, 1987. Т. 2: Письма. Дневник 1857–1858 гг. С. 3–61.
- Попов О. В.** Декабрист Михаил Александрович Назимов // Назимов М. А. Письма, статьи / Подгот. О. В. Поповым. Иркутск, 1985. С. 3–55.
- Порох И. В.** Декабрист Николай Васильевич Басаргин и его литературное наследие // Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи / Подгот. И. В. Порохом. Иркутск, 1988. С. 3–46.
- Порох И. В.** Н. В. Басаргин и его «Записки» // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 269–279.
- Тальская О. С.** Александр Федорович Бриген // Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения / Изд. подгот. О. С. Тальской. Иркутск, 1986. С. 3–66.
- Шахеров В. П.** Декабрист В. И. Штейнгейль и его творческое наследие // Штейнгейль В. И. Сочинения и письма / Изд. подгот. Н. В. Зейфман и В. П. Шахеровым. Иркутск, 1992. Т. 2: Записки и статьи. С. 3–61.

References

- Andreeva T. V.** Taynye obshchestva v Rossii v pervoi treti XIX v.: pravitel'stvennaya politika i obschestvennoe mnenie [The Secret Societies in Russia in the Early 19th Century: Government Policies and Public Opinion]. St. Petersburg, Liki Rossii, 2009, 912 p. (in Russ.)
- Belousov M. S.** “Predatel’stvo” S. P. Trubetskogo: pro et contra [The “Treason” of S. P. Trubetskoy: Pro et Contra]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2], 2014, iss. 4, pp. 15–30. (in Russ.)
- Bokova V. M.** Epokha tainykh obshchestv [The Age of Secret Societies]. Moscow, Realii-Press, 2003, 656 p. (in Russ.)
- Bokova V. M.** “Bol’noi skoree zhiv, chem merty”: zametki ob otechestvennom dekabristovedenii 1990-kh gg. [“The patient is alive rather than dead”: Notes on the National Decembrists Studies in 1990s]. In: 14 dekabrya 1825 goda: istochniki, issledovaniya, istoriografiya,

- bibliografiya [December 14, 1825: Sources, Researches, Historiography, Bibliography]. St. Petersburg, 2001, iss. 4, pp. 497–561. (in Russ.)
- Darevskaya E. M.** Zavershen li spor o S. P. Trubetskoy? [Is the Dispute about S. P. Trubetskoy Over?]. *Istoriya SSSR [History of the USSR]*, 1990, no. 5, pp. 151–160. (in Russ.)
- Edelman O. V.** Sledstvie po delu dekabristov [Investigation of the Decembrists' Case]. Moscow, Modest Kolerov, 2010, 354 p. (in Russ.)
- Edelman O. V.** Razgovor o dekabristakh [A Conversation about the Decembrists]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal [Petersburg Historical Journal]*, 2019, no. 2, pp. 156–160. (in Russ.)
- Gordin Ya. A.** Sobytiya i lyudi 14 dekabrya [Events and People on December 14]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1985, 288 p. (in Russ.)
- Ilyin P. V.** 30-letie dokumental'noi serii “Polyarnaya zvezda”: dostizheniya i perspektivy [30th Anniversary of the Documentary Series “Polar Star”: Achievements and Perspectives]. In: Arkheograficheskii ezhegodnik za 2009–2010 gg. [Archaeographical Yearbook for 2009–2010]. Moscow, 2013, pp. 25–35. (in Russ.)
- Ilyin P. V., Shkerin V. A.** Mezhdutsarstvie i peterburgskoe vosstanie dekabristov v zerkale postsovetskoi istoriografii [The Interregnum and the Saint Petersburg Revolt of the Decembrists as Reflected in the Post-Soviet Historiography]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya [Vestnik of Saint Petersburg University. History]*, 2021, vol. 66, no. 2, pp. 655–671. (in Russ.) DOI 10.21638/11701/spbu02.2021.220
- Ippolitov G. M.** Istoriograficheskii fakt i istoriograficheskii istochnik kak kategorii istoricheskoi nauki: neprostaya dialektika [Historiographic Fact and Historiographic Source as Categories of Historical Studies: Nonsimple Dialectics]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]*, 2013, vol. 15, no. 1, pp. 184–195. (in Russ.)
- Kurskova G. Yu.** Neizvestnoe ob izvestnom [The Unknown about the Known]. *Sibir' [Siberia]*, 1984, no. 6, pp. 95–98. (in Russ.)
- Lavrov N. F.** Diktator 14 dekabrya [Dictator of December 14]. In: Bunt dekabristov: yubileinyi sbornik, 1825–1925 [Decembrist Revolt: Jubilee Collection, 1825–1925]. Leningrad, 1926, pp. 129–222. (in Russ.)
- Malovichko S. I.** Problema klassifikatsii istochnikov v predmetnom pole istochnikovedeniya istoriografii [The Problem of Classifying Sources in the Subject Field of Historiographic Source Study]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]*, 2015, no. 2, pp. 36–44. (in Russ.)
- Matkhanova N. P.** Iz opyta raboty v serii “Polyarnaya zvezda” [Work Experience in the “Polar Star” Series]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: History]*, 2012, no. 1 (2), pp. 200–205.
- Nechkina M. V.** Den' 14 dekabrya 1825 goda [December 14, 1825]. 2nd ed., supplemented and revised. Moscow, Mysl', 1975, 398 p. (in Russ.)
- Nechkina M. V.** Neskol'ko slov o sibirskom trekhkomnike. Vmesto predisloviya [A Few Words about the Siberian Three-Volume Work. Instead of a Foreword]. In: V serdtsakh Otechestva synov [In the Hearts of the Fatherland's Sons]. Irkutsk, 1975, pp. 5–10. (in Russ.)
- Pashko I. V.** Arkhiv V. P. Pavlovoi v Irkutskom muzee dekabristov [V. P. Pavlova's Archive at the Irkutsk Museum of the Decembrists]. In: *Dekabristskoe kol'tso. Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov [The Decembrist Ring. Bulletin of the Irkutsk Museum of the Decembrists]*, 2018, iss. 4, pp. 183–194. (in Russ.)
- Pushkarev L. N.** Opredelenie, sistematizatsiya i ispol'zovanie istoriograficheskikh istochnikov [Definition, Systematization and Use of Historiographic Sources]. In: Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoi nauki [Methodological and Theoretical Problems of Historiography]. Kalinin, 1980, pp. 101–108. (in Russ.)
- Remizova N. G.** Dekabrist S. P. Trubetskoi v russkoi i sovetskoi istoriografii [Decembrist S. P. Trubetskoy in the Russian and Soviet Historiography]. In: Problemy istoriografii obshchestvenno-

- politicheskogo dvizheniya v Rossii XIX – nachala XX v. [Problems of Historiography of the Socio-political Movement in Russia in the 19th – Early 20th Centuries]. Ivanovo, 1986, pp. 3–33. (in Russ.)
- Shkerin V. A.** Ural'skii sled dekabrista Brigena [Ural Trace of the Decembrist Brigen]. Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi, 2016, 314 p. (in Russ.)
- Shmidt S. O.** O nekotorykh obshchikh problemakh istorii istoricheskoi nauki [On Some General Problems of the Historiography]. In: Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoi nauki [Methodological and Theoretical Problems of Historiography]. Kalinin, 1980, pp. 109–117. (in Russ.)
- Tartakovskiy A. G.** [Rev.] M. A. Fonvizin. Sochineniya i pis'ma. Tom 1. Dnevnik i pis'ma [M. A. Fonvizin. Essays and Letters. Volume 1. Diary and Letters]. Irkutsk, 1979. *Istoriya SSSR [History of the USSR]*, 1980, no. 6, pp. 163–166. (in Russ.)
- Tsamutali A. N., Belousov M. S.** 190-letie vosstaniya dekabristov [190th Anniversary of the Decembrists Uprising]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2 [Bulletin of St. Petersburg University. Series 2]*, 2015, iss. 4, pp. 5–19. (in Russ.)
- Tumanik E. N.** Dvizhenie dekabristov v trudakh S. F. Kovalya [Decembrist's Movement in Scientific Publications by S. F. Koval]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: History]*, 2024, vol. 47, pp. 116–123. (in Russ.) DOI 10.26516/2222-9124.2024.47.116

List of Sources

- Bregman A. A.** Dekabrist Gavril Stepanovich Batenkov [Decembrist Gabriel Stepanovich Batenkov]. In: Batenkov G. S. Sochineniya i pis'ma [Essays and Letters]. A. A. Bregman, E. P. Fedoseeva (eds.). Irkutsk, 1989, vol. 1. Pis'ma [Letters], pp. 3–88. (in Russ.)
- Bregman A. A., Fedoseeva E. P.** Vladimir Fedoseevich Raevskii v Sibiri [Vladimir Fedoseevich Raevsky in Siberia] In: Raevsky V. F. Materialy o zhizni i revolyutsionnoi deyatel'nosti [Materials on Life and Revolutionary Activity]. A. A. Bregman, E. P. Fedoseeva (eds.). Irkutsk, 1983, vol. 2. Materialy sudebnogo processa i dokumenty o zhizni i deyatel'nosti v Sibiri [Materials of the Trial and Documents on Life and Activity in Siberia], pp. 5–58. (in Russ.)
- Lisitsyna G. G., Filippova E. N.** Dekabrist Aleksandr Mikhailovich Muravyov [Decembrist Alexander Mikhailovich Muravyov]. In: Muravyov A. M. Zapiski, pis'ma [Notes, Letters]. G. G. Lisitsyna, E. N. Filippova (eds.). Irkutsk, 1999, pp. 3–78. (in Russ.)
- Nechkina M. V., Koval S. F.** Perepiska dekabristovedov (1974–1985 gg.) [Correspondence of Decembrist Studies' Scholars (1974–1985)]. N. P. Matkhanova (ed.). (Supplement to the "Polar Star" series). Irkutsk, Irkutskii muzei dekabristov, 2025. (in Russ.)
- Pavlova V. P.** Dekabrist Sergei Petrovich Trubetskoi [Decembrist Sergei Petrovich Trubetskoy]. In: Trubetskoy S. P. Materialy o zhizni i revolyutsionnoi deyatel'nosti [Materials on the Life and Revolutionary Activity]. V. P. Pavlova (ed.). Irkutsk, 1987, vol. 2. Pis'ma. Dnevnik 1857–1858 gg. [Letters. Diary 1857–1858], pp. 3–61. (in Russ.)
- Pavlova V. P.** Dekabrist S. P. Trubetskoy [Decembrist S. P. Trubetskoy]. In: Trubetskoy S. P. Materialy o zhizni i revolyutsionnoi deyatel'nosti [Materials on the Life and Revolutionary Activity]. V. P. Pavlova (ed.). Irkutsk, 1983, vol. 1. Ideologicheskie dokumenty, vospominaniya, pis'ma, zametki [Ideological Documents, Memoirs, Letters, Notes], pp. 4–69. (in Russ.)
- Popov O. V.** Dekabrist Mikhail Aleksandrovich Nazimov [Decembrist Mikhail Aleksandrovich Nazimov]. In: Nazimov M. A. Pis'ma, stat'i [Letters, Articles]. O. V. Popov (ed.). Irkutsk, 1985, pp. 3–55. (in Russ.)
- Porokh I. V.** Dekabrist Nikolai Vasil'evich Basargin i ego literaturnoe nasledie [Decembrist Nikolay Vasilyevich Basargin and His Literary Heritage]. In: Basargin N. V. Vospominaniya, rasskazy, stat'i [Memories, Stories, Articles]. I. V. Porokh (ed.). Irkutsk, 1988, pp. 3–46. (in Russ.)

- Porokh I. V.** N. V. Basargin i ego “Zapiski” [N. V. Basargin and His “Notes”]. In: Memuary dekabristov. Yuzhnoe obshchestvo [Memoirs of the Decembrists. Southern Society]. Moscow, 1982, pp. 269–279. (in Russ.)
- Shakherov V. P.** Dekabrist V. I. Shteingeil’ i ego tvorcheskoe nasledie [Decembrist V. I. Steinheil and His Literary Legacy]. In: Steinheil V. I. Sochineniya i pis’ma [Works and Letters]. N. V. Zeifman, V. P. Shakherov (eds.). Irkutsk, 1992, vol. 2. Zapiski i stat’i [Notes and Articles], pp. 3–61. (in Russ.)
- Talskaya O. S.** Aleksandr Fedorovich Brigen. In: Brigen A. F. Pis’ma. Istoricheskie sochineniya [Letters. Historical Works]. O. S. Talskaya (ed.). Irkutsk, 1986, pp. 3–66. (in Russ.)
- Zeifman N. V.** Dekabrist Vladimir Ivanovich Shteingeil [Decembrist Vladimir Ivanovich Steinheil]. In: Steinheil V. I. Sochineniya i pis’ma [Works and Letters]. N. V. Zeifman, V. P. Shakherov (eds.). Irkutsk, 1985, vol. 1. Zapiski i pis’ma [Notes and Letters], pp. 3–54. (in Russ.)
- Zhitomirskaya S. V., Mironenko S. V.** Dekabrist Mikhail Fonvizin [Decembrist Mikhail Fonvizin]. In: Fonvizin M. A. Sochineniya i pis’ma [Works and Letters]. S. V. Zhitomirskaya, S. V. Mironenko (eds.). Irkutsk, 1979, vol. 1. Dnevnik i pis’ma [Diary and Letters], pp. 7–84. (in Russ.)
- Zhitomirskaya S. V., Mironenko S. V.** Ot Soyusa blagodenstviya k “russkomu sotsializmu”. (Ideinyi put’ dekabrista M. A. Fonvizina) [From the Union of Prosperity to “Russian Socialism”. (The Ideological Path of the Decembrist M. A. Fonvizin)]. In: Fonvizin M. A. Sochineniya i pis’ma [Works and Letters]. S. V. Zhitomirskaya, S. V. Mironenko (eds.). Irkutsk, 1982, vol. 2. Sochineniya [Works], pp. 3–67. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Петровна Матханова, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 57190745973

Information about the Author

Natalia P. Matkhanova, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 57190745973

Статья поступила в редакцию 11.03.2025;
одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 20.06.2025
The article was submitted on 11.03.2025;
approved after reviewing on 30.04.2025; accepted for publication on 20.06.2025

Научная информация

Краткое сообщение

УДК 94

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-151-156

Научные чтения

«Миро отечественной интеллигенции в XX веке:

профессия, общество, власть»

(Новосибирск, 26 февраля 2025 г.)

Сергей Александрович Красильников¹, Евгения Андреевна Игнатьева²
Альбина Алексеевна Кожаева³, Дарья Андреевна Мамонтова⁴

¹⁻⁴ Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

¹ Институт истории

Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

¹ krass49@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8366-6083>

² evgandreevna97@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-6944-2216>

³ a.kozhaeva18@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2745-1365>

⁴ d.mamontova@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2722-8473>

Аннотация

Представлен отчет о Научных чтениях «Миро отечественной интеллигенции в XX веке: профессия, общество, власть», проходивших на базе Новосибирского государственного университета 26 февраля 2025 г. Мероприятие было посвящено 100-летию со дня рождения исследователя культуры и интеллигенции советской эпохи, доктора исторических наук, профессора Варлена Львовича Соскина.

Ключевые слова

Варлен Львович Соскин, интеллигенция, культура, СССР

Для цитирования

Красильников С. А., Игнатьева Е. А., Кожаева А. А., Мамонтова Д. А. Научные чтения «Миро отечественной интеллигенции в XX веке: профессия, общество, власть» (Новосибирск, 26 февраля 2025 г.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 151–156. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-151-156

Scientific Readings

“Worlds of National Intelligentsia in the 20th Century: Profession, Society, Authority” (Novosibirsk, February 26, 2025)

Sergey A. Krasilnikov ¹, Evgeniya A. Ignatieva ²,
Albina A. Kozhaeva ³, Darya A. Mamontova ⁴

^{1, 2, 3, 4} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ Institute of History
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ krass49@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8366-6083>

² evgandreevna97@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-6944-2216>

³ a.kozhaeva18@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2745-1365>

⁴ d.mamontova@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2722-8473>

Abstract

A report on Scientific Readings “Worlds of National Intelligentsia in the 20th Century: Profession, Society, Authority” held on the 26th of February 2025 in Novosibirsk State University is presented. The event was dedicated to the 100th anniversary of the researcher of culture and intelligentsia of the Soviet era, Doctor of Historical Sciences, Professor Varlen Lvovich Soskin.

Keywords

Varlen Lvovich Soskin, Intelligentsia, Culture, USSR

For citation

Krasilnikov S. A., Ignatieva E. A., Kozhaeva A. A., Mamontova D. A. Scientific Readings “Worlds of National Intelligentsia in the 20th Century: Profession, Society, Authority” (Novosibirsk, February 26, 2025). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 151–156. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-151-156

24 февраля 2025 г. исполнилось сто лет со дня рождения известного отечественного историка, исследователя культуры и интеллигенции советской эпохи, доктора исторических наук, профессора Варлена Львовича Соскина (1925–2021). В его честь по инициативе учеников Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета при поддержке Института истории Сибирского отделения РАН и Ассоциации выпускников университета «Союз НГУ» провел научные чтения, приуроченные к юбилейной дате. Проблематика чтений отражает ключевое значение, которое ученый и его последователи отдавали исследованию феномена отечественной интеллигенции и той роли, которую она играла в процессах и событиях прошлого века.

Научные чтения открылись приветствиями, с которыми к докладчикам, слушателям и родственникам В. Л. Соскина обратились ректор университета, академик РАН М. П. Федорук, заместитель председателя СО РАН С. Р. Сверчков, представитель Ассоциации «Союз НГУ», академик РАН С. В. Нетесов, директор Гуманитарного института НГУ А. С. Зуев, директор Института истории СО РАН В. М. Рынков, осветившие различные аспекты научной и педагогической деятельности ученого, в том числе его вклад в становление и развитие гуманитарной составляющей в Новосибирском научном центре и в университете.

Научным чтениям памяти В. Л. Соскина была предпослана мемориальная часть, представленная докладом его ученика С. А. Красильникова «Варлен Львович Соскин: жизненный путь ученого, организатора науки, наставника», демонстрацией видеозаписи беседы с ним в марте 2017 г., а также презентациями изданий, выпущенных к юбилейной дате. А. Я. Аблеева, член правления Ассоциации «Союз НГУ», представила книгу воспоминаний и бесед

В. Л. Соскина «В ракурсе личной судьбы историка: к 100-летию со дня рождения профессора Варлена Львовича Соскина» [2025]. Другим изданием, подготовленным и вышедшим к юбилею, стал выпуск электронного научного журнала ИИ СО РАН «Исторический курьер», посвященный проблематике отечественного научно-образовательного потенциала, с мемориальным разделом о В. Л. Соскине, включающим статьи о его исследованиях, документы и материалы о нем¹, который представила соредактор выпуска Н. Н. Аблажей. В ряду памятных мероприятий, состоявшихся в этот день, следует назвать организованную Музеем НГУ выставку, посвященную жизни и творчеству известного ученого.

В научной части чтений были представлены 11 докладов, затрагивавшие разнообразные аспекты проблематики отечественной интеллигенции, подготовленные представителями различных социально-гуманитарных дисциплин (история, экономика, социальная философия), что сделало мероприятие по-настоящему междисциплинарным. Работа проходила по двум сессиям. Первая из них имела прежде всего ретроспективный вектор, направленный на рассмотрение в качестве центральной тематики динамики интеллектуального труда в раннесоветском обществе путем анализа трансформаций его структуры и функций в радикально изменившихся условиях после окончания эпохи войн и революций.

В докладе С. А. Красильникова акцентировалось внимание на процессах преемственности и разрывов как в самой интеллектуальной деятельности групп специалистов в 1920–1930-е гг., так и в политике партийного государства в отношении данной общности. Автор предложил рассматривать оба обозначенных выше аспекта через бинарную оппозицию, выраженную в действии разнонаправленных процессов как в направлении развития и наращивания интеллектуального потенциала, так и в направлении его растраты и уничтожения, выделив феномен интеллигентофобии в качестве одного из инструментов политики того периода, приведя статистику репрессий в отношении ряда корпоративных групп (военспецы, экономисты, инженеры, аграрники), а также членов АН СССР. В выступлении В. Г. Рыженко, посвященном жизнедеятельности двух ученых-гуманитариев, историка И. М. Грэвса (1860–1941) и психолога и педагога М. М. Рубинштейна (1878–1953), подтверждалось сохранение в экстремальную эпоху черт преемственности гуманистической традиции ценности человеческой личности и отстаивания механизмов наследования культуры.

Доклад новосибирских исследователей А. М. Аблажей и Н. Н. Аблажей посвящался анализу причин, хода и результатов острого конфликта между российской научно-образовательной корпорацией и большевистским руководством вокруг сохранения принципа университетской автономии (1921–1922) в ходе начавшегося радикального реформирования высшей школы. Профессура в процессе коммуникации с властью стремилась к поиску легитимных форм сотрудничества с новой властью в интересах науки и высшего образования и обеспечения базовых условий профессиональной деятельности. Однако внутри партийного руководства возобладала позиция следования обновленному в революционном духе уставу высшей школы при разрыве с рядом прогрессивных дореволюционных традиций. В докладе С. А. Некрылова и М. В. Грибовского процессы в научно-образовательной сфере были рассмотрены на институциональном уровне путем обращения к опыту трансформаций, протекавших в Томском университете в раннесоветскую эпоху. Внимание удалено поискам встраивания его в новую модель высшей школы, что сопровождалось противоречивыми и конфликтными явлениями (несинхронность динамики процессов «пролетаризации» студенчества и «советизации» профессуры и др.). Тем не менее в условиях радикальных направлений реформирования вуза томская профессура сумела сохранить черты преемственности поколений в преподавании и научных исследованиях.

В своем выступлении В. И. Клиторин рассмотрел проблему дискуссий второй половины 1920-х гг. о принципах и методах народнохозяйственного планирования сквозь призму идей

¹ См. Выпуск № 1 2025 г. «Отечественный научно-образовательный потенциал в XX – первой четверти XXI века: опыт трансформации» // Исторический курьер. URL: <http://istkurier.ru/index.php/2018-06-21-11-23-48/2025/vypusk-2025-1> (дата обращения 25.08.2025).

и судеб видных отечественных экономистов (Н. Д. Кондратьева, В. А. Базарова, В. Г. Громуна и др.), разработки которых оказались в последующем востребованы мировой практикой планирования. При выявившейся разнице в подходах – телеологический подход (план как директива) предполагал примат целей форсированного роста, тогда как генетический (план как прогноз) предусматривал определение возможных темпов и пропорций исходя из существующего состояния экономики, предупреждая от деструктивных последствий диспропорций, – сталинское руководство поддержало первый из названных, а идеологи генетического подхода были репрессированы. Фактическая экономическая динамика показала как нереальность принятых первых пятилетних планов, так и колоссальные социально-демографические издержки форсированного роста. В центре доклада Д. И. Петина находилась жизнедеятельность и адаптация в постреволюционной реальности специфической и обширной категории, определяемой государством в плане социально-политического статуса как «бывшие люди», куда относили представителей ранее привилегированных в России сословий. Автор, изучивший механизмы кадровых чисток в конце 1920-х гг. в отношении служивших в окружных финансовых отделах Сибири «бывших белогвардейцев», предложил свой вариант описания коллективного портрета данной дискриминированной группы.

Магистрант ГИ НГУ П. Е. Добрачев сделал доклад об интеллигенции в сибирской ссылке 1920-х гг. с точки зрения условий, обеспечивавших преемственность ряда дореволюционных адаптационных практик самоорганизации ссыльных (организация колоний, касс взаимопомощи, общественных организаций помощи ссыльным и т. д.) в обстановке радикально изменившихся государственных репрессивных механизмов на протяжении первой четверти XX в. Распространенные до революции формы антиправительственного активизма со стороны сибирской интеллигенции в 1920-е гг. сошли на нет, уступив место развитию конформистских стратегий ее адаптации.

Вторая сессия включила в себя три доклада, объединенные проблематикой взаимоотношений корпоративных групп ученых с институтами власти в ходе разработки и реализации крупнейших научно-технических проектов послевоенного времени (атомный проект, электронно-вычислительная техника, ракетная программа). В выступлении Е. Т. Артемова рассматривались дискуссионные и недостаточно изученные аспекты истории советского атомного проекта, в их числе его хронологические рамки, основные этапы и результаты, долгосрочные последствия реализации. В итоге наша страна обрела возможности для расширенного воспроизводства ядерного и термоядерного оружия, обеспечения его средствами доставки и боевого управления, сформировала развитую инфраструктуру для поддержания «изделий» в высокой степени боевой готовности. Для выполнения данных целей – достижения ядерного паритета с США – был мобилизован весь необходимый научно-технический потенциал и задействованы громадные экономические ресурсы страны, что сказалось на динамике восстановительных процессов в экономике СССР. В докладе И. А. Крайневой проанализированы проекты развития цифровой вычислительной техники в стране в 1948–1991 гг. через раскрытие основных направлений государственной научно-технической политики в данной области согласно трем технологическим импульсам: потребности атомного проекта; требование соответствующего технического оснащения управляемых организаций на основе ЭВМ во второй половине 1960-х гг.; усилия по созданию ЭВМ пятого поколения как ответ на «японский вызов» в 1980-е гг. В качестве императивов торможения развития ЭВМ названы управляемые решения, слабость микроэлементной базы и недостаточность финансирования отрасли. Выступление Н. А. Куперштох было посвящено страницам биографии выдающегося отечественного ученого, академика Геннадия Викторовича Саковича, которому в апреле исполнилось 94 года. Под его руководством в НПО «Алтай» (Бийск) впервые в СССР разработаны основы построения смесевых ракетных топлив. Его деятельность в стратегически важной оборонной отрасли всегда сочеталась с созданием технологий, значимых для экономики страны: «реанимация» угасающих нефтяных скважин, производство синтетических алмазов и др.

Завершающий работу научных чтений доклад сделал О. А. Донских, в котором в острой полемической форме подверг критике обе существующие дефиниции, определяющие интеллигенцию либо через этические признаки (следование в своей деятельности нравственным принципам), либо как социально-профессиональную общность, занимающую определенное место в структуре общества и выполняющую закрепленные за ней необходимые функции, связанные с развитием культурных процессов. По мнению докладчика, саморефлексия интеллигенции на тему особой роли и миссии в обществе сопровождалась мифологизацией и приводила к разрушительным последствиям в ходе ее активного участия в политике, например, в 1917 г. или в период Перестройки. Как для XIX, так и для XX в. важным фактом явилось то, что все крупные отечественные писатели, ученые, мыслители оказались вне интеллигенции, но именно они становились создателями великой культуры нашей страны. Доклад вызвал краткий, но оживленный обмен мнениями, связанный с тем, является ли иллюзорной или реальной та или иная функциональная деятельность в сфере профессий, связанных с умственным трудом высокой квалификации.

В контексте проблематики истории отечественной интеллигенции как ее жизнедеятельности в трех измерениях (мирах) – профессиональном, социальном и властном – необходимо признать актуальность разработки не только «чистых» форм их реализации, но и более сложных, взаимосвязанных между собой типов интеллектуального труда, таких как ролевая функция в формировании структур гражданского общества или реализация экспертных и иных функций во взаимодействии с институтами власти и т. д. В целом участниками чтений отмечалась теплая и конструктивная атмосфера, связанная с обращением к творческому наследию В. Л. Соскина в области историко-культурных исследований.

Список литературы

В ракурсе личной судьбы историка: к 100-летию со дня рождения профессора Варлена Львовича Соскина / Отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: НГУ, 2025. 288 с.

References

V rakurse lichnoi sud'by istorika: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora Varlena L'vovicha Soskina [From the Perspective of the Historian's Personal Fate: Dedicated to Varlen Lvovich Soskin's 100th Anniversary]. S. A. Krasilnikov (ed.). Novosibirsk, NSU, 2025, 288 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Сергей Александрович Красильников, доктор исторических наук, профессор
SPIN 2872-7241

RSCI Author ID 71393

Евгения Андреевна Игнатьева

SPIN 6426-6450

RSCI Author ID 1077217

Альбина Алексеевна Кожаева

SPIN 4796-4965

RSCI Author ID 1116041

Дарья Андреевна Мамонтова

SPIN 7324-0512

RSCI Author ID 1218131

Information about the Authors

Sergey A. Krasilnikov, Doctor of Sciences (History), Professor

SPIN 2872-7241

RSCI Author ID 71393

Evgeniya A. Ignatieva

SPIN 6426-6450

RSCI Author ID 1077217

Albina A. Kozhaeva

SPIN 4796-4965

RSCI Author ID 1116041

Darya A. Mamontova

SPIN 7324-0512

RSCI Author ID 1218131

Статья поступила в редакцию 21.08.2025;

принята к публикации 21.08.2025

The article was submitted on 21.08.2025;

accepted for publication on 21.08.2025

Список сокращений

- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва
- НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов, Москва
- РГИА – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
- РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, Владивосток
- СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
- ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы

Информация для авторов

В «Вестнике НГУ. Серия: История, филология» по направлению «История» публикуются материалы, соответствующие основным разделам журнала: «Всеобщая история», «Российская история», «Историография. Источниковедение», «Документальные страницы», «Рецензии», «Научная информация».

Сроки выхода журнала: январь (№ 1) и октябрь (№ 8) каждого календарного года. Прием материалов для публикации в № 1 осуществляется с мая по октябрь предыдущего года, в № 8 с ноября предыдущего по апрель текущего года. Рукописи, поступившие в редакцию после определенного в требованиях срока формирования выпуска, не принимаются к рассмотрению (о чем уведомляется автор) или, по желанию автора, передаются на хранение в редакционный портфель до наступления сроков формирования следующего выпуска.

С требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <https://nguhist.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>.

Материалы, предоставляемые для публикации, должны иметь следующий объем:

Статьи: до 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами и учетом всех сносок), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Документальные публикации: до 1 а. л., в том числе вводная статья – до 0,25 а. л. (10 тыс. знаков) и примечания. В примечаниях дается информация о встречающихся в тексте источника именах, неизвестных или малоупотребительных названиях и терминах специального характера.

Рецензии и Научная информация: до 0,4 а. л. (16 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после согласования с ответственным редактором, а к публикации – по решению редакции.

Материалы для публикации подаются в электронном виде. Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<https://nguhist.elpub.ru/jour/index>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала.

К рукописи отдельным файлом необходимо приложить полное указание Ф. И. О., сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также номер контактного телефона и электронный адрес автора.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редакцию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Новосибирский государственный университет,
ауд. 1260 нового учебного корпуса
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 26
E-mail: history@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 18283 в каталоге ОАО «Роспечать»